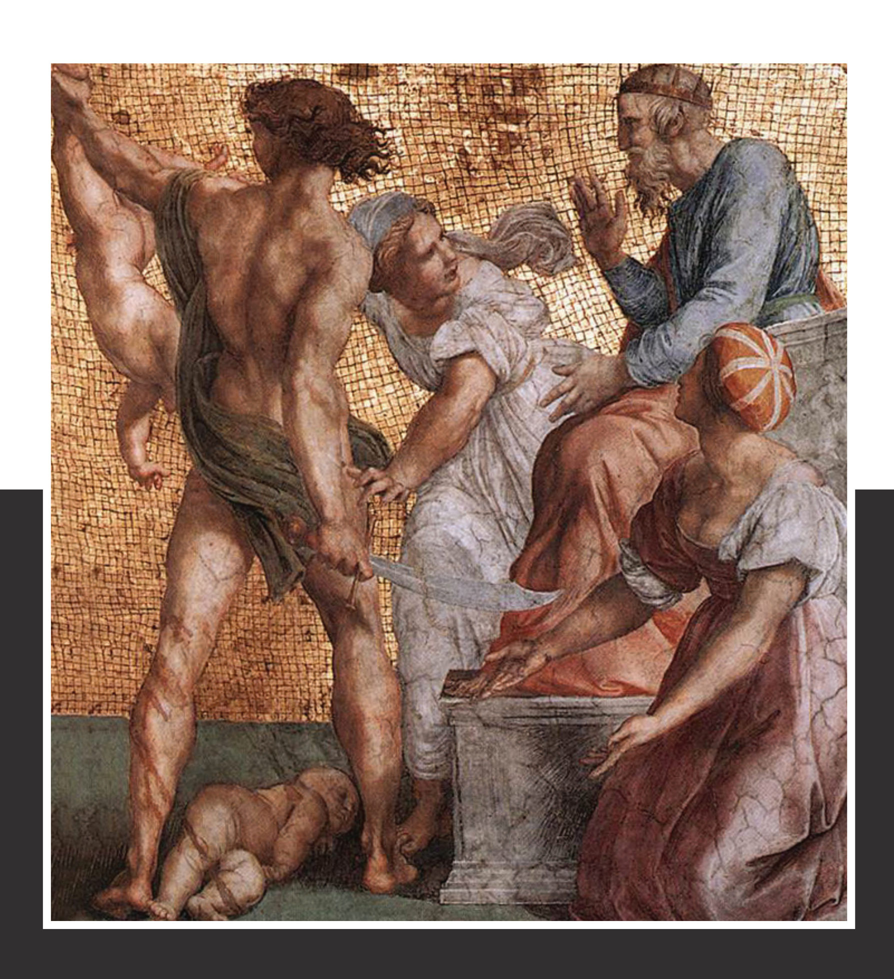


ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ



Проект Ага Хана "Человековедение"



ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Проект Ага Хана "Человековедение"

Бишкек, Душанбе, Алматы

2011

ББК 60.56+87.6+87.7
П – 41

РАЗРАБОТЧИКИ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Кешавджи Рафик *Антропология (США)*
Алибай Шираз *Архитектура (США)*
Абдуллаев Камол *История (Таджикистан)*
Авербуш Брайн *Ближне-восточные языки и цивилизации (США)*
Алимардонов Амрияздон *Востоковедение (Таджикистан)*
Алимбаев Абдурахман *Литература (Кыргызстан)*
Ахтамова Мунира *Филология (Таджикистан)*
Аюпов Нурмагамбет *Философия (Казахстан)*
Бекер Норма Джо *Социальные и политические науки (США)*
Бекзода Комил *Философия (Таджикистан)*
Билялова Гульмира *Философия, религия (Казахстан)*
Биман Виллиам *Антропология (США)*
Ваташоев Олимшо *Международное образование и развитие (Таджикистан)*
Гиёев Курбон *Социальные науки (Таджикистан)*
Джонбобоев Сунатулло *Философия (Таджикистан)*
Джураев Абдурахим *Культурология (Таджикистан)*
Диноршоев Мусо *Консультант, философия (Таджикистан)*
Доолбекова Жылдыз *Политология (Кыргызстан)*
Зиёев Хуршед *История философии (Таджикистан)*
Иваненко Виктория *Преподаватель английского языка (Таджикистан)*
Идиев Хайриддин *Социальные науки (Таджикистан)*
Имомов Шарофиддин *История и международные отношения (Таджикистан)*
Кармали Сакина *Этика (Великобритания)*
Киш Аннамария *Социальная антропология (Венгрия)*
Курбонхонов Обидхон *Социология (Таджикистан)*
Лоди Ясмин *Политическая философия (Индия)*
Мамадамбарова Шарофат *Литература и ассесмент (Таджикистан)*
Махкамова Светлана *Литература (Таджикистан)*
Махмаджанова Фируза *Философия (Таджикистан)*
Махмадхаджаев Ахмаджан *Философия (Таджикистан)*
Межуев Вадим *Консультант, Философия культуры (Россия)*
Миршакар Акмал *Искусство – живопись (Таджикистан)*
Музаффар Мухаммад Али *Антропология и психология (Таджикистан)*
Мухаматкулов Акрам *Политические науки (Узбекистан)*
Наботов Зайниддин *Теология (Таджи кистан)*
Назариев Рамазан *История философии (Таджикистан)*
О'Коннел Джон *Музыкология (Великобритания)*
Олимов Кароматулло *Философские традиции Востока (Таджикистан)*
Паринова Ольга *Филология (Таджикистан)*
Пауел Шарон *Международное образование (США)*
Пулатова Лола *Искусство – музыка (Таджикистан)*
Рахимов Мухсин *Философия и психология (Таджикистан)*
Рахимов Садулло *Киноведение(Таджикистан)*
Рузадоров Мухаббатшо *Социология (Таджикистан)*
Саъдуллоев Мадисо *Философия (Таджикистан)*
Содатсайров Эрадж *Политические науки (Таджикистан)*
Спектор Александра *Филология (Таджикистан)*
Степанянц Мариэтта *Консультант, Философские традиции Востока (Россия)*
Сулайманов Жоомарт *Философия и экология (Кыргызстан)*
Таджиматов Санджарбек *Этнология и этнография (Кыргызстан)*
Томсон Чад *Социальные и политические науки (Канада)*
Турсун-заде Фируза *Эстетика (Таджикистан)*
Файзуллаева Мохира *Политические науки (Таджикистан)*
Халилов Мердан *Экономика и бизнес (Туркменистан)*
Хамон Макс *История (Канада)*
Хафизова Наталья *Политические науки (Таджикистан)*
Холл Майкл *Исламоведение (США)*
Шамолов Абдувахид *Философия (Таджикистан)*
Шарипов Мехмоншо *Исламоведение (Таджикистан)*
Шозимов Пулат *Социальные науки (Таджикистан)*
Шоисматуллаев Шоназар *Социология (Таджикистан)*
Эльбоев Хамза *Культурология (Таджикистан)*
Рахимова Самира *Права человека (Таджикистан)*
Душанбиева Мавджигул *Антропология и культура (Таджикистан)*
Алифбекова Марифат *Образование (Таджикистан)*
Калонов Аджамшо *Политические науки (Таджикистан)*
Ибодов Махмадулло *Философия (Таджикистан)*

Изображение на обложке: "Суд Соломона", 1483-1520, Рафаэль Санти
Дизайнеры: Михаил Романюк, Мансур Ходжибобоев, Амир Исаев

С благодарностью принимается помощь Траста (Фонда) Ага Хана по культуре.

ISBN 978-99947-806-8-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время Центральная Азия претерпевает глубокие культурные изменения. Появляются новые основы для развития самобытности, поскольку получившие в недавнем прошлом независимость государства сталкиваются с более глобальными экономическими и политическими трудностями. Народы Центральной Азии черпают вдохновение из своего прошлого и ищут поддержки в построении новой системы ценностей, которая была бы основана на богатых традициях данных обществ. Ученые, преподаватели ощущают острую необходимость проявления инициатив в развитии более глубокого понимания этических вопросов и вопроса нравственного выбора, который встает перед обществом. Отвечая этим нуждам Траст (Фонд) Ага Хана по Культуре учредил в 1997 году Проект Ага Хана «Человековедение» (ПАХЧ). В 2007 году ПАХЧ вошел в состав Университета Центральной Азии (УЦА). Сам УЦА был учрежден в 2000 году в качестве международной организации по образованию. Учредителями УЦА явились республики Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, а также Его Величество Ага Хан IV.

Проект Ага Хана «Человековедение» продвигает плюрализм в идеях, культурах и народах, инициируя и поддерживая разработку и внедрение ориентированного на студентов междисциплинарного материала по гуманитарным наукам, развитие навыков педагогического и профессионального мастерства преподавателей центральноазиатских университетов и общественных социально-ориентированных проектов. ПАХЧ создает мосты между общинами и обществами в центральноазиатском регионе и помогает гражданам Центральной Азии обмениваться своими традициями и устанавливать связи и взаимоотношения с внешним миром.

Признание достоинств и понимание всей широты своего культурного наследия даст возможность народам Центральной Азии определить те аспекты, которые позволят им приспособиться к быстрым изменениям. Центральная Азия подвергалась влиянию множества культур, включая буддийскую, китайскую, греческую, индийскую, древнеиранскую, исламскую, еврейскую, монгольскую, русскую, турецкую и зороастрийскую. Нельзя недооценивать влияние недавнего советского опыта на формирование ценностей и самосознания. В любом случае студенты могут развить навыки критического мышления, которые помогут им понять всё многообразие внутри каждой отдельной культуры и сходства между различными культурами.

Преподаватели университетов-партнеров Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана прошли специальное обучение методам проведения курсов проекта, оценки учебных материалов, координирования студенческих проектов и проведения последующих преподавательских тренингов. Студенты знакомятся с различными источниками и жанрами посредством различных методов работы на занятиях, разработанных для осуществления активного обучения, помогающих студентам прийти к собственному критическому и глубокому пониманию основных вопросов.

Учебный материал ПАХЧ разрабатывался, апробировался и корректировался в течение десяти лет. Апробация учебных материалов проходила в аудиториях университетов-партнеров с использованием метода обучения, при котором в центре находится студент. В итоге материал был рассмотрен двумя группами международных ученых и завершен в 2008 году с учетом их предложений.

Окончательная версия восьми курсов, составляющих учебный материал ПАХЧ, будет широко распространяться среди университетов. Курсы достаточно гибкие, их можно преподавать при разных обстоятельствах. Они могут быть использованы в тех среднеобразовательных школах, где пилотный проект уже начат, и участниками данных курсов могут являться учащиеся старших классов. Каждое учебное заведение имеет свои запросы и ожидания, поэтому мы предлагаем преподавателям адаптировать материал курсов в соответствии с особенностями аудиторий и требованиями студентов. Подобная творческая адаптация создает базу для образования, основанного на развитии критического мышления, являясь важным шагом в привлечении центральноазиатских студентов к решению проблем их регионов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

В последние два десятилетия поиск социальной справедливости, свойственный исключительно человеку, приобрел первостепенную важность, словно бы человечество наконец-то обрело сознание. А может быть это и так? И, возможно, увеличение требований к справедливости свидетельствует о злоупотреблениях современных систем. Но можем ли мы прекратить поиск справедливости, даже зная о том, что в этом мире идеальная справедливость недостижима? Или мы должны продолжать ее поиск, иногда даже преодолевая собственную бездеятельность? Разве не является избитым положение, что чаще всего несправедливость процветает благодаря нашей бездеятельности, а не злобному умыслу?

Неуклонно продвигаясь к универсальной справедливости, человечество, выражающее себя через различные страны, конституции и культуры, продолжает заявлять об обоснованности различных понятий справедливого порядка. В этих различиях и лежит возможность использовать другие ценности и добродетели. К примеру, классики всех цивилизаций направляют нас к мысли, языку и поиску хорошего, где справедливость ставится в одном ряду с другими ценностями. Некоторые современные мыслители выражали неудовлетворение потерей языка добродетели и его замены на язык свободы. Читателям, может быть, интересно поразмыслить об иерархии ценностей. Подчиняется ли социальная справедливость добродетели? Или она должна быть ее основой?

В наше время поиск справедливости доминирует в СМИ, экономической, политической и социальной жизни. Большинство теорий о справедливости содержит два ее вида: распределительную справедливость и коррективную справедливость (воздаяние). Хотя оба вида справедливости требуют равной доли интеллектуального внимания, именно коррективная справедливость доминирует в СМИ и требует безотлагательного решения. Как и почему мы приобрели чувство справедливости? Что заставляет нас огорчаться и забывать о ежедневных заботах, выходить на улицы, протестовать, требовать и даже предпринимать насильственные меры для достижения справедливости?

Этот учебник и весь курс знакомят с разнообразными идеями о справедливости и попытками людей улучшить систему управления. Мы побуждаем читателя рассмотреть свои сообщества и общества и определить концепцию справедливости, которой они руководствуются. Рассматривая эти концепции и сравнивая их с идеями, представленными в текстах, дебатах в СМИ, дома и в классе, читатели имеют возможность видеть модели справедливости и несправедливости, которые направляют и регулируют общественную жизнь.

Мы также советуем читателям попытаться понять систематические и отдельные проявления несправедливости, исходя из источников несправедливости, ее природы, последствий для жертвы и злоумышленника, государства и общества. Критическое рассмотрение вопроса социальной справедливости каждым гражданином остается единственной реальной возможностью ее достижения в обществе. Этот курс и книга нацелены на развитие обостренного чувства социальной справедливости и потребности в ответственных гражданах для улучшения мира, в котором мы живем.



СТАТУЯ ПРАВОСУДИЯ В ОЛОМУЧЕ. ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен и до наших дней поиск справедливости в познании и на практике был освященным веками уделом философов и теологов. Тем не менее, несметное число определений справедливости, данных ими, не утолили нашу жажду и не остановили поисков. Классический подход к вопросу о справедливости предлагает нам контекстуальный аргумент определения и развития справедливости.

Начиная с рассмотрения таких понятий как «хорошее», «добродетель», «благоразумие» в отношении своих сообществ или народов, классические мыслители дали определение справедливости. Несомненно, поиск справедливости является уникальным видом деятельности, определяющим общество. В сердце каждого общества лежит концепция справедливости, вне зависимости от того, насколько идеально или неидеально она осуществляется этим обществом. Если некоторые определения справедливости попадают под категорию распределительной справедливости, то другие - под ректификационную.

В этой главе представлены работы трех мыслителей - представителей трёх различных цивилизаций, которые исследуют эту концепцию. Рассматриваемые основные ценности этих цивилизаций предлагают основы интеллектуальной истории наследия всего человечества. Читателям даётся возможность рассмотреть разные определения справедливости и, по мере возможности, распределить их по категориям. Вы можете создать свои собственные категории или адаптировать те, о которых говорилось выше.

На основании того, что существуют определения справедливости, включающие в себя и другие достоинства, некоторые мыслители заявляли, что справедливость не является автономной ценностью, но должна обеспечиваться в контексте высших добродетелей. Предлагают ли мыслители, чьи работы представлены в этой главе, теорию справедливости отдельно от других добродетелей или же они располагают ее в контексте других добродетелей и ценностей? Может ли справедливость быть автономной добродетелью? Может ли она быть единственным критерием для организации сообщества, общества или государства?

Каковы взаимоотношения между справедливостью и другими добродетелями или ценностями, например, такими как: истина, сострадание и милосердие? Противоречат ли они друг другу или находятся во взаимодействии? Существует ли иерархия добродетелей и ценностей? Равны ли они?

Насколько желанна справедливость? Хотим ли мы её все время, иногда или вообще не хотим? Можно ли согласиться с тем, что большую часть времени мы не хотим справедливости, а сами заинтересованы в использовании несправед-

ливых действий? Кто-то также может сказать, что мы только тогда вспоминаем о справедливости, когда с нами поступают несправедливо. Большую же часть времени мы не задумываемся о справедливости. Как этот вопрос рассматривается в работах трех классических мыслителей, представленных в этой главе? Необходимы ли определенные условия для процветания справедливости? Каковы они? Возможно ли процветание справедливости при любых условиях?

Эти и другие вопросы встают перед нами, когда мы задумываемся о справедливости.



ЭЗОП. ВОЛК И ЯГНЕНОК

Однажды, придя к источнику на водопой, волк увидел там ягненка. Разыгрался у волка аппетит и решил он ягненка сожрать, вот только надо было найти благовидный предлог. Встал волк выше по течению реки и начал ругать ягненка, что тот мутит ему воду.

— Как же я могу мутить тебе воду, когда лишь едва касаюсь ее губами, да к тому же и стою ниже тебя по течению? — отвечал ягненок.

Задумался волк, не получилось у него с первого раза уличить ягненка. Пришлось придумать другое обвинение:

— Но в прошлом году, я помню, ты обругал моего отца!

— Помилуй,— взмолился ягненок,— в прошлом году меня еще и на свете-то не было!

Больше уже волк придумать ничего не смог, потому сказал:

— Большой ты мастер оправдываться, но я тебя тем не менее съем!

И съел ягненка.

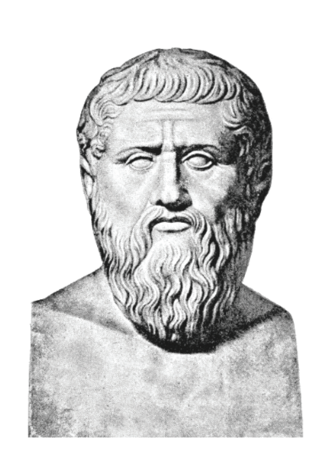
Мораль: знай, если кто-то заранее решился на преступление или злое дело, то никакие оправдания и убеждения его не остановят.

http://porosenok.by.ru/religiya/0110.shtm

8

ПЛАТОН. АПОЛОГИЯ СОКРАТА

Платон (427-347 до н.э.) - гениальный древнегреческий философ, заложивший совместно с Сократом и Аристотелем основы западной цивилизации. В круг его интересов входили вопросы, связанные с искусством, образованием, *эпистемологией*, литературой, милитаризмом, политикой и добродетелью (этикой). Идеи Платона оказали большое влияние на ход человеческой истории. Он оказал влияние на выдающихся западных мыслителей как Аристотель, Цицерон, Плутарх, Ансельм, Декарт, Гоббс, Лейбниц, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Арендт и Гадамер. Его влияние распространилось также и на мусульманских мыслителей, а именно: на Ал-Фараби, Ибн Сину и Ибн Рушда. Платону приписывается множество произведений, но наиболее известными из них являются «Апология Сократа», «Критон», «Горгий», «Законы», «Менон», «Федон», «Протагор», «Государство», «Политик» и «Пир».



Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному - тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они разумеют, то я готов согласиться, что я - оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь **Зевсом**, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, - правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Так вот, я и прошу вас убедительно, и умоляю, о мужи афиняне: услыхавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слыхали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду; так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, - позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош - все

эпистемология – то же, что теория познания

Зевс – верховный греческий бог, восходящий к индоевропейскому божеству неба, отец богов и людей, глава олимпийской семьи богов

равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора - говорить правду.

И вот правильно будет, о мужи афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей. Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасаюсь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстановляли против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий Сократ, мудрый муж, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду. Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом - обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстановляли вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с тенями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает. Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни - обвинившие меня теперь, а другие - давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

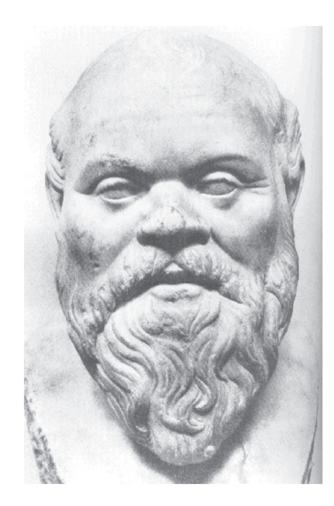
Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами. Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось и чтобы защита моя была успешной, конечно, если это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет, как угодно богу, а закон следует исполнять - и защищаться.

Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих обвинителей: Сократ преступает закон, тщетно испытуя то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же. Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии **Аристофана**, как какой-то Сократ болтается там в корзинке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах (недоставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи афиняне, нисколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят.

Аристофан (445 –386 гг. до н.э.) – древнегреческий комедиограф

А если еще кроме всего подобного вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий. Все они, о мужи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, проживает здесь один ученый муж с Пароса. Встретился мне на дороге человек, который переплатил **софистам** денег больше, чем все остальные вместе, - **Каллий**, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитатели? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно, - отвечает он, - есть». «Кто же это? - спрашиваю я. - Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, - отвечает он, - с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи афиняне!

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много. Скажи нам, что это такое, чтобы нам зря не выдумывать». Вот это, мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сущую правду. Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня. И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах. Ведь вы знаете Херефонта. Человек этот смолоду был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал.



СОКРАТ

софисты (от греч. sophist – искусник, лжемудрец) **–** платные профессиональные учителя философии и красноречия Древней Греции, для которых характерно перемещение интересов от поисков абсолютной истины о космосе и бытии к выработке прагматических рецептов поведения человека «без предрассудков» в обществе (критика традиционной морали, скептическая теория познания и т.д.)

Каллий – сын Гиппоника, богатейший афинянин, тративший большие деньги на обучение у софистов

Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к **оракулу** с таким вопросом. Я вам сказал: не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и **пифия** ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение - объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, ничуть не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку - называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидал то, что я увидал, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, - так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидал то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо. И, клянусь собакой, о мужи афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, - более им одаренными. Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось неопровергнутым. После государственных людей ходил я к поэтам, и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как

оракул – место, обыкновенно в святилище, где получали ответ божества на заданный вопрос, а также само прорицание божества и жрец, дававший ответы, прорицания, исходившие, как считалось, от божества

пифия – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Сидя на треножнике, вдохновленная Аполлоном и в состоянии экстаза, Пифия сообщала предсказания, которые жрец переводил в стихотворную форму

мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Под конец уж пошел я к ремесленникам. Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал, и этим были мудрее меня. Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Вот от этого самого исследования, о мужи афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу богу пребываю я в крайней бедности.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытать других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но, чтобы скрыть свое затруднение, говорят то, что вообще принято говорить обо всех любителях мудрости: он-де занимается тем, что в небесах и

под землею, богов не признает, ложь выдает за истину. А сказать правду, думаю, им не очень-то хочется, потому что тогда оказалось бы, что они только делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. Ну а так как они, думается мне, честолюбивы, могущественны и многочисленны и говорят обо мне согласно и убедительно, то и переполнили ваши уши, клевеща на меня издавна и громко. От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит - за ремесленников, а Ликон - за **риторов**. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался способным опровергнуть перед вами в столь малое время столь великую клевету. Вот вам, о мужи афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я, может быть, и знаю, что через это становлюсь ненавистным, но это и служит доказательством, что я сказал правду и что в этом-то и состоит клевета на меня и таковы именно ее причины. И когда бы вы ни стали исследовать это дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

Итак, что касается первых моих обвинителей, этой моей защиты будет для вас достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей. Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение; рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

- Ну вот, Мелет, скажи-ка ты мне: неправда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

- Конечно.

- В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботишься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напомни им, кто это. Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

- Законы.

-Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

- А вот они, Сократ, - судьи.

- Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

- Как нельзя более.

- Все? Или одни способны, а другие нет?

- Все.

- Хорошо же ты говоришь, клянусь **Герой**, и какое множество людей, полезных для других! Ну а вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

- И они тоже.

- А члены Совета?

ритор -
оратор; человек, владеющий искусством красноречия

Гера –
верховная греческая богиня, супруга Зевса, покровительница семьи и брака

- Да, и члены Совета.

- Но в таком случае, Мелет, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

- И те тоже.

- По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

- Как раз это самое.

- Большое же ты мне, однако, приписываешь несчастье. Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что так же бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу. Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд.

А вот, Мелет, скажи нам еще, ради Зевса: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Ну, друг, отвечай! Я ведь не спрашиваю ничего трудного. Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые - какого-нибудь добра?

- Конечно.

- Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? Отвечай, добрейший, ведь и закон повелевает отвечать. Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получать вред?

- Конечно, нет.

- Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

- Который портит намеренно.

- Как же это так, Мелет? Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые - добро, а я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь! В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях. Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять; потому, ясное дело, что, уразумевши,

я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и не хотел научить, а привел меня сюда, куда по закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении.

Но ведь это уже ясно, о мужи афиняне, что Мелету, как я говорил, никогда не было до этих вещей никакого дела; а все-таки ты нам скажи, Мелет, каким образом, по-твоему, порчу я юношей? Не ясно ли, по обвинению, которое ты против меня подал, что я порчу их тем, что учу не почитать богов, которых почитает город, а почитать другие, новые божественные знамения? Не это ли ты разумеешь, говоря, что своим учением я врежу?

- Вот именно это самое.

- Так ради них, Мелет, ради этих богов, о которых теперь идет речь, скажи еще раз то же самое яснее и для меня, и для этих вот мужей. Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать: то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом-то ты меня и обвиняешь, что я признаю других богов; или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю.

- Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов.

- Удивительный ты человек, Мелет! Зачем ты это говоришь? Значит, я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди?

- Право же так, о мужи судьи, потому что он утверждает, что Солнце - камень, а Луна - земля.

- Берешься обвинять Анаксагора, друг Мелет, и так презираешь судей и считаешь их столь несведущими по части литературы! Ты думаешь, им неизвестно, что книги Анаксагора Клазоменского переполнены подобными мыслями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда они могут узнать то же самое, заплативши за это в **орхестре** иной раз не больше **драхмы**, и потом смеяться над Сократом, если бы он приписывал эти мысли себе, к тому же еще столь нелепые! Но скажи, ради Зевса, так-таки я, по-твоему, никаких богов и не признаю?

- То есть вот ничуточки!

- Это невероятно, Мелет, да, мне кажется, ты и сам этому не веришь. Что касается меня, о мужи афиняне, то мне кажется, что человек этот большой наглец и озорник и что он подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству да еще по молодости лет. Похоже, что он придумал загадку и пробует: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей? Потому что мне кажется, что в своем обвинении он сам себе противоречит, все равно как если бы он сказал: Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов. Ведь это же шутка!

Ну вот посмотрите, так ли он это говорит, как мне кажется. Ты, почтеннейший Мелет, отвечай нам, а вы помните, о чем я вас просил вначале, - не шуметь, если я буду говорить по-своему. Есть ли, Мелет, на свете такой человек, который дела бы людские признавал, а людей не признавал? Скажите ему, о мужи, чтобы он отвечал, а не шумел бы то и дело. Есть ли на свете кто-нибудь, кто бы лошадей не признавал, а все лошадиное признавал бы? Или: флейтистов бы не признавал, а игру на флейте признавал бы? Не существует такого, любезнейший! Если ты не желаешь отвечать, то я сам буду говорить тебе, а также вот и им. Ну а уж на следующее ты должен сам ответить: есть ли на свете кто-нибудь, кто бы знамения божественные признавал, а **гениев** бы не признавал?

орхестра –
известная афинская книжная лавка

драхма –
греческая денежная единица

гений –
в др.-греч. мифологии-дух-покровитель, сопутствующий человеку, позже - вообще добрый или злой дух

- Нет.

- Наконец-то! Как это хорошо, что они тебя заставили ответить! Итак, ты утверждаешь, что божественные знамения я признаю и научаю других признавать - новые или старые все равно, только уж самые-то божественные знамения признаю, как ты говоришь, и ты подтвердил это клятвою; а если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев. Разве не так? Конечно, так. Принимаю, что ты согласен, если не отвечаешь. А не считаем ли мы гениев или богами, или детьми богов? Да или нет?

- Конечно, считаем.

- Итак, если гениев я признаю, как ты утверждаешь, а гении суть своего рода боги, то оно и выходит так, как я сказал, что ты шутишь и предлагаешь загадку, утверждая, что я не признаю богов и, в то же время, что я признаю богов, потому что гениев-то я по крайней мере признаю. А с другой стороны, если гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это и принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов? Это было бы так же нелепо, как если бы кто-нибудь признавал, что существуют мулы - лошадиные и ослиные дети, а что существуют лошади и ослы, не признавал бы. Нет, Мелет, не может быть, чтобы ты подал это обвинение иначе, как желая испытать нас, или же ты недоумевал, в каком бы настоящем преступлении обвинить меня. А чтобы ты мог убедить кого-нибудь, у кого есть хоть немного ума, что один и тот же человек может и признавать и демоническое, и божественное и в то же время не признавать ни демонов, ни богов, это никоим образом невозможно.

Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного. А что у многих явилось против меня сильное ожесточение, о чем я и говорил вначале, это, будьте уверены, истинная правда. И если что погубит меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство многих - то, что погубило уже немало честных людей, думаю, что и еще погубит. Не думайте, что дело на мне остановится!

Но, пожалуй, кто-нибудь скажет: не стыдно ли тебе, Сократ, заниматься таким делом, от которого, может быть, тебе придется теперь умереть? А на это я по справедливости могу возразить: нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не думать всегда лишь о том, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого. Плохими, по твоему рассуждению, окажутся все те полубоги, которые пали под Троей, в том числе и **сын Фетиды**, который из страха сделать что-нибудь постыдное до того презирал опасность, что, когда мать его, богиня, видя, что он горит желанием убить Гектора, сказала ему, помнится, так: «Дитя мое, если ты отомстишь за убийство друга твоего Патрокла и убьешь Гектора, то сам умрешь: скоро за сы-

сын Фетиды – Ахилл (Ахиллес), один из храбрейших греческих героев, осаждавших Трою, воспетый Гомером в «Илиаде»

ном Приама конец и тебе уготован"»,- он, услыхав это, не посмотрел на смерть и опасность, а гораздо больше убоялся оставаться в живых, будучи трусом и не мстя за друзей. «Умереть бы, - говорит он, - мне тотчас, покарав обидчика, только бы не оставаться еще здесь, у кораблей дуговидных, посмешищем для народа и бременем для земли». Кажется ли тебе, что он подумал при этом о смерти и об опасности? Вот оно как бывает поистине, о мужи афиняне: где кто поставил себя, думая, что для него это самое лучшее место, или же поставлен начальником, там и должен переносить опасность, не принимая в расчет ничего, кроме позора, - ни смерти, ни еще чего-нибудь.

Было бы ужасно, о мужи афиняне, если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, под Потидеей, Амфиполем и Делием, - если бы теперь, когда меня поставил сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, если бы теперь я испугался смерти или еще чего-нибудь и бежал из строя, это было бы ужасно, и тогда в самом деле можно было бы по справедливости судить меня за то, что я не признаю богов, так как не слушаюсь оракула, боюсь смерти и считаю себя мудрым, не будучи таковым, потому что бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество - думать, что знаешь то, чего не знаешь? Что же меня касается, о мужи, то, пожалуй, я и тут отличаюсь от большинства людей только одним: если я кому-нибудь и кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об **Аиде**, так и думаю, что не знаю. А что нарушать закон и не слушаться того, кто лучше меня, будь это бог или человек, нехорошо и постыдно - это вот я знаю. Никогда поэтому не буду я бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более, чем того, что наверное есть зло. Так что если бы вы меня отпустили, не поверив Аниту, который сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня, и внушал вам, что если я уйду от наказания, то сыновья ваши, занимаясь тем, чему учит Сократ, развратятся уже вконец все до единого, - даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, - так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра - я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: о лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, - не заботишься и не помышляешь?» И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытать, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким,

Аид –
в греч. мифологии - бог подземного царства мертвых, а также само царство мертвых

кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами, с вами особенно, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше, говоря вам: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей и деньги, и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной. Да, если бы такими словами я развращал юношей, то слова эти были бы вредными. А кто утверждает, что я говорю что-нибудь другое, а не это, тот несет вздор. Вот почему я могу вам сказать, афиняне: послушаетесь вы Анита или нет, отпустите меня или нет - поступать иначе, чем я поступаю, я не буду, даже если бы мне предстояло умирать много раз.

Не шумите, мужи афиняне, исполните мою просьбу - не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю. Я намерен сказать вам и еще кое-что, от чего вы, наверное, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте. Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне повредить, потому что я не думаю, чтобы худшему было позволено вредить лучшему. Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть. Таким образом, о мужи афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудивши меня на в смерть, не проглядеть дара, который вы получили от бога. В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите. Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь. А что я такой как будто бы дан городу богом, это вы можете усмотреть вот из чего: похоже ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переношу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, и убеждая заботиться о добродетели. И если бы я от этого пользовался чем-нибудь и получал бы плату за эти наставления, тогда бы еще был у меня какой-нибудь расчет, а то сами вы

теперь видите, что мои обвинители, которые так бесстыдно обвиняли меня во всем прочем, тут по крайней мере оказались неспособными к бесстыдству и не представили свидетеля, который показал бы, что я когда-либо получал какую-нибудь плату или требовал ее; потому, думаю, что я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, - мою бедность.

Может в таком случае показаться странным, что я подаю эти советы частным образом, обходя всех и во все вмешиваясь, а выступать всенародно в вашем собрании и давать советы городу не решаюсь. Причина этому та самая, о которой вы часто и повсюду от меня слышали, а именно: что мне бывает какое-то чудесное божественное знамение; ведь над этим и Мелет посмеялся в своей жалобе. Началось у меня это с детства: вдруг - какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами. И кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, о мужи афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам. И вы на меня не сердитесь, если я вам скажу правду: нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен.

Доказательства этого я вам представлю самые веские, не рассуждения, а то, что вы цените дороже, - дела. Итак, выслушайте, что со мною случилось, и тогда вы увидите, что я и под страхом смерти никого не могу послушаться вопреки справедливости, а не слушаясь, могу от этого погибнуть. То, что я намерен вам рассказать, досадно и скучно слушать, зато это истинная правда. Никогда, афиняне, не занимал я в городе никакой другой должности, но в Совете я был. И пришла нашей **филе** Антиохида очередь заседать в то время, когда вы желали судить огулом десятерых стратегов, которые не подобрали пострадавших в морском сражении, - судить незаконно, как вы сами признали это впоследствии. Тогда я, единственный из пританов, восстал против нарушения закона, и в то время, когда ораторы готовы были обвинить меня и посадить в тюрьму и вы сами этого требовали и кричали, - в то время я думал, что мне скорее следует, несмотря на опасность, стоять на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмою или смертью быть заодно с вами, желающими несправедливого. Это еще было тогда, когда город управлялся народом, а когда наступила олигархия, то и Тридцать в свою очередь призвали меня и еще четверых граждан в Круглую палату и велели нам привезти из Саламина саламинца Леонта, чтобы казнить его. Многое в этом роде приказывали они делать и многим другим, желая отыскать как можно больше виновных. Только и на этот раз опять я доказал не словами, а делом, что для меня смерть, если не грубо так выразиться, - самое пустое дело, а вот воздерживаться от всего беззаконного и безбожного - это для меня самое важное. Таким образом, как ни могущественно было это правительство, а меня оно не испугало настолько, чтобы заставить сделать что-нибудь несправедливое, но, когда вышли мы из Круглой палаты, четверо из нас отправились в Саламин и привезли Леонта, а я отправился домой. И по всей вероятности, мне пришлось бы за это умереть, если бы правительство не распалось в самом скором времени. И всему этому у вас найдется много свидетелей.

филы – в Др.Греции родоплеменные объединения, преобразованные затем в территориальные округа

Кажется ли вам после этого, что я мог бы прожить столько лет, если бы занимался общественными делами, занимался бы притом достойно порядочного человека, спешил бы на помощь к правым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоим образом, о мужи афиняне! И никому другому это невозможно. А я всю жизнь оставался таким, как в общественных делах, насколько в них участвовал, так и в частных, никогда и ни с кем не соглашаясь вопреки справедливости, ни с теми, которых клеветники мои называют моими учениками, ни еще с кем-нибудь. Да я не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать, потому что никого из них никогда никакой науке я не учил и не обещал научить. Если же кто-нибудь утверждает, что он частным образом научился от меня чему-нибудь или слышал от меня что-нибудь, чего бы не слыхали и все прочие, тот, будьте уверены, говорит неправду.

Но отчего же некоторые любят подолгу бывать со мною? Слышали вы это, о мужи афиняне; сам я вам сказал всю правду: потому что они любят слушать, как я пытаю тех, которые считают себя мудрыми, не будучи таковыми. Это ведь не лишено удовольствия. А делать это, говорю я, поручено мне богом и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь. Это не только верно, афиняне, но и легко доказуемо. В самом деле, если одних юношей я развращаю, а других уже развратил, то ведь те из них, которые уже состарились и узнали, что когда-то, во время их молодости, я советовал им что-то дурное, должны были бы теперь прийти мстить мне и обвинять меня. А если сами они не захотели, то кто-нибудь из их домашних, отцы, братья, другие родственники, если бы только их близкие потерпели от меня что-нибудь дурное, вспомнили бы теперь об этом. Да уж, конечно, многие из них тут, как я вижу: ну вот, во-первых, Критон, мой сверстник и из одного со мною дема, отец вот его, Критобула; затем сфеттиец Лисаний, отец вот его, Эсхина; еще кефисиец Антифон, отец Эпигена; а еще вот братья тех, которые ходили за мною, - Никострат, сын Феозотида и брат Феодота; самого Феодота уже нет в живых, так что он по крайней мере не мог упросить брата, чтобы он не говорил против меня; вот и Парад, Демодоков сын, которому Феаг приходился братом; а вот Адимант, Аристонов сын, которому вот он, Платон, приходится братом, и Эантодор, брат вот этого, Аполлодора. Я могу назвать еще многих других, и Мелету в его речи всего нужнее было выставить кого-нибудь из них как свидетеля; а если тогда он забыл это сделать, то пусть сделает теперь, я ему разрешаю, и, если он может заявить что-нибудь такое, пусть говорит. Но вы увидите совсем противоположное, о мужи, увидите, что все готовы броситься на помощь ко мне,

к тому развратителю, который делает зло их домашним, как утверждают Мелет и Анит. У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду.

Но об этом довольно, о мужи! Вот приблизительно то, что я могу так или иначе привести в свое оправдание. Возможно, что кто-нибудь из вас рассердится, вспомнив о себе самом, как сам он, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить их как можно больше, приводил своих детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен, хотя подвергаюсь, как оно может казаться, самой крайней опасности. Так вот, возможно, что, подумав об этом, кто-нибудь не сочтет уже нужным стесняться со мною и, рассердившись, подаст в сердцах свой голос. Думает ли так кто-нибудь из вас в самом деле, я этого не утверждаю; а если думает, то мне кажется, что я отвечу ему правильно, если скажу: есть и у меня, любезнейший, кое-какие родные; тоже ведь и я, как говорится у Гомера, не от дуба родился и не от скалы, а произошел от людей; есть у меня и родные, есть и сыновья, о мужи афиняне, целых трое, один уже взрослый, а двое - младенцы; тем не менее ни одного из них не приведу я сюда и не буду просить вас о помиловании. Почему же, однако, не намерен я ничего этого делать? Не по презрению к вам, о мужи афиняне, и не потому, что я бы не желал вас уважить. Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города, мне кажется, было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои года и при том прозвище, которое мне дано, верно оно или неверно - все равно. Как-никак, а ведь принято все-таки думать, что Сократ отличается кое-чем от большинства людей; а если так будут вести себя те из вас, которые, по-видимому, отличаются или мудростью, или мужеством, или еще какою-нибудь доблестью, то это будет позорно. Мне не раз приходилось видеть, как люди, казалось бы, почтенные проделывали во время суда над ними удивительные вещи, как будто они думали, что им предстоит испытать что-то ужасное, если они умрут; можно было подумать, что они стали бы бессмертными, если бы вы их не убили! Мне кажется, эти люди позорят город, так что и какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин. Так вот, о мужи афиняне, не только нам, людям как бы то ни было почтенным, не следует этого делать, но и вам не следует этого позволять, если мы станем это делать, - напротив, вам нужно делать вид, что вы гораздо скорее признаете виновным того, кто устраивает эти слезные представления и навлекает насмешки над городом, нежели того, кто ведет себя спокойно.

Не говоря уже о чести, мне кажется, что это и неправильно, о мужи, - просить судью и избегать наказания просьбою, вместо того чтобы разъяснять дело и убеждать. Ведь судья посажен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. А потому и нам не следует приучать вас нарушать присягу, и вам не следует к этому приучаться, а иначе мы можем с вами одинаково впасть в нечестие. Так уж вы мне не говорите, о мужи афиняне, будто я должен проделывать перед вами то, чего я и так не считаю ни хорошим, ни правильным, ни согласным с волею богов, да еще проделывать это теперь, когда вот он, Мелет, обвиняет меня в нечестии. Ибо очевидно, что если бы я вас уговаривал

и вынуждал бы своею просьбою нарушить присягу, то научал бы вас думать, что богов не существует, и, вместо того чтобы защищаться, попросту сам бы обвинял себя в том, что не почитаю богов. Но на деле оно совсем иначе; почитаю я их, о мужи афиняне, больше, чем кто-либо из моих обвинителей, и предоставляю вам и богу рассудить меня так, как будет всего лучше и для меня, и для вас.

ПОСЛЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Многое, о мужи афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось, тем, что вы меня осудили, между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов, я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую, и я был бы оправдан. Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел; да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов.

Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устроении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом, - как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой **обед в Пританее**, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что

обед в Пританее - обед на общественный счет, который был чрезвычайно почетен. На него имели право лучшие, например, победители Олимпийских игр

такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю - даровой обед в Пританее.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленопреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко - в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это - зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь - уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, - если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну столько и назначаю. А вот они, о мужи афиняне, - Платон, Критон, Критобул, Аполлодор - велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные.



Жак-Луи Давид. Смерть Сократа. 1787.

ПОСЛЕ СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное - все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избегать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее - уйти от нравственной

порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, - тем, что идет проворнее, - нравственною порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они - при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, - когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей - тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

А с теми, которые меня оправдали, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока **архонты** заняты своим делом и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть. Побудьте пока со мною, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время. Вам, друзьям моим, я хочу показать, что, собственно, означает теперешнее происшествие. Со мною, о мужи судьи, - вас-то я по справедливости могу называть судьями - случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещий голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом.

А рассудим-ка еще вот как - велика ли надежда, что смерть есть благо? Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так, что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей

архонт –
один из девяти ежегодно избиравшихся высших должностных лиц в Афинах

жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам Великий царь нашел бы, что сосчитать такие дни и ночи сравнительно с остальными ничего не стоит. Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким-то образом выходит, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи. С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи судьи? В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, - **Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема**, и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, - разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с **Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером**! Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился, например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою неправедного суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно. И наконец, самое главное - это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно: кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр; чего не дал бы всякий, о мужи судьи, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою, или узнать Одиссея, Сизифа и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что помимо всего прочего тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что об этом говорят.

Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает порицания. А все-таки я обращаюсь к ним с такою маленькою просьбой: если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе невесть

Минос, Радамант, Эак – трое судей в царстве Аида. **Минос** - легендарный царь Кноса, сын Зевса и Европы;по преданию, первый на Крите законодатель, создатель могущественной морской державы. **Радамант** - сын Зевса и Европы, брат Миноса и Сарпедона. **Эак**- легендарный царь о-ва Эгины, сын Зевса иЭгины (дочери речного бога Асопа), прославившийся своей справедливостью и любовью к правде.

Орфей – в греч. мифологии фракийский певец, сын музы Каллиопы; чудесным пением очаровывал богов и людей, укрощал даже силы природы

Мусей – в греч. мифологии легендарный певец, поэт и прорицатель

Гесиод (8-7 вв. до н.э.) **–** первый известный по имени др.-греч. поэт; противопоставлял свою поэзию героическому эпосу как трезвую «правду» красивой «лжи»

Гомер (около 10-7 вв. до н.э.)**–** великий др.-греч. эпический поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея»

что, между тем как на самом деле ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого. Но вот уже время идти отсюда, мне - чтобы умереть, вам - чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога.

ИСТОЧНИК: Платон. Апология Сократа. Перевод М.С. Соловьева. После Обвинительных Речей. < www.magister.msk.ru/library/babilon/greek/platon/platon01.htm - 60k>

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. В начале «Апологии» Сократ говорит, что он, прежде всего, должен защитить себя от своих обвинителей. Какие обвинения были выдвинуты против него?
2. Какой характерный аргумент Сократа иллюстрирует его “экспрессивное восхищение” талантом преподавания Горгия, Продика, Гиппия и Эвена?
3. Какие обвинения выдвинул Мелет против Сократа на суде?
4. Что Сократ предложил вначале, когда его спросили об альтернативном наказании? Почему Сократ отвергает изгнание как возможное наказание? Какое наказание предложил Сократ в конечном счете?
5. Какие причины послужили для обвинения Сократа? Какое пророчество сделал Сократ относительно воздействия его смерти на афинян? Почему Сократ полагает, что его осуждение служит хорошему? Каков взгляд Сократа на смерть?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Plato’s Apology, www.en.wikipedia.org/wiki/Apology_(Plato)
- Plato , The Apology of Socrates, www.wsu.edu/~dee/GREECE/APOLOGY.HTM
- Plato-Biography and Works, www.enwikipedia.org/wiki/Plato
- Greek Philosophy, www.wsu.edu/~dee/GREECE/PLATO.HTM
- From Plato to Post-modernism, www.englishtips.org/index.php?newsid=1150792027

КОНФУЦИЙ. УЧЕНИЕ О СЕРЕДИНЕ



Конфуций (551- 479 до н.э.) – древнекитайский мыслитель и философ, оказавший огромное влияние на жизнь и философию стран Северо-Восточной Азии. Основные вопросы его философии, связанные с философией морали, социальной философией и этикой, собраны в сборнике (афоризмов) «Беседы и суждения» («Лунь юй») и в пяти классических книгах, которые известны под названием: «Древняя история» («Шу-цзин»), «Книга песнопений» («Ши-цзин»), «Книга церемоний» («Ли-цзи»), «Книга перемен» («И-цзин») и «Книга весны и осени» («Чун-цю»). В трактате «Чжун юн» («Книга о середине») ученик Конфуция излагает учение Учителя о «золотой середине».

То, что даровано [человеку] небом, называется его природой; [действия], соответствующие этой природе, называются [правильным] путем; упорядочение [этого] пути называется воспитанием. От [правильного] пути и на миг нельзя отойти; то, от чего можно отойти, вовсе не является [правильным] путем. Поэтому благородный муж проявляет осторожность и там, где другие не видят [ничего опасного], проявляет осмотрительность и там, где другие не слышат [ничего опасного]. То, что является скрытым, легко выходит наружу; то, что является малозаметным, легко становится видимым; поэтому благородный муж проявляет осторожность даже тогда, когда он один.

Когда не проявляют удовольствия, гнева, печали и радости, это называется [состоянием] середины. Когда их проявляют в надлежащей степени, это называется [состоянием] гармонии. Середина является наиважнейшей основой [действий людей] в Поднебесной; гармония — это путь, которому должны следовать [люди] в Поднебесной. Когда удается достигнуть [состояния] середины и гармонии, в природе устанавливается порядок, и все сущее расцветает.

Говорил: «Благородный муж [действует в соответствии] с учением о середине, низкий человек [своими действиями] нарушает учение о середине». Благородный муж [действует в соответствии] с учением о середине, потому что он благородный муж и всегда придерживается середины. Низкий человек поступает вопреки учению о середине, потому что он низкий человек и не проявляет осторожности.

Учитель говорил: «О, как совершенно учение о середине! Но уже давно [существует такое положение, что] очень мало людей в состоянии [следовать ему]».

Учитель говорил: «Я знаю, почему этому учению не следуют. Умный — потому что знает слишком много, глупый — потому что не знает ничего. Я знаю, почему не разбираются в этом учении. Мудрый — потому что не стремится познать, недостойный — потому что не в состоянии познать. [Это подобно тому], как среди людей нет ни одного, кто бы не ел и не пил, но среди них мало тех, кто бы разбирался во вкусе [пищи]».

Учитель говорил: «Учение о середине, пожалуй, не осуществимо!»

Учитель говорил: «**Шунь** был очень мудрый! Шунь любил спрашивать и любил интересоваться [даже] пустыми словами, [он] не обращал внимания на недостатки [людей], а подчеркивал их достоинства. Овладев [сущностью] двух крайних точек зрения, он находил середину и делал ее достоянием народа. Вот почему он был Шунем!»

Учитель говорил: «Все люди называют себя умными, но когда они попадают в ловушку или западню, они не знают, как из них выбраться. Все люди называют себя умными, однако если [им посчастливится] нащупать [принципы] учения о середине, они не в состоянии придерживаться их даже в течение месяца».

Учитель говорил: «Такой человек, как **Хуэй**, следовал учению о середине. Если [он] овладевал чем-либо хорошим, он накрепко запечатлевал это в сердце и больше уже не терял».

Учитель говорил: «В Поднебесной и в государстве может быть наведен порядок; от титулов и содержания можно отказаться; холодное оружие может быть растоптано ногами. Однако нельзя [добиться полного осуществления] учения о середине».

Цзы-лу спросил о том, что такое сила. Учитель сказал: «[Вы спрашиваете] о силе [людей] с Юга, о силе [людей] с Севера или о той силе, [к которой стремитесь вы]? Учить [людей], проявляя великодушие, не мстить за несправедливость — в этом состоит сила [людей] с Юга. Благородный муж поступает так же. Постоянно быть при оружии, встречать смерть без сожаления — в этом состоит сила [людей] с Севера. Люди, [хвастающиеся] своей силой, поступают так же. Поэтому благородный муж проявляет мягкость, но не приспосабливается. Именно в этом и состоит подлинная сила! [Он строго] придерживается середины и не склоняется ни в одну сторону. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве царит порядок, [он] не отказывается от того поведения, [какое у него было раньше]. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве отсутствует порядок, [он] не изменяет [своим принципам] до самой смерти. Именно в этом и состоит подлинная сила!»

Учитель сказал: «Жить в уединении и совершать странные поступки, с тем, чтобы быть замеченным в последующие эпохи, — это то, чего я не делаю. Благородный муж действует в соответствии с [правильным] путем. Отбросить его на полдороге — это то, чего я не в состоянии сделать. Благородный муж [должен] всегда следовать учению о середине. Жить вдали от мира, быть неизвестным людям и не испытывать из-за этого сожаления — на это способен только совершенномудрый».

Путь благородного мужа [в одно и то же время] и ясен [для всех], и скрыт [от них]. Мужчины и женщины, даже невежественные, могут познать этот путь, хотя его глубинные [принципы] не в состоянии постигнуть даже совершенномудрый. Мужчины и женщины, даже не получившие воспитания, могут осуществлять этот путь, хотя его глубинные [принципы] не в состоянии осуществить даже совершенномудрый. Природа [настолько] велика, что люди не могут не чувствовать огорчения [в связи с некоторыми ее явлениями]. Поэтому, если говорить о [пути] благородного мужа в целом, [никто] в Поднебесной не в состоянии охватить его; если говорить о нем в подробностях, [никто] не в состоянии докопаться до них.

В «**Ши-цзин**» говорится:

Ястреб парит в небе,
Рыба скрывается в глубинах вод.

Это означает, что [путь благородного мужа] существует повсюду. Путь благородного мужа начинается среди [обычных] мужчин и женщин, но его глубинные [принципы] существуют в природе.

Шунь – в древнекитайской мифологии один из мудрых идеальных правителей

Хуэй – ученик Конфуция из Лу, отличавшийся любознательностью, большим умом и усердием в учении

Цзы-лу – ученик Конфуция

«Ши-цзин» («Книга песен») – памятник китайской литературы, содержащий 305 песен и стихотворений, созданных в 11-6 вв. до н.э. и отражающих многообразные явления духовной и социальной жизни Китая

Учитель говорил: «[Правильный] путь не существует в отрыве от людей. Когда пытаются осуществить путь в отрыве от людей, его уже нельзя считать [правильным] путем». В «Ши-цзин» говорится:

Когда топором рубят топорище,
То мерка находится перед глазами.

Когда топором рубят топорище и смотрят косым взглядом, то кажется, что [мерка] находится далеко. Поэтому благородный муж управляет людьми [в соответствии с теми принципами, которым] они [следуют]. [И как только] они исправляются, он останавливается. [Следовать принципу] взаимности — [значит] приближаться к [правильному] пути. То, что вы не желаете, чтобы делали по отношению к вам, не делайте по отношению к другим. Путь благородного мужа [содержит] четыре принципа, ни один из которых я [до сих пор] не могу осуществить: проявлять к отцу такое же отношение, какого я требую к себе от своего сына, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к государю такое же отношение, какого я требую к себе от своих подданных, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к старшему брату такое же отношение, какого я требую к себе от своего младшего брата, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к друзьям такое же отношение, какого я требую к себе от своих друзей, — этого [я] не в состоянии [осуществить]. [Необходимо быть серьезным] при осуществлении [всех] обычных дел, [необходимо] быть внимательным в обычном разговоре. Если [при осуществлении какого-либо дела] что-то недоделано, следует [вновь] напрячь усилия. Если сказано уже многое, не следует больше говорить. Слова должны соответствовать поступкам, а поступки должны соответствовать словам. И как же благородный муж может быть неискренним?

Благородный муж поступает в соответствии с положением, [в котором он находится]. [Он] не желает [заниматься делами, которые] к нему не относятся. Когда он находится в положении богатого человека, он поступает как богатый человек; когда он находится в положении бедного человека, он поступает как бедный человек; когда он находится среди варваров, он ведет себя как варвар; когда он находится в трудном положении, он поступает так, [как необходимо поступать] в трудном положении. В каком бы положении ни был благородный муж, он всегда найдет себя. Занимая высокое положение, [он] не относится с презрением к тем, кто находится внизу. Занимая низкое положение, [он] не ищет расположения тех, кто находится наверху. Занимаясь самоусовершенствованием, [он] не обращается к другим, поэтому у него не возникает [чувство] ненависти [к кому-либо]. Вверху он не ропщет на небо; внизу он не питает злобы к людям. Поэтому благородный муж со спокойным сердцем ожидает повелений неба, а низкий человек, презрев опасность, ищет счастливый случай. Учитель говорил: «В стрельбе есть кое-что похожее на [путь] благородного мужа. Когда [стрелок] не попадает в центр мишени, [он] оглядывается назад и ищет ошибки у себя».

Путь благородного мужа [можно] сравнить с длинной дорогой: она начинается с близкого места; [его можно] сравнить с восхождением на гору: оно начинается у подножия. В «Ши-цзин» говорится:

Любовь детей и наших жен,
*Как **гуслей** с **цитрой** общий звук;*
И если с братом дружен брат —
Им радость будет вечный друг.
Когда в порядке держишь дом —
Среди домашних радость в нем.

Учитель говорил: «[При таком положении сердца] родителей преисполнены радости».

Учитель говорил: «О, как щедры духи! Смотришь на них и не видишь их, слушаешь их и не слышишь их. Они наполняют все вещи, и без них ничего не существует». [Благодаря им] люди Поднебесной очищают себя, облачаются в богатые одежды, чтобы принять участие в жертвоприношении. [Они] находятся как будто бы над головами [людей], слева и справа от них. В «Ши-цзин» говорится:

Приход духов предвидеть нельзя,
И как можно относиться к ним безразлично?

Малозаметное станет видимым, искренние [чувства] невозможно скрыть.

Так будет и [с духами]!

Учитель говорил: «Шунь обладал великой почтительностью по отношению к родителям! [У него] была добродетель совершенномудрого, [он] имел титул сына неба и владел богатствами в пределах четырех морей. [Был сооружен] храм для осуществления жертвоприношений [в его честь], и его потомки навсегда сохранили [этот обычай]». Поэтому человек, обладающий великой добродетелью, непременно займет высокое место, непременно станет обладателем богатств, его имя непременно прославится, и его будет непременно ожидать долгая жизнь. Поэтому небо, создавая вещи, поступает в соответствии с их качествами. Поэтому то, что растет, поддерживается, а то, что готово упасть, вырывается. В «Ши-цзин» говорится:

Счастлив наш государь, прекрасен он,
Достоинством высоким одарен.
Ведя, как подобает, свой народ,
От неба принял множество щедрот,
И волей неба верно он храним,
И милость неба непрерывно с ним.

Поэтому [люди], обладающие великой добродетелью, обязательно добьются расположения неба!

Учитель говорил: «Только Вэнь-ван может не испытывать печали! Ван-цзи был его отцом, У-ван был его сыном. Отец заложил основы, а сын развил их. У-ван продолжил дело **Тай-вана, Ван-цзи** и Вэнь-вана. [Он] совершил карательный поход и овладел Поднебесной. В течение всей его жизни его имя в Поднебесной было окружено славой, [он] имел титул сына неба, владел богатствами в пределах четырех морей; [был сооружен] храм для осуществления жертвоприношений [в его честь], и его потомки навсегда сохранили [этот обычай]. У-ван [только] в последние годы жизни получил повеление [на то, чтобы стать сыном неба]. Чжоу-

гусли, цитра – старинные струнные щипковые музыкальные инструменты

Тай-ван – посмертный титул Гу-гун Дань-фу, одного из создателей дома Чжоу. Его заслуги воспеты в одах и гимнах «Ши-цзин»

Ван-цзи – посмертное имя вождя чжоусцев Цзи-ли или Гун-цзи, правившего ими около тридцати лет

гун завершил славные дела, [начатые] Вэнь[-ваном] и У[-ваном]. [Он] присвоил посмертно [титул] вана Тай-вану и Ван-цзи и всем своим предкам стал устраивать жертвоприношения как сынам неба. Этот порядок он распространил на **чжухоу, дафу**, служилых людей и простолюдинов. Если отец был дафу, а сын — служилым человеком, то похороны [устраивали] по разряду служилых людей, а жертвоприношения — по разряду дафу. Соблюдать траур в течение года мог [лишь] дафу, в течение трех лет — [лишь] сын неба; что же касается траура по родителям, то здесь не было различий между знатными и незнатными».

Учитель говорил: «У-ван и Чжоу-гун обладали великой почтительностью по отношению к родителям! Почтительность по отношению к родителям состоит в умелом наследовании желания предков и в умелом завершении их деяний. Весной и осенью они приводили в порядок кумирни, расставляли жертвенные сосуды, выставляли одежды, [оставшиеся от предков], и преподносили в зависимости от сезона пищу. [Последовательность] осуществлений церемонии [жертвоприношения] в храме предков государя устанавливалась в соответствии [с правилом] чжаому. [Участники церемонии располагались] в соответствии с рангом, с тем чтобы можно было отделить знатных от незнатных. Порядок участия в самом жертвоприношении определялся в соответствии с должностью, с тем чтобы можно было выделить способных. Когда [в конце церемонии] все пьют вино, нижестоящие подают чаши вышестоящим, с тем чтобы и незнатные могли принять участие [в церемонии]. На празднестве [после церемонии] места распределяются [в зависимости от цвета] волос, и так устанавливается возраст. [У-ван и Чжоу-гун], заняв места своих предков, осуществляли их церемонии и исполняли их музыку. Они относились с почтением к тем, кого они уважали; проявляли любовь к тем, к кому чувствовали расположение; служили мертвым [предкам] точно так же, как и при жизни; служили умершим так, словно они еще находились среди них. Это и есть наивысшее проявление почтительности по отношению к родителям. Осуществляя жертвоприношения небу и земле, они служили высшему существу. Жертвоприношения в храме предков приносились предкам. Для того, кто понял [смысл] жертвоприношений небу и земле и значение «Великого» жертвоприношения и осеннего жертвоприношения, так же легко управлять государством, как смотреть на свою ладонь».

Ай-гун спросил [учителя] об управлении государством. Учитель сказал: «[Принципы] управления государством Вэнь[-вана] и У[-вана] изложены на деревянных и бамбуковых дощечках. Но для того чтобы эти принципы осуществить, необходимы люди, без них они [могут] исчезнуть. [С помощью] сил человека можно оказать воздействие на управление государством, [с помощью] сил земли можно оказать воздействие на рост деревьев. Управление государством [можно сравнить] с быстрорастущим тростником. Поэтому управление государством зависит от [подбора мудрых] людей. Для [подбора мудрых] людей необходимо обратиться к собственному характеру. Совершенствоваться [правитель может, лишь] следуя правильному пути. Следовать правильному пути можно, [лишь] опираясь на чело-

дафу – ранг аристократа и высокопоставленного чиновника в Древнем Китае, известен с 11 в. до н.э.; в средние века - почетный титул отставных чиновников

чжухоу – местные правители уделов

Ай-гун (Ай Цзян) – правитель Лу. Во время его правления Лу было небольшим и слабым государством

веколюбие. Человеколюбие — это [любовь к] людям; высшим [его проявлением] является любовь к близким. Долг — это соответствие [поступков тому, как должно быть]. Высшим [его проявлением] является проявление почтительности к мудрым. Существует различие в любви к близким и градация проявления почтительности к мудрым. В этом и состоит причина появления ритуала. Если те, кто находится наверху, не испытывают доверия к тем, кто находится внизу, невозможно управлять народом. Поэтому благородный муж не может не самосовершенствоваться; желая самосовершенствоваться, [он] не может не служить своим родителям; желая служить своим родителям, он не может не познавать людей; желая познавать людей, он не может не познавать небо. Повсюду в Поднебесной существует пять отношений и три принципа, посредством которых они осуществляются. Отношения между правителями и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями — эти пять [отношений] и есть отношения, существующие повсюду в Поднебесной. Знание, человеколюбие, сила — эти три [вещи] и есть нравственные принципы, существующие повсюду в Поднебесной. Для того чтобы следовать им [в жизни], необходима одна искренность. Некоторые от рождения обладают знанием [пяти отношений и трех принципов], другие приобретают [это знание] посредством изучения, третьи— через трудности. Однако знания, полученные ими, у всех у них одинаковы. Для некоторых [выполнение пяти отношений и использование трех принципов] не составляет труда, другие [выполняют и используют их, лишь] если это им выгодно; третьи напрягают для этого большие усилия. Однако результат у всех одинаков».

Учитель говорил: «Когда изучаешь [что-либо] с любовью, то приближаешься к знанию; когда, осуществляя [что-либо], проявляешь усердие, то приближаешься к человеколюбию; когда обладаешь чувством стыда, то приближаешься к силе. [Тот, кто] знает все это, знает, как осуществлять самосовершенствование. [Тот, кто] знает, как осуществлять самосовершенствование, знает, как управлять [другими] людьми. [Тот, кто] знает, как управлять [другими] людьми, знает, как управлять Поднебесной и государством».

Всего существует девять принципов управления Поднебесной и государством, а именно: самосовершенствование, проявление почтительности к мудрым, любовь к близким, почитание сановников, проявление внимания ко всем чиновникам, забота о народе, поощрение всех видов ремесел, любезное обращение с людьми издалека, благорасположение к чжухоу. Самосовершенствование приводит к утверждению [правильного] пути; проявление почтительности к мудрым избавляет от проявления сомнений; любовь к близким приводит к тому, что среди дядей и братьев не возникает ненависти; почитание сановников избавляет от ошибок в делах; проявление внимания ко всем чиновникам приводит к тому, что чиновники платят за это большей благодарностью; забота о народе окрыляет [его]; поощрение всех видов ремесел увеличивает богатства [страны]; любезное обращение с людьми издалека обратит на сторону [правителя] людей отовсюду; благорасположение к чжухоу приведет к тому, что [вся] Поднебесная будет почитать его. Осуществлять самоочищение, носить строгую одежду, действовать только в соответствии с ритуалом — в этом состоит [путь] самоусовершенствований. [Избавляться от] клеветников, держать себя подальше от женской красоты, не придавать значения вещам, ценить добродетель — в этом состоит [путь] поощрения мудрых. Предоставлять высокие должности, увеличивать их содержание, разделять их симпатии и антипатии — в этом состоит [путь] возбуждения любви к близким. Предоставлять [больше] возможностей [для осуществления дел] многочисленным чиновникам — в этом состоит [путь] поощре-

ния сановников. Проявлять доверие и увеличивать содержание - в этом состоит [путь] поощрения служилых людей. Использовать их тогда, [когда они свободны от сельскохозяйственных работ], [взимать] незначительный налог - в этом состоит [путь] поощрения простых людей. Осуществлять ежедневные проверки и проводить месячные испытания, устанавливать содержание в соответствии с затрачиваемыми усилиями — в этом состоит [путь] поощрения всех видов ремесел. Устраивать проводы при отъезде и встречу при приезде, хвалить [то] хорошее, [что им присуще], и проявлять сочувствие [по поводу того, что они в чем-то] неспособны, — в этом состоит [путь] любезного обращения с людьми издалека. Восстанавливать фамилии, [у которых] прерваны [линии наследования], возрождать погибшие государства, наводить порядок [там, где] существует беспорядок; оказывать помощь [тем, кто] находится в опасности; устраивать приемы и принимать приглашения в соответствии с [определенными] сроками; посылать [богатые] дары, приветствовать скромные [подношения] — в этом состоит [путь] благорасположения к чжухоу.

Хотя существует девять принципов управления Поднебесной и государством, для их осуществления [нужна лишь] искренность. Все дела заканчиваются успехом, если проведена [предварительная] подготовка; если ее не было, они обречены на неудачу. Если то, что [должно быть] сказано, заранее обдумано, в [рассуждениях] не будет путаницы. Если [какое-либо] дело заранее обдумано, [при его осуществлении] не будет трудностей. Если поступок заранее обдуман, его [осуществление не вызывает] сожаления. Если принципы [учения] заранее обдуманы, [их можно осуществлять] беспрерывно. Если те, кто находится внизу, не в состоянии заслужить доверие тех, кто находится наверху, они не могут управлять народом. Есть путь, как заслужить [доверие] тех, кто находится наверху; когда нет доверия со стороны друзей, [нельзя] заслужить [доверие] тех, кто находится наверху. Есть путь, как заслужить доверие со стороны друзей; когда не проявляют послушания по отношению к родителям, [нельзя заслужить] доверия со стороны друзей. Есть путь, как стать послушным по отношению к родителям; когда, заглядывая внутрь своей [сущности], [обнаруживают] отсутствие у себя искренности, [нельзя] стать послушным по отношению к родителям. Есть путь, как приобрести искренность; когда не понимают, что такое хорошее, нельзя приобрести искренность.

Искренность - это путь неба. Приобретение искренности - это путь человека. Обладающий [полученной от неба] искренностью не затрачивает усилий, но [у него все получается так], как надо; не напрягает свой ум, но [во всем разбирается надлежащим образом] и находится в естественном единении с [правильным] путем. [Такой человек] является совершенномудрым. Приобретающий искренность - это человек, который выбирает хорошее и твердо придерживается его. [Для того чтобы выбрать хорошее], необходимо всесторонне изучать, детально исследовать, серьезно размышлять, четко различать и надлежащим образом осуществлять. Есть что-то, чего не изучали, его [начинают] изучать, но не могут [постичь его смысл] — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не исследовали, его

[начинают] исследовать, но не могут разобраться в нем — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, над чем не размышляли, над ним [начинают] размышлять, но не могут прийти к [определенным] выводам — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не различали, его [начинают] различать, но не могут получить ясное [представление] — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не осуществляли, его [начинают] осуществлять, но не могут добиться надлежащих [результатов] — усилий [все равно] не прекращают. Там, где другому достаточно одного усилия, тебе необходимо сто; там, где другому достаточно десяти усилий, тебе необходима тысяча усилий. Если следовать таким путем, то даже тупой человек сможет разобраться [во всем], а слабый человек приобретает силу.

Когда [во всем] разбираются благодаря искренности, это называется [небесной] природой. Когда в результате умственных [усилий] приобретают искренность, это называется воспитанием. Когда есть искренность, [можно] добиться понимания [всего]; когда есть понимание [всего], [можно приобрести] искренность. Только [тот, кто] обладает наибольшей искренностью в Поднебесной, в состоянии полностью развить свою природу. [Тот, кто] в состоянии полностью развить свою природу, в состоянии полностью развить природу [всех] людей. [Тот, кто] в состоянии полностью развить природу [всех] людей, в состоянии полностью развить природу [всех] вещей. [Тот, кто] в состоянии полностью развить природу [всех] вещей, в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли. Тот, кто в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли, в состоянии составить с небом и землей триединство. Далее, о приложении усилий к второстепенным делам. [Прилагая усилия] к второстепенным делам, [также] можно приобрести искренность. Когда обладаешь искренностью, [она обязательно] проявится; проявляясь, искренность становится очевидной [для всех]; когда она становится очевидной [для всех], она излучает свет; излучая свет, она возбуждает [людей]; возбуждая [людей], она [заставляет их] изменяться; изменяясь, они развивают [сущее]. Только [тот, кто] обладает наибольшей искренностью в Поднебесной, в состоянии развивать [сущее].

[Опираясь на] путь наибольшей искренности, можно заранее знать все. Если государство ожидает расцвет, то [заранее] непременно будет иметь место счастливое предзнаменование; если государство ожидает гибель, то [заранее] непременно случится страшное бедствие. [Эти предзнаменования] проявляются на [стеблях] тысячелистника и панцирях черепахи и в [подозрительных] перемещениях людей. О приходе бедствия или счастья непременно знает хороший [человек] и непременно знает [плохой] человек. Поэтому наивысшая искренность подобна душе.

Искренность — это то, [посредством чего человек] завершает создание себя как человека. Путь — это то, посредством чего [человек вступает] на правильный путь. Искренность — это начало и конец [всех] вещей; без искренности вещи не [могут] существовать. Именно поэтому благородный муж высоко ценит искренность. Искренность— это не только то, посредством чего получает свое завершение человек, и на этом [ее значение исчерпывается]; с ее помощью получают свое завершение [все] вещи. Когда свое завершение получает человек, это [свидетельствует] о человеколюбии. Когда свое завершение получают вещи, это [свидетельствует] о знании. [И человеколюбие и знание] являются природными добродетелями и принципами, объединяющими воедино внешнее и внутреннее. Поэтому искренность пригодна всегда.

Поэтому наивысшая искренность никогда не исчезает. Если [она] не исчезает, [она] постоянна; если [она] постоянна, [она может] выдерживать проверку; если [она может] выдержать проверку, [сфера] ее действия огромна; если [сфера] ее

действия огромна, [она] всеобъемлюща и устойчива; если [она] всеобъемлюща и устойчива, [она] высока и ярка. [Она] всеобъемлюща и устойчива и поэтому может содержать [все] вещи; [она] высока и ярка и поэтому может придавать вещам твердость; [сфера] ее действия огромна, и [она] постоянна и поэтому может совершенствовать [все] вещи. [Она] всеобъемлюща и устойчива, [ее] можно уподобить земле; [она] высока и ярка, [ее] можно уподобить небу; [сфера] ее действия огромна, и [она] постоянна, поэтому [она] безгранична. Поскольку [природа наивысшей искренности] такова, [она] не выставляет [себя напоказ], но естественно проявляется; не совершает движения, но [вызывает] изменения; [она] ничего не делает, но добивается успеха.

Путь неба и земли может быть полностью выражен в одной фразе: так как он лишен двойственности, то поэтому невозможно постичь, как он создает вещи. О пути неба и земли [можно лишь говорить], что [он] всеобъемлющ, устойчив, высок, ярок, что [сфера его действия] огромна, и что [он] постоянен. Смотришь на небо — как будто бы маленькое сверкающее пятно, но если подойти к нему [с точки зрения] его безграничных [просторов], то в нем висят солнце, луна, звезды и созвездия, и оно накрывает собой [все] вещи. Смотришь на землю — как будто бы небольшой кусок земли, но если подойти к ней [с точки зрения] ее ширины и толщины, то она выдерживает **Хуашань**, не считая ее за тяжесть; содержит реки и моря, [не давая] им утечь; несет на себе многочисленные вещи. Смотришь на гору — как будто бы маленький камень, но, если подойти к ней [с точки зрения] ее величины, на ней растут травы и деревья, живут птицы и животные, имеются ископаемые богатства. Смотришь на воду— как будто бы она уместится в один ковш, но, если подойти к ней [с точки зрения] ее [непостижимой] глубины, в ней рождаются морские черепахи, кайманы, водяные драконы, рыбы и сухопутные черепахи и в ней находятся [различные] полезные вещи. В «Ши-цзин» говорится:

Только небесное повеление безгранично и никогда не прерывается.

Это означает, что именно здесь заключена [причина] того, почему небо является небом. [В «Ши-цзин» еще говорится]:

О, как блестит! Настолько чиста добродетель Вэнь-вана!

Это означает, что [причина] того, почему Вэнь-ван стал Вэнем, заключается в [его] безграничной чистоте.

Поистине велик путь совершенномудрого! Обладая неимоверной силой, он взращивает все вещи и достигает [в своем величии] неба. Поистине великое из великих! [Он содержит] триста церемоний и три тысячи правил поведения. Однако [необходимо] ждать достойных людей, чтобы их осуществлять. Поэтому говорят: «Если нет людей с совершенной добродетелью, совершенный путь нигде не может быть реализован». Поэтому благородный муж чтит [присущую ему] добродетель и [одновременно] учится у других; [стремится] охватить большое и

Хуашань – одна из пяти священных гор Древнего Китая

[одновременно настойчиво] постигает сокровенное; [стремится] к высоким помыслам и [одновременно] осуществляет учение о середине; повторяет то, [что изучено] раньше, и познает новое; проявляет искренние усилия в почитании ритуала. Именно поэтому, занимая высокое положение, [он] не зазнается; занимая низкое положение, [он] не проявляет непокорности. Когда в государстве царит порядок, его слова способствуют процветанию; когда в государстве нет порядка, его молчание помогает ему сохранить себя. В «Ши-цзин» говорится:

Разума ясность и мудрость ему помогла
И самому оградиться от всякого зла.

Это имеет тот же смысл.

Учитель говорил: «Тупой любит полагаться на себя; низкий [по рангу] человек любит считаться [со своим мнением]; родившийся в настоящую эпоху думает вернуться к пути древних. Такие люди [обязательно] навлекут на себя беду». Тот, кто не является сыном неба, не входит в обсуждение ритуалов, не устанавливает законов и не выдумывает письменности. Сейчас в Поднебесной [все] повозки имеют одинаковую колею, [все] книги пишутся одинаковыми иероглифами, [все] действия следуют одинаковым принципам. Если тот, кто находится на троне, не обладает надлежащей добродетелью, [он] не осмеливается создавать ритуалы и музыку. Если тот, кто обладает надлежащей добродетелью, не находится на троне, [он] также не осмеливается создавать ритуалы и музыку. Учитель говорил: «Я [могу] рассказать о ритуале [династии] Ся, [но не могу рассказать о ритуале государства] Ци, так как недостаточно свидетельств. Я изучаю ритуал [династии] Инь, [он] сохранился [лишь в государстве] **Сун**. Я изучаю ритуал [династии] Чжоу, его осуществляют в настоящее время, и я следую [ритуалу династии] Чжоу».

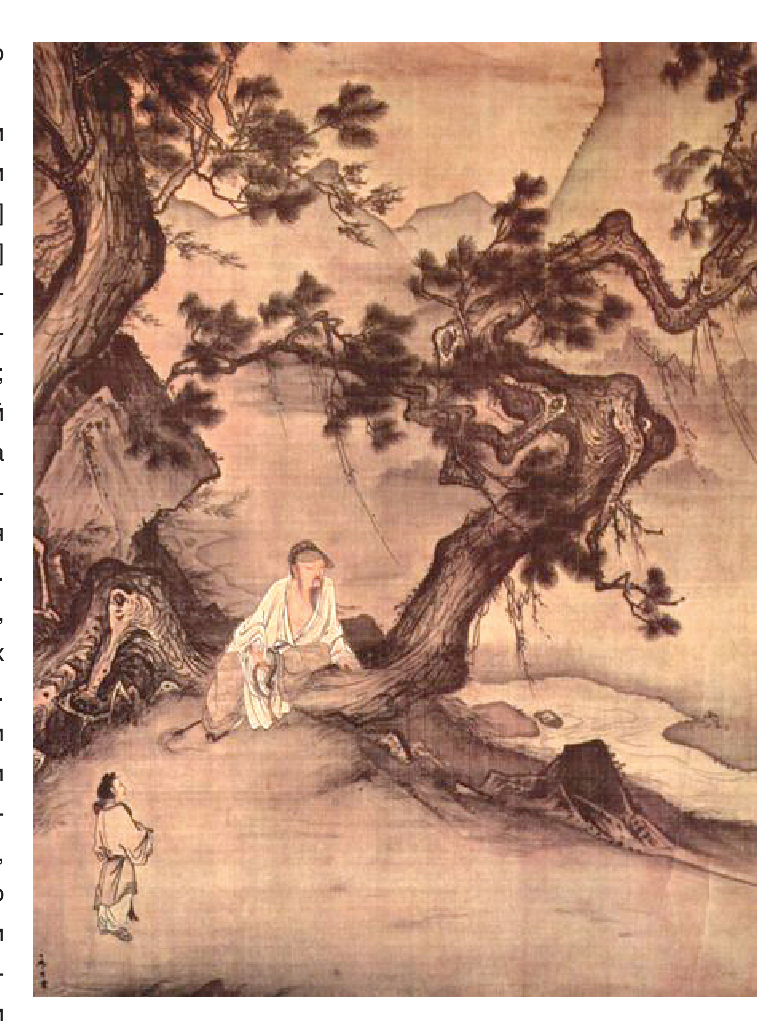
Когда тот, кто правит Поднебесной, [надлежащим образом] занимается тремя важными [делами], [у него будет] мало ошибок [в управлении]. Как бы ни были хороши [установления] прежних [династий], о них нет свидетельств. Раз нет свидетельств, не может быть доверия [к ним]. Раз не может быть доверия, народ не будет следовать им. Как бы ни были хороши [установления] последующих эпох, [их автор] не занимал почетного положения. Раз [он] не занимал почетного положения, к нему не было доверия. Раз к нему не было доверия, народ не следовал [его установлениям]. Поэтому путь благородного мужа имеет свои истоки в его природе, а проходит проверку у народа. [Благородный муж] сравнивает его с [установлениями] трех ванов и не допускает ошибок; [он] воздвигает его посреди неба и земли и не нарушает их волю; [он] представляет себя [на суд] духов и не испытывает сомнения; он ожидает появления через сто эпох совершенномудрого и не проявляет заблуждений. Представляя себя [на суд] духов и не испытывая сомнений, [можно] познать небо. Ожидая появления через сто эпох совершенномудрого и не проявляя заблуждений, [можно] познать людей. Именно поэтому действия благородного мужа становились на века примером для Поднебесной; начинания [его] становились на века законом для Поднебесной; суждения [его] становились на века образцом для Поднебесной. Те, кто отстоит от него далеко, смотрят на него с надеждой; те, кто находится близко, не чувствуют пресыщения. В «Ши-цзин» говорится:

Там на них нет гнева.
Здесь они никому не наскучили.
Если так будет с утра до вечера,
Они обретут вечную славу.

Сун – название древнекитайского государства в бассейне Хуанхе

Благородные мужи [прошлого] поступали именно так и рано прославились в Поднебесной.

Чжун-ни унаследовал [нравственность] **Яо** и Шуня и взял за образец установления Вэнь[-вана] и У[-вана]. Вверху он следовал [последовательности] сезонов, внизу [он] сообразовывался с [законами] воды и земли. Его [можно] сравнить с небом и землей, для которых нет ничего, что бы они не могли выдержать, и нет ничего, что бы они не могли покрыть; [его можно] сравнить с последовательной сменой четырех сезонов, с чередующимся сиянием солнца и луны. [Все] вещи развиваются вместе и не препятствуют друг другу; [все] принципы осуществляются вместе и не вступают в противоречие друг с другом. Маленькая добродетель подобна течению реки, великая добродетель проявляется в значительных изменениях. Именно в этом величие неба и земли. Только тот, кто является наисовершенномудрым в Поднебесной, может быть мудрым и знающим, и этого достаточно для наблюдения [за всем]; великодушным и мягким, и этого достаточно [для того, чтобы] быть терпимым; сильным и твердым, и этого достаточно, чтобы проявлять упорство; серьезным и прямым, и этого достаточно, чтобы заслужить почтение; образованным и постигающим [сокровенное], и этого достаточно, чтобы отделять [правильное от неправильного]. [Он] всеобъемлющ и огромен и, [подобно] роднику, источает постоянно [свою добродетель]. [Он] всеобъемлющ, как небо, глубок, как пучина. [Когда его] видят, то народ не может не чувствовать к нему почтение; [когда он] говорит, народ не может не проявлять радость. Поэтому его слава широко распространилась по всему Китаю и достигла племен, живущих на севере и юге. Куда бы ни добирались повозки и лодки, где бы ни прилагали люди своих усилий, где бы небо ни накрывало [сущее], и где бы земля ни носила на себе [сущее], где бы ни светили солнце и луна, где бы ни выпадали иней и роса — всюду, где есть живые существа, не могут не уважать и не любить [его]. Поэтому говорят: «Он равен небу».



Ма Линь. Слушая ветер в соснах. Китай. 1246

Только тот, кто обладает в Поднебесной совершенной искренностью, может приводить в порядок великие принципы взаимоотношений с Поднебесной; устанавливать великие основы нравственности в Поднебесной; постигать [принципы] изменения и развития неба и земли. И разве он будет от чего-нибудь зависеть? Искренность подобна человеколюбию: она глубока, как бездна; она велика, как небо. Если такой человек не является действительно мудрым, не обладает

Яо - один из мифических героев китайской древности, образец мудрого и доброго правителя

знанием совершенномудрого и не [может] постигать добродетель неба, то кто в состоянии овладеть [всем] этим.

В «Ши-цзин» говорится:

Виден узорный наряд под одеждою из полотна,

[что выражает] недовольство по поводу [явного] проявления [пристрастия] к яркости. Поэтому путь благородного мужа [вначале] как будто бы не виден, но по прошествии времени становится заметным. Путь низкого человека [обладает лишь] внешним блеском и по прошествии времени приходит в упадок. Путь благородного мужа бесстрастен, и поэтому [следовать ему] не надоедает, безыскусен и красочен, обладает мягкостью и рациональностью. Он знает, что дальнее начинается с близкого; знает, откуда происходит ветер; знает, как малозаметное становится видимым. И так можно войти в [пределы] нравственности.

В «Ши-цзин» говорится:

Они всегда видны в воде,
Пусть хоть на дно они уйдут.

Поэтому благородный муж, обращаясь к своему сердцу, не обнаруживает в нем ошибок и не испытывает [угрызений] совести. [Причина], почему невозможно сравниться с благородным мужем, заключена в том, что недоступно [обычным] людям.

В «Ши-цзин» говорится:

В своем доме смотри за собой.
Перед отверстием в крыше своей не стыдись.

СТАТУЯ КОНФУЦИЯ
на острове Чонмин, Китай

Поэтому благородный муж, даже не двигаясь, обладает чувством почтения, даже не говоря, обладает доверием [к людям].

В «Ши-цзин» говорится:

[Церемония] жертвоприношения [происходит], во время ее нет споров.

Поэтому благородный муж не прибегает к наградам, но народ чувствует воодушевление; не проявляет гнева, но народ чувствует страх больше, чем [при наказании] мечом и секирой.

В «Ши-цзин» говорится:

Только добродетели нет необходимости выставлять себя [напоказ].
Сотни правителей подражают ей.

Поэтому, если благородный муж действительно [усерден] в почтении, в Поднебесной наступает спокойствие.

В «Ши-цзин» говорится:

Я преисполнен уважения к твоей светлой добродетели,
Ибо она не проявляется в громких звуках и [ярком] блеске.

Учитель говорил: «Прибегать к звукам и блеску для того, чтобы изменить людей, — это мелочь».

В «Ши-цзин» говорится:

Добродетель легка, словно волос. Но волос все же имеет величину.

В «Ши-цзин» говорится:

Деяниям небес не присущи ни звук, ни запах.
[Это] и есть самое высшее!

ИСТОЧНИК: Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. А.Е. Лукьянов; Отв. ред. М.Л. Титаренко.- М.: Восточная литература, 2003.- С 29-45.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

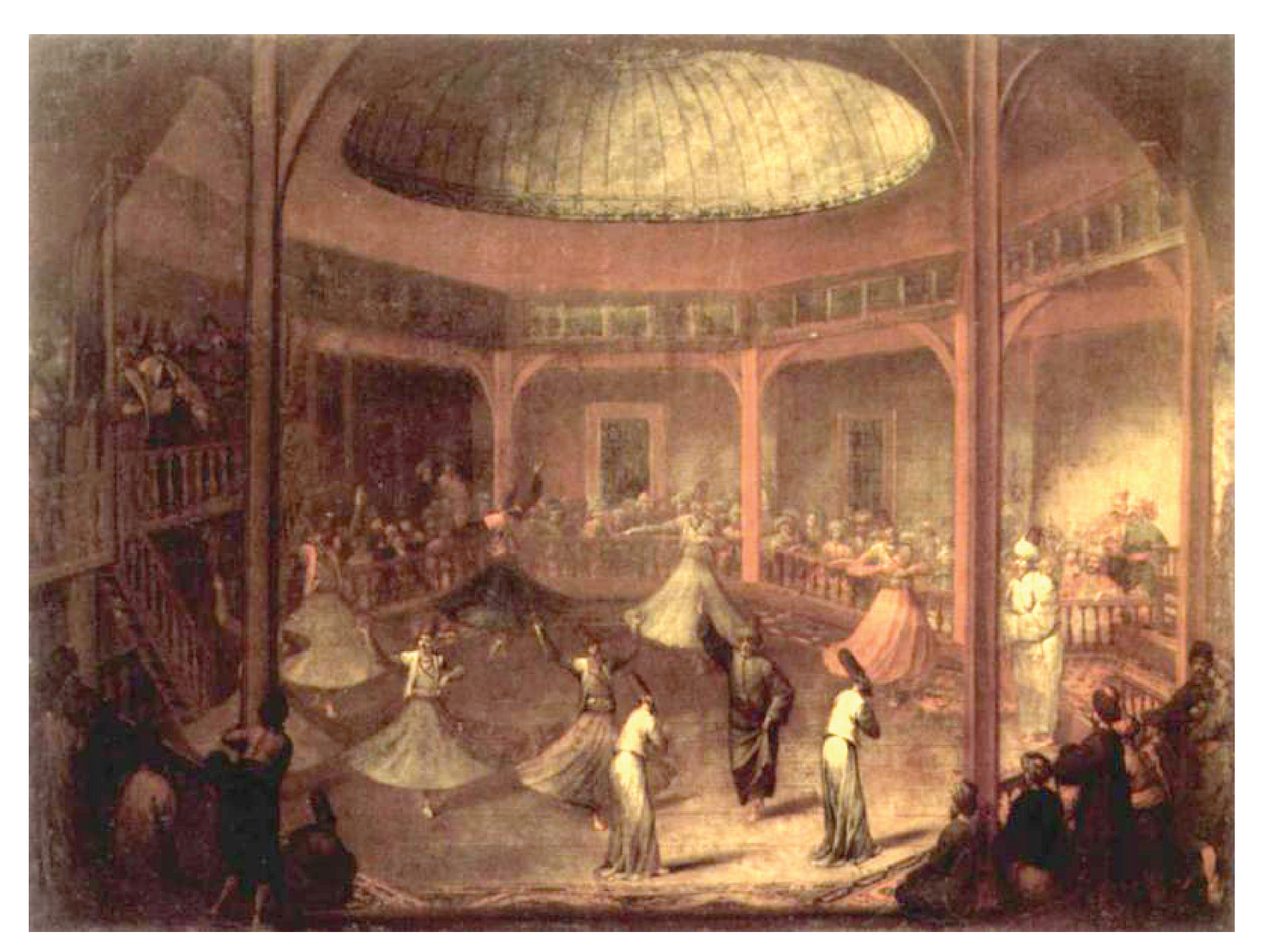
1. Какова связь между природой и положением человека в мире? Как, с точки зрения Конфуция, можно определить разницу между Природой, Путем и Обучением? Каково реальное значение Пути? Почему для Конфуция так важно обсуждение проблемы Пути? Кто, по мнению Конфуция, является совершенным человеком?
2. «То, что является скрытым, легко выходит наружу; то, что является малозаметным, легко становится видимым; поэтому благородный муж проявляет осторожность даже тогда, когда он один». Согласны ли вы с этой точкой зрения? Сталкивались ли вы с таким явлением в жизни?
3. Какая существует разница между универсальным путем и индивидуальным? Что отличает благородного человека от низкого? Как вы понимаете значение выражения «благородный муж»? Возможно ли стать «благородным мужем»?
4. Считаете ли вы, что гармония тождественна справедливости? Всегда ли избежание крайностей и поддержание гармонии в душе и обществе тождественны справедливости? Считаете ли вы, что гармония в мире вечна? Можете ли вы определить разницу между физической и духовной гармонией?
5. Что является главным для Конфуция в представлении теории социальной справедливости? Считаете ли вы, что конфуцианская справедливость существует в природе и человеку надо только должным образом выполнять ее? Почему природа играет такую важную роль в учении Конфуция?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Можете ли вы определить разницу между теорией справедливости Сократа и учением о справедливости, предложенным Конфуцием? Зависят ли эти различия от разнообразия подходов к природе или к чему-либо еще? Что общего между этими двумя цивилизациями и их выдающимися представителями (Сократом и Конфуцием)?
2. Узнали ли вы что-то полезное для себя и современной жизни общества из концепций справедливости, с которыми вы познакомились? Каковы ограничения и преимущества классического представления о справедливости?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Confucius, Chinese thinker and social philosopher, www.en.wikipedia.org/wiki/Confucius
- Confucius, his philosophy and the tradition Confucianism in China and East Asia, www.confucius.org/
- Doctrine of the Mean by Confucius, www.philosophy.lander.edu/oriental/reader/reader/c3878.html
- The Classical Library- Confucius, www.classicallibrary.org/confucius/index.htm
- Wisdom from the Doctrine of the Mean, www.oaks.nvg.org/sa3ra6.html
- Confucius- The Doctrine of the Mean, www.4literature.net/Confucius/Doctrine_of_the_Mean/



Жан Батист ван Мур. Танцующие дервиши-мевлеви. Первая половина 18 века.

ХАЗРАТ АЛИ ИБН АБУ ТАЛИБ. НАКАЗ МАЛИКУ АЛЬ-АШТАРУ



Али ибн Абу Талиб (599/600-661 н.э.) был племянником и зятем пророка Мухаммада. Мусульмане-сунниты считают Али четвертым и последним халифом- рашидун (*правильно идущий халиф*). Мусульмане-шииты считают Али своим первым Имамом, а его потомков – законными преемниками пророка Мухаммада. Все мусульмане глубоко уважают Али за его знания, веру, честность, непоколебимую преданность исламу, непреклонную верность Мухаммаду, равное отношение ко всем мусульманам и великодушие в прощении своих проигравших врагов. Али был крупным знатоком Корана, исламского права и собрания религиозных мыслей. Абзацы, представленные ниже, показывают вечную актуальность наставлений Али ибн Абу Талиба. Само письмо входит в «Нахдж ал-Балага» («Путь красноречия») – сборник писем и речей Али ибн Абу Талиба.

ВО ИМЯ АЛЛАХА, МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО!

Эти наставления даны созданием Аллаха, Али, сыном Абу Талиба (да будет мир с ним!), Малику, сыну Аштара, при назначении его на должность правителя Египта для сбора налогов, оказания противодействия врагам ислама и Египта, служения во благо народа и ради процветания Египта.

Я приказываю тебе, Малик, всечасно сохранять благоговейный страх перед Аллахом, прежде всего служить Ему и исполнять Его волю во всех случаях жизни, точно и преданно следовать заповедям и запретам, указанным в Священной Книге, и традициям Святого Пророка (да благословит Аллах его и род его!), потому что, следуя им, человек обретет счастье и в этом, и в ином мире, а в противном случае – потерпит неудачу в обоих мирах.

Да будет тебе известно, Малик, что я посылаю тебя править в страну, которая до этого повидала уже много разных правителей. Кто-то из них был милосердным, сострадающим и добропорядочным, а кто-то – властным, деспотичным и жестоким. Люди будут судить о тебе так же, как ты в свое время судил о правлении других, они будут так же оценивать тебя, как и ты других правителей, с осуждением или похвалой.

Ты должен знать, что хороший и добродетельный человек распознается по тому, что хорошего говорят о нем и как хвалят его с соизволения Аллаха другие. А потому пусть разум твой станет началом, источником благих мыслей, добродетельных намерений и хороших поступков. К этому можно прийти, если строго держать под надзором желанья свои и порывы, как бы сильно они ни старались подвергнуть тебя соблазнам и принуждению. Помни, что наилучший способ наполнить душу справедливостью и уберечь ее от зла – удержать от пороков и всего того, к чему она неудержимое, невольное стремление имеет.

Малик! Пусть в душе твоей найдут пристанище доброта, сострадание и любовь к твоим подданным. Не поступай с ними словно жадный, прожорливый зверь, полагая, что счастье твое – в их поглощении.

Помни, Малик, что среди твоих подданных есть два вида людей: те, кто исповедует ту же веру, что и ты, и они – тебе братья; а также те, кто придерживается другой веры, и они – такие же человеческие существа, как и ты. И те, и другие страдают от слабости и бессилия, присущих человеческим существам, они грешат, предаются порокам, сознательно или по глупости, не осознавая чудовищности своих поступков. Пусть твое милосердие и сострадание спасет их и придет им на помощь, так же как ты ожидаешь от Аллаха милосердия и всепрощения.

Малик! Ты никогда не должен забывать: если ты правитель над своими подданными, то халиф – правитель над тобой, а Аллах – Высший Повелитель над халифом. И, истинно, это Он назначил тебя правителем и подверг испытанию, возложив ответственность за людей.

Берегись стяжать себе ложную славу того, кто якобы может выступить против Аллаха, ведь тебе не отразить Его гнева и ты всегда будешь нуждаться в Его Милосердии и Сострадании.

Не стыдись прощать и забывать. Не торопись с наказаниями, не упивайся и не гордись тем, что имеешь власть карать. Не злись и не поддавайся мгновенной вспышке из-за ошибок и небрежности своих подданных. Напротив, будь терпеливым по отношению к ним и разделяй их беды и тревоги. Гнев и жажда мщения – не помощники в управлении страной.

Следи за тем, чтобы ты не допускал мыслей о том, что ты равен с Аллахом, никогда не думай о том, чтобы помериться с Ним силами и оспорить Его Славу, никогда не претендуй на то, что ты обладаешь могуществом и властью, как у Него, потому как Всемогущий Владыка всегда посрамляет безжалостных тиранов и уничтожает всех тех, кто претендует на Его Власть и Могущество.

Когда речь идет о твоих собственных делах или делах твоих родственников или друзей, следи за тем, чтобы не нарушать долг, возложенный на тебя Аллахом, не посягай на права человечества, будь беспристрастным и поступай в подобных случаях по справедливости, потому что если ты откажешься от равноправия и справедливости, то станешь тираном и угнетателем. А тот, кто тиранствует и угнетает создания Аллаха, заслужит гнев Аллаха и ненависть угнетенных. А тот, кто навлек на себя гнев Аллаха, теряет последнюю надежду на спасение и прощение в Судный день.

Каждый тиран и угнетатель – враг Аллаха, пока не раскается и не перестанет угнетать. Помни, Малик, ничто в этом мире не может так быстро превратить Его благословение в гнев, как постоянное угнетение Его созданий, потому что Милостивый Аллах всегда слышит молитвы угнетаемых и Он не оставит никакой надежды тиранам.

Ты должен всегда ценить и следовать политике, которая является ни слишком суровой, ни слишком мягкой. Политика, основанная на равноправии, будет цениться многими. Помни, что недовольство простых людей, бедных и угнетенных, перевешивает одобрение знати, в то время как недовольство небольшой кучки знатных людей будет прощено Богом, если массы народа довольны тобой.

Помни, Малик, что обычно знатные персоны духовно ничтожны в человеческом обществе. Эти люди будут тяжелейшей обузой для тебя в дни спокойствия и счастья и наименее полезными в час трудностей и невзгод; более всего они ненавидят справедливость; они будут требовать все больше и больше государственных

благ; они редко бывают довольны тем, что получают, никогда не чувствуют себя обязанными за оказанные милости, а если их требования справедливо отклоняются, они никогда не удовлетворятся разумным объяснением отказа или другими здравыми доводами; а когда настанут времена перемен, ты не найдешь в них ни верности, ни преданности и ни благожелательности.

Простой народ, бедный и, на первый взгляд, менее важный среди твоих подданных, является не только столпом ислама, но и единой силой мусульман, мощью и оборонительной силой против врагов ислама. Знай обо всех их заботах, будь более дружелюбен с ними и заручись их доверием и расположением.

Но будь осторожен при установлении дружеских отношений (будь то с самыми важными лицами или простолюдинами); держись подальше от сплетников и людей, которые порицают других, настраивают против других, и считай их врагами государства, потому что везде люди имеют слабости и недостатки, а долг правительства заключается в прощении (незначительных) недостатков. Ты не должен пытаться искать недостатки, скрытые от тебя, оставь это Аллаху, а если тебе воочию придется убедиться в наличии каких-то недостатков, ты должен постараться научить людей, как их следует преодолеть. Не стремись изобличать слабости людей, и Аллах скроет твои собственные слабости, которые тебе хотелось бы утаить от других.

Не давай людям повода завидовать друг другу (человек человеку, одно племя другому племени, один слой общества другому). Старайся смягчать и искоренять взаимное недоверие и неприязнь среди твоих подданных.

Будь честным, беспристрастным и справедливым по отношению ко всем – по отдельности или вместе – и остерегайся того, чтобы ты сам, твое отношение и благосклонность не послужили источником злобы. Не позволяй приближаться к тебе никому и ничему, не заслуживающему твоей благосклонности и того, чтобы быть приближенным к тебе. Никогда не роняй своего достоинства и не забывай о высоте своего положения.

Помни, что интриганы и сплетники принадлежат к породе подлых и коварных людей, хотя и притворяются искренними советчиками. Не спеши верить новостям, которые они принесли, остерегайся их советов.

Не принимай советов от скупцов. Они будут стараться изо всех сил удержать тебя от добрых дел и от того, чтобы делать добро для других людей. Они породят в тебе страх перед бедностью.

Взамен ты без хлопот можешь найти людей, что будут равны им в образованности и исполнительности, но чей разум при этом не подвержен грешным и преступным мыслям, найти тех, кто не содействовал ни притеснителю в притеснениях его, ни грешнику во грехе его. Такие люди будут меньше всего доставлять тебе какие-либо неприятности и станут наиболее полезны. Они искренне будут сопереживать тебе. Если ты позволишь им войти к тебе в доверие, они разорвут отношения с твоими противниками. Возьми таковых к себе в качестве избранных

в тайных делах и в явных. Некоторые из таких честных и человечных соратников и приближенных заслужат твое полнейшее доверие. Эти люди всегда могут сказать тебе горькую правду, без оговорок и страха перед твоим положением. Они могут отказаться помогать тебе или участвовать с тобой в деяниях, которые не одобряются Аллахом.

Выбирай себе в соратники честных, правдивых и добродетельных людей. Учи их тому, чтобы не льстили тебе и не пытались завоевать твою благосклонность лживой похвалой, потому что лесть и лживая похвала вызывают тщеславие и высокомерие и ведут к тому, что человек теряет истинное представление о себе и забывает о своем долге.

Ты не должен одинаково относиться к плохим и хорошим людям, потому что тем самым ты приводишь в смятение людей хороших и одновременно поощряешь безнравственных в совершении их безнравственных поступков. С каждым нужно обращаться так, как он того заслужил своими поступками.

Ты должен понять, что правитель может вызвать доброжелательное отношение подданных, может заслужить их верность и искренность только тогда, когда сам добр и внимателен к ним, облегчает их тяготы, не угнетает их и не просит сделать то, что им сделать не под силу.

Тебе следует помнить об этих правилах и следовать им. Относись к подданным так, чтобы они оставались тебе верны, так как их преданность уменьшит число трудностей в управлении и избавит тебя от многих переживаний и тревог. А когда речь идет о твоей вере и преданности, пускай она распространяется на тех, кого ты испытал в трудностях и кто стал тебе другом, но ты никогда не должен доверять людям, которые оказались порочными и проявили себя как недостойные, бесполезные или неверные.

Не отходи от принятого порядка и не нарушай установленных или введенных до тебя добродетельными мусульманами норм, которые привели к единству и согласию среди различных слоев общества и принесли пользу народу.

Не нарушай их и не вводи новшества, потому что если ты избавишься от этих благих норм и традиций, награду за их введение получат те, кто их установил, а твоим уделом за их отмену станет наказание.

Ты должен знать, Малик, что твои подданные поделены на сословия и ранги, а процветание и благосостояние каждого слоя в обществе и всех слоев вместе настолько зависит от благосостояния друг друга, что все устройство в целом олицетворяет тесно сплетенную сеть и обоюдную взаимозависимость. Одно сословие не может существовать мирно, счастливо и не может действовать без поддержки и добрых пожеланий другого сословия.

Среди них – воины Аллаха, которые стоят на страже Его дела, затем следует сословие секретарей государства, которым вменяется в обязанность выписывать и издавать специальные или общие приказы. Третья группа – судьи и кади, отправляющие правосудие. Четвертая – государственные мужи, которые поддерживают правопорядок и охраняют мир и процветание страны. Потом следуют обычные люди, мусульмане, которые платят налоги, взимаемые правителем, и иноверцы, которые платят джизью (подать вместо налогов). Затем следует слой людей различных профессий, ремесел. В числе последних, но не менее важных, следуют бедные и нищие, которые считаются низшим слоем общества. Милосердный Аллах закрепил за каждым сословием права и обязанности. Они либо упоминаются в Его Книге, либо поясняются в наставлениях Святого Пророка (да благословит Аллах его и род его!).

Воинство и простые люди (подданные, которые платят налоги или джизью) – два важных сословия, но в государстве всеобщего благосостояния их благополучие не может быть обеспечено без надлежащего исполнения своего предназначения и сохранения других сословий – судей и кади, секретарей государства и государственных мужей, которые обеспечивают из различных источников доходы для государства, поддерживают правопорядок, стоят на страже мира и согласия среди различных слоев общества. Они также защищают права и привилегии людей и следят за исполнением обязанностей отдельных лиц и сословий. Всеобщее процветание этих сословий зависит от торговцев и ремесленников. Они выступают в качестве посредников между теми, кто продает товар, и тем, кто покупает. Они определяют, в чем нуждается общество, обеспечивают товарами, открывают торговые лавки, базары и центры рыночной торговли. Обеспечивая потребителей необходимыми товарами, они избавляют людей от необходимости заниматься поиском всего того, что нужно для жизни.

Затем следует слой нуждающихся и калек. Вне всякого сомнения, о них должны заботиться, помогать и обеспечивать всем необходимым. Милосердный Аллах объяснил, каким образом содержать и обеспечивать каждое из сословий. И каждый представитель сословия имеет право на обеспечение правителем хотя бы той малости, что требуется для нормального существования и удовлетворительной жизни.

Помни, Малик, что Всемогущий Аллах не освободит правителя от его обязанностей, пока он в полной мере не исполнит свой долг, прося Аллаха помочь ему в этом деле, сохраняя твердость и усердие на пути истины и справедливости, и все это будет делать в независимости от того, по душе ему этот долг, или ненавистен.

Что касается воинства, то во главе его должен быть человек, самый верный и преданный Аллаху, Святому Пророку (да благословит Аллах его и род его!) и твоему Имаму, самый набожный, известный своей терпеливостью, милосердием, добротой, невспыльчивый и умеющий сдерживать гнев, благожелательный к чистосердечным раскаяниям и принимающий извинения, добрый и сочувствующий слабым, но суровый с сильными и властными человек, которому чужды мстительность, способная толкнуть к насилию, или неуверенность в себе, или мягкотелость, превращающие людей в беспомощных и никчемных. Чтобы найти и отобрать таких людей, тебе необходимо поддерживать связь с праведными и благородными семьями, придерживающимися благих целей и благородных традиций, с семьями, известными своей храбростью и смелостью, великодушием и величием души. Такие люди могут являться хранилищем великолепия и возвышенного характера, источником благочестия и славных деяний.

Когда ты найдешь и отберешь таких людей, следи и наблюдай за ними, как родители за своими детьми, чтобы уловить любые перемены в их поступках. Будь с ними добр и благожелателен. Не скупись на проявление большого уважения (если

они заслуживают этого по праву) и в небольшой милости им не отказывай. Тогда они ответят тебе тем же, и станут верными и преданными. Не закрывай глаза на их малые потребности и нужды, считая, что ты уделил достаточно внимания их основным запросам, ведь незначительные услуги нередко ценятся выше, несмотря на важность заботливого внимания к основным запросам. Среди военачальников должны заслуживать твое величайшее уважение и расположение те из них, кто более всего уделяет внимание нуждам своих подчиненных, наделяет воинов личными средствами и имуществом, чтобы они могли жить счастливо и в довольствии, не беспокоясь за будущее своих семей и детей.

Если воины удовлетворены своим положением и тем самым избавлены от тревог и забот, они смело и с легким сердцем вступят в бой. Твое постоянное внимание к военачальникам и к простым воинам будет рождать в них все большую и большую любовь к тебе.

Более всего сердце правителя должно радовать установление в стране справедливого и беспристрастного правления и любовь подданных. А подданные будут любить тебя только в случае отсутствия недовольства тобой. А подтверждением их искренности и расположения явится их сплочение вокруг тебя и поддержка твоего правления, признание твоей власти без мыслей о том, что это тяжкая обуза, и без тайного желания конца твоего правления. Пусть в отношении тебя оправдывается как можно больше надежд, и делай все, что в твоих силах для воплощения их надежд. Хвали тех, кто заслуживает твоего одобрения. Высоко цени и предавай молве их благие дела.

Правдиво и вовремя доведенный до народа рассказ о благородных и славных подвигах порождает большее рвение в храбрых воинах и вселяет мужество в робких и слабовольных. Ты должен знать и иметь представление о каждом совершаемом подвиге, чтобы благородные поступки одного человека не были приписаны другому, их не совершавшему. Не приуменьшай заслуги и не обделяй вознаграждением тех, кто отличился. Но и не вознаграждай сверх меры приближенных только за то, что они очень важные люди. Пусть положение и влиятельность такого человека не станет основанием для того, чтобы малые его деяния считать великими, как и низкое положение человека не должно быть поводом для того, чтобы подвиги его умалять. Пускай беспристрастность, справедливость и честность станут твоим девизом.

Если ты столкнешься с трудностями, с которыми не можешь справиться, или окажешься в сложном безвыходном положении, или если неопределенные и сомнительные обстоятельства смутят или собьют тебя с толку, тогда устреми свои помыслы к Аллаху и к Святому Пророку (да благословит Аллах его и род его!), потому что Аллах так повелел тем, кого Он хочет направить. Чтобы обратиться к Аллаху, следует строго выполнять ясные и четкие предписания, указанные в Его Священной Книге, и обратиться к Святому Пророку (да благословит Аллах его и род его!), для того чтобы следовать наказам, которые не вызывают сомнений и неопределенности и которые все считают записанными верно.

Что касается правосудия, то ты должен быть очень осторожен в выборе людей, которые будут его вершить. Ты должен выбирать достойнейших, благонравных людей, имеющих много заслуг.

Затем следуют государственные мужи, твои наместники. Ты должен следить за их деяниями. Назначать их следует после тщательного изучения их способностей и нрава. Как назначишь их, первое время наблюдай за ними без проявления какой-либо благосклонности или влияния, иначе государство твое окажется в руках

деспотов, мздоимцев и никчемных управителей. При выборе государственных мужей обрати свой взор на опытных и уважаемых людей из почтенных семей, издавна служивших исламу, ведь они обладают благородным нравом и добрым именем. Они не алчны и не подкупны. Они прозорливее более других и предвидят плоды своих помыслов и деяний. Вознаграждай их щедро, чтобы не подвергнуть их искушению забыть о нравственном долге и растратить деньги из государственной казны, вверенные им на попечение, а если они окажутся нечисты на руку, даже получая щедрое вознаграждение, ты вправе их покарать. Поэтому зорко следи за порядком их службы и управления.

Ты можешь также назначить благонадежных и честных людей, чтобы они были твоими ушами и глазами. Государственные мужи, зная, что находятся под тайным зорким оком, воздержатся от лукавства, злодеяний, плохого управления и деспотизма. Огради свое правление от нечестных государственных мужей. Если ты уличишь кого-то из государственных мужей в бесчестности, а тайные твои наблюдатели представят убедительные свидетельства того, тогда ты должен его наказать. Лишив его звания и взыскав все, что было добыто им нечестным путем, ты можешь наслать на него телесное наказание. Он должен познать унижение и постичь весь позор своих порочных деяний. Его унижение и наказание должны быть преданы молве, дабы преподнести урок и устрашить других.

Когда речь идет о сборе доходов от землевладения и налогов, ты должен позаботиться о благосостоянии плательщиков податей, что намного важнее, чем налоги как таковые, ведь налоги и их плательщики – основной источник благосостояния, от которого зависят государство и подданные.

Поистине государство живет за счет доходов, собранных с плательщиков податей. Поэтому больше внимания должно уделяться не самому сбору налогов, а плодородности земли, ведь поистине люди могут платить налог, если только земля плодородна. Правитель, который не уделяет внимания процветанию своих подданных и плодородию почвы, а лишь помышляет о сборе доходов, разоряет землю и посему разрушает государство и несет разрушения созданиям Аллаха. Его правление не может длиться долго.

Если плательщики податей жалуются тебе на обременительный частый сбор налогов, на неожиданные бедствия, капризы погоды, нарушение полива, наводнения или гибель урожая из-за чрезмерных проливных дождей, и если их жалобы справедливы, облегчи им бремя податей. Уменьши настолько, чтобы смягчить их положение и помочь в горе.

Пусть не печалит тебя уменьшение доходов в государственной казне, ведь для правителя лучшее вложение – помощь своим подданным в трудные для них времена. Именно они истинное богатство страны, и любая помощь им в облегчении уплаты податей окупится, когда города устремятся к процветанию и благоденствие установится по всей стране. И вместе с тем ты обретешь большую власть над своими подданными, они принесут тебе не только доходы, но будут любить, уважать и прославлять. Разве не в этом залог прочности счастья?

Не только это, но и твое великодушное правление и человечное обращение с ними вызовет такую благодарность, что ты найдешь в них помощь и поддержку в тяжкие для тебя дни. Твоя доброта, справедливость и снисхождение будут им как урок совести, а счастливая жизнь в полном довольствии и процветании, за которую они будут благодарны тебе, станет наибольшей поддержкой, сильнейшей защитой и величайшим сокровищем для тебя.

Потом, если тучи сгустятся над тобой и тебе потребуются их поддержка, их вера, их состояние и руки, в их сердцах не будет места недовольству тобой.

Помни, Малик! Процветающая страна с народом, живущим в довольстве, легко и с готовностью вынесет любую трудность.

В бедности народа – корень опустошения и разрушения страны, а бедности корень – в желании правителя и его приближенных нажить богатство и имущество всеми правдами и неправдами. Они боятся потерять свое положение или должности, влияние или власть и хотят за краткий миг пребывания у власти приобрести как можно больше. Они никогда не извлекают уроков из истории народов и глухи к наставлениям Аллаха.

ИСТОЧНИК: http://www.al-islam.org/nahjul/letters/letter53.htm; http://razarumi.wordpress.com/about/the-lost-jewel-rediscovering-hazrat-alis-letter/
ПЕРЕВОД ПАХЧ - УЦА.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

- Каковы источники узаконивания социальной справедливости, согласно Али ибн Абу Талибу?
- Какая взаимосвязь между равенством и справедливостью? Насколько важно культивировать плюрализм для поддержания справедливости? Какое отношение должно быть к не-мусульманам?
- Какими должны быть идеальные формы отношения между разными классами в обществе, к примеру, отношения между армией и обычными людьми? Почему Хазрат Али считает, что здоровое общество – это взаимозависящее общество?
- Почему коррупция и бедность подрывают национальное благополучие? Представьте свои аргументы на тезис из этого текста, используя свои знания, социальный и персональный жизненный опыт.
- Насколько вы можете принять принципы хорошего управления, о которых говорил Хазрат Али? Согласны ли вы со всеми этими идеями? Если вы за, то почему? Если против, то почему?

ОБЗОРНЫЕ ВОПРОСЫ:

- Есть ли сходство между концептом (идеей) хорошего управления Хазрата Али и концептом «Пути» и «благородного мужа»? Каковы различия между Хазратом Али и Конфуцием в понимании социальной справедливости?
- Что было поиском справедливости для Хазрата Али? Отличается ли концепт справедливости в мусульманской культуре от бытовавшего в классический период в Греции, или они одинаковы? Какие изменения ислам внес в этот

концепт, какие преимущества имеет исламский концепт (понятие) о справедливости?

- Что говорят о справедливости наши современники? Что означает социальная справедливость для вас и вашего общества? Напишите письменную работу на эту тему.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА::

- Ali ibn Abu Talib, en.wikipedia.org/wiki/Ali - 295k
- Major figure in the history of Islam, www.everything2.com/title/Ali%2520ibn%2520Abu%2520Talib - 34k
- Fourth Caliph and Leader of the Shiite sect of Islam, www.hyperhistory.net/apwh/bios/b1talib-ali-ibn-abu.htm -22k
- Ali ibn Abu Talib chosen kalief of Islam June 17 in History, www.brainyhistory.com/events/656/june_17_656_30491.html -7k
- Ali ibn Abu Talib in the eyes of Western Scholars, www.hasnain.wordpress.com/2008/01/03/ali-ibn-abu-talib-a-in-the-eyes-of-western-scholars/ - 22k
- Ali-Successor of Muhammad, www.historymedren.about.com/od/aentries/a/11_ali.htm -23k

ГЛАВА ВТОРАЯ
РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

Тексты, представленные в этой главе, были взяты из главных религиозных книг мира. Что религии говорят о справедливости? Как она интерпретируется? Расходятся ли религии в своих представлениях о справедливости? Все ли религии устанавливают справедливость для своих последователей? Какова роль справедливости в религии? С какими другими концепциями они связаны? Читатель должен быть открыт к восприятию текстов, но при этом сохранять критический взгляд. Соответствуют ли примеры и иллюстрации из текстов моральному кодексу, установленному каждой религией для достижения справедливости? Или же справедливость является результатом более высокой цели в религии?

Часто религии устанавливают моральные кодексы или законы, которыми человек руководствуется в своей жизни. Соблюдение таких кодексов зависит от честности и чистоты. Другими словами, доверие лежит в основе строгого соблюдения всех моральных кодексов. Нарушение доверия может стать одним из самых величайших грехов. Религиозные обязательства устанавливают правила должного поведения, а также основу правил для восстановления первоначального положения на случай, если последователи нарушают это доверие. Другими словами, некоторые религии устанавливают как распределительную, так и ректификационную справедливость.

В отличие от них, другие религии требуют полного разрыва с мирскими связями. Такой разрыв должен соблюдаться даже при совершении благотворительных деяний. Милосердие без отстранения превращается в индивидуальное деяние, результатом которого является эгоизм. Это есть удаление от благодати универсального сознания. Высшим совершенством, достижимым в таких религиях, является жизнь, проведенная в медитациях о всемирном сознании. Достижимо только освобождение всех живых существ. Согласно некоторым религиям - это единственный путь к ненасилию.

Другие религии предписывают иные моральные кодексы для достижения той же цели. Они, наоборот, не ищут отделения. Отрицательные или неистовые эмоции должны быть преобразованы в любовь. Все человеческие эмоции, даже ненависть, должны быть трансформированы в любовь. Через эмоциональный акт любви человек вступает в небесное царство. Мир, превращение ненависти в любовь, ежедневные акты прощения (благотворительность) позволяют человеку достичь совершенства и пройти через небесные врата в бессмертие, благодаря милосердию Бога, который любит всех нас.

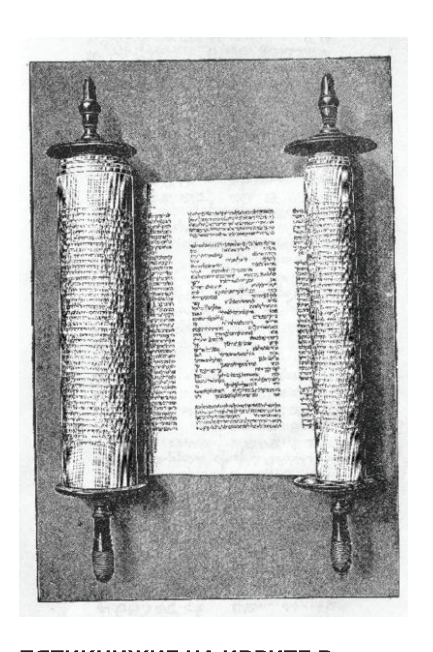
Жизнь в соответствии с религиозными требованиями не легка. Она требует терпения, молитв и знания (истины). Доброта и всепрощение, милосердие и справедливость - все это формы набожности. Их несоблюдение – это поступок против Божественного закона, обеспечивающего справедливость и жизнь в загробном мире.

Мы советуем читателям определить общие темы и различия, которые встречаются во всех текстах, проанализировать формы справедливости и то, как можно их достичь с точки зрения мировых религий.



РУКОПИСНАЯ БИБЛИЯ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.
Выставлена в аббатстве Малмсберри в Уилтшире, Англия. Эта Библия была переписана в Бельгии в 1407 г. для зачитывания вслух во время монастырских служб. Фото сделано Адрианом Пингстоуном в феврале 2005 г.

БИБЛИЯ.
ВЕТХИЙ ЗАВЕТ.
ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЕВА. ИСХОД



ПЯТИКНИЖИЕ НА ИВРИТЕ В СВИТКЕ.
Британская библиотека

20:22-23:33

... И сказал Господь Моисею: «Так скажи Дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым: «Вы видели, как Я с Неба говорил вам. Не делайте предо Мною «богов» серебряных или «богов» золотых - не делайте себе!» Сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои, и мирные жертвы твои, овец твоих, и волов твоих. На всяком месте, где Я положу Память Имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя; если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных, ибо как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их; и не всходи по ступеням к Жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя.

И вот, Законы, которые ты объявишь им.

Если купишь раба еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой год пусть выйдет на волю даром.

Если он пришел один, пусть один и выйдет, а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его; если же господин его дал ему жену и она родила ему сынов, или дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина ее, а он выйдет один; но если раб скажет: «Люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю!», то пусть господин его приведет его пред судей («богов»), и поставит его к двери или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом - и он останется рабом его вечно.

Если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти, как выходят рабы. Если она не угодна господину своему, и он не обручит ее, пусть позволит выкупить ее, а чужому народу продать ее господин не властен, когда сам пренебрег ею.

Если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей; если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития; а если он сих трех вещей не сделает для нее, пусть она отойдет даром, без выкупа.

Кто ударит человека так, что он умрет,- да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце; а если кто с намерением умертвит ближнего, коварно, и прибежит к Жертвеннику, то и от Жертвенника Моего бери его на смерть.

Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

Кто украдет человека из Сынов Израилевых и, поработив его, продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.

Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти. Когда ссорятся, и один человек ударит другого камнем или кулаком, и тот не умрет, но

сляжет в постель, то, если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший не будет повинен смерти (только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его), - а если кто ударит раба своего или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан; но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это - его серебро.

Когда дерутся люди и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках; а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз - за глаз, зуб - за зуб, руку - за руку, ногу - за ногу, обожжение - за обожжение, рану - за рану, ушиб - за ушиб.

Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою - в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз; и если выбьет зуб рабу своему или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.

Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть, а хозяин вола - не виноват; но если вол бодлив был и вчера, и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти; если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него (сына ли забодает, дочь ли забодает - по сему же Закону поступать с ним).

Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями.

Если кто раскроет яму или если выкопает яму и не покроет ее, и упадет в нее вол или осел, то хозяин ямы должен заплатить (отдать серебро хозяину их), а труп будет его.

Если чей-нибудь вол забодает до смерти вола у соседа его, пусть продадут живого вола и разделят пополам цену его (также и убитого пусть разделят пополам); а если известно было, что вол бодлив был и вчера, и третьего дня, но хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, то должен он заплатить вола за вола (а убитый будет его).

Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола, и четыре овцы за овцу.

Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его так, что он умрет, то кровь не вменится ему; но если взошло над ним солнце, то вменится ему кровь.

Укравший должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им; если он пойман будет и украденное найдется у него в руках живым (вол ли то, или осел, или овца), пусть заплатит за них вдвое.

Если кто потравит поле или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, смотря по плодам его, пусть заплатит со своего поля; а если потравит всё поле, пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего.

Если появится огонь и охватит терн и выжжет копны, или жатву, или поле, то должен заплатить, кто произвел сей пожар.

Если кто отдаст ближнему на сохранение серебро или вещи, и они украдены будут из дома его, то, если найдется вор, пусть он заплатит вдвое; а если не найдется вор, пусть хозяин дома придет пред судей и поклянется, что не простер руки своей на собственность ближнего своего.

О всякой вещи спорной (о воле, об осле, об овце), об одежде, о всякой вещи потерянной, о которой кто-нибудь скажет, что она - его, дело обоих должно быть доведено до судей; кого обвинят судьи,- тот заплатит ближнему своему вдвое.

Если кто отдаст ближнему своему осла, или вола, или овцу, или какой другой скот на сбережение, а он умрет, или будет поврежден, или уведен так, что никто сего не увидит, клятва пред Господом да будет между обоими в том, что взявший не простер руки своей на собственность ближнего своего,- и хозяин должен принять, а тот не будет платить; а если украден будет у него, то должен заплатить хозяину его; если же будет зверем растерзан, то пусть в доказательство представит растерзанное - за растерзанное он не платит.

Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден, или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить; если же хозяин его был при нем, то не должен платить; если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену.

Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей **вено** и возьмет ее себе в жену; а если отец не согласится и не захочет выдать ее за него, пусть заплатит отцу столько серебра, сколько полагается на вено девицам.

Ворожеи не оставляй в живых!

Всякий скотоложник да будет предан смерти!

Приносящий жертву «богам», кроме Одного Господа, да будет истреблен!

Пришельца не притесняй и не угнетай его (ибо вы сами были пришельцами в Земле Египетской)! Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши - сиротами.

Если дашь деньги взаймы бедному из Народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста.

Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она - одеяние тела его; в чем будет он спать? Итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу (ибо Я – милосерд!).

Судей не злословь, и начальника в Народе твоем не поноси! Не медли приносить Мне начатки от гумна твоего и от точила твоего, отдавай Мне первенца из сынов твоих (то же делай с волом твоим, и с овцою твоею, и с ослом твоим - семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмой день отдавай их Мне); и будете у Меня Людьми Святыми (и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте - псам бросайте его).

Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтоб быть свидетелем неправды.

Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды; и бедному не потворствуй в тяжбе его.

Если найдешь вола врага твоего или осла его заблудившегося, приведи его к нему; если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его - развьючь вместе с ним.

Не суди превратно тяжбы бедного твоего.

Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого - ибо Я не оправдаю беззаконника. Даров не принимай - ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых.

вено -
1)выкуп за невесту;
2)приданое жены

Пришельца не обижай и не притесняй его (вы знаете душу пришельца - потому что сами были пришельцами в Земле Египетской).

Шесть лет засевай землю твою и собирай произведения ее, а в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего Народа, а остатками после них питались звери полевые (так же поступай с виноградником твоим и с маслиною твоею).

Шесть дней делай дела твои, а в седьмой день покойся, чтобы отдохнул вол твой и осел твой, и успокоился сын рабы твоей и пришелец.

Соблюдайте всё, что Я сказал вам, и имени других «богов» не упоминайте - да не слышится оно из уст твоих! Три раза в году празднуй Мне! Наблюдай Праздник Опресноков - семь дней ешь пресный хлеб (как Я повелел тебе), в назначенное время месяца Авива - ибо в оном ты вышел из Египта (и пусть не являются пред Лицо Мое с пустыми руками); наблюдай и Праздник Жатвы Первых Плодов (труда твоего, какие ты сеял на поле), и Праздник Собирания Плодов (в конце года, когда уберешь с поля работу твою).

Три раза в году должен являться весь мужской пол твой пред Лицо Владыки, Господа твоего.[…]

Когда изгоню язычников от лица твоего и распространю пределы твои, не изливай крови жертвы Моей на квасное, и тук от праздничной жертвы Моей не должен оставаться до утра.

Начатки плодов земли твоей приноси в Дом Господа, Бога твоего.

Не вари козленка в молоке матери его.

Вот, Я посылаю пред тобою Ангела Моего хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил тебе,- блюди себя пред лицом его и слушай гласа его, не упорствуй против него, потому что он не простит греха вашего (ибо Имя Мое - в нем). Если ты будешь слушать Гласа Моего, и будешь исполнять все, что скажу тебе, и сохранишь Завет Мой, то вы будете у Меня Народом Избранным из всех племен, ибо вся Земля – Моя; вы будете у Меня Царственным Священством и Народом Святым (сии Слова скажи Сынам Израилевым); если ты будешь слушать гласа его и исполнять все, что скажу тебе, то Врагом буду врагов твоих и Противником противников твоих. Когда пойдет пред тобою Ангел Мой и поведет тебя к аморреям, хеттеям, ферезеям, хананеям, гергесеям, евеям и иевусеям, и истреблю их от лица вашего, то не поклоняйся «богам» их, и не служи им, и не подражай делам их - но сокруши их и разрушь столбы их. Служите Господу, Богу вашему, - и Он благословит хлеб твой и вино твое, и воду твою; и отвращу от вас болезни - не будет преждевременно рождающих и бесплодных в земле твоей, число дней твоих сделаю полным. Ужас Мой пошлю пред тобою, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь, и буду обращать к тебе тыл всех врагов твоих. Пошлю пред тобою шершней - и они погонят от лица твоего амареев, евеев, иевусеев, хананеев и хеттеев. Не выгоню их от лица твоего в один год, чтобы земля не сделалась пуста и не умножились против тебя звери полевые - мало-помалу буду прогонять их от тебя, доколе ты не размножишься и не возьмешь во владение земли сей. Проведу пределы твои от Моря Чермного до Моря Филистимского и от Пустыни до Реки Великой, Евфрата, ибо предам в руки ваши жителей сей земли - и прогонишь их от лица твоего. Не смешивайся и не заключай союза ни с ними, ни с «богами» их; не должны они жить в земле твоей, чтобы они не ввели тебя в грех против Меня (ибо если ты будешь служить «богам» их, то это будет тебе сетью).

ИСТОЧНИК: Библия. Священное писание Ветхого и Нового Завета.- Санкт-Петербург, 1998. - С.71 –74.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему Бог говорит Моисею: «Не делайте предо Мною «богов» серебряных или «богов» золотых - не делайте себе!»? Можно ли сказать, что Богу не нужны партнеры? И что Бог завистлив и не признает конкуренции?
2. Какие правила и нормы вводит Тора? Как применяется «Закон» и какова его связь с «верованием»?
3. Согласны ли вы с тем, что говорит Тора: «Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти. Кто украдет человека из Сынов Израилевых и, поработив его, продаст его, или найдется он в руках у него, того должно предать смерти. Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти»? Каков будет результат подобных утверждений, с вашей точки зрения?
4. Какова разница между светским уголовным кодексом и кодексом, указанным в Торе? Как вы относитесь к тому, что людей забивают камнями за проституцию или воровство?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Old Testament, www.en.wikipedia.org/wiki/Old_Testament
- Torah, www.en.wikipedia.org/wiki/Torah
- Interpreting the Law by Robert I Bradshaw, www.biblicalstudies.org.uk/article_law.html
- Do Christians have to obey the Old Testament Law? www.gotquestions.org/Christian-law.html
- Study Papers about Old Testament Laws, www.wcg.org/lit/law/



Карл Генрих Блох. Нагорная проповедь. 1890.

БИБЛИЯ.
НОВЫЙ ЗАВЕТ.
СВЯТОЕ БЛАГОВЕСТВОВАНИЕ ОТ МАТФЕЯ

4:23-6:15

... И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях,- и прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых и лунатиков, и расслабленных - и Он исцелял их; и следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана.

Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его – и Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: «Блаженны нищие духом - ибо их есть Царство Небесное! Блаженны плачущие - ибо они утешатся! Блаженны кроткие - ибо они наследуют Землю! Блаженны алчущие и жаждущие Правды - ибо они насытятся!

Блаженны милостивые - ибо они помилованы будут! Блаженны чистые сердцем - ибо они Бога узрят! Блаженны миротворцы - ибо они будут наречены «Сынами Божиими»!

Блаженны изгнанные за правду - ибо их есть Царство Небесное! Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня! Радуйтесь и веселитесь - ибо велика ваша Награда на Небесах (так гнали и пророков, бывших прежде вас)! Вы - соль земли! Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна - как разве выбросить ее вон на попрание людям. Вы - свет Мира! Не может укрыться город, стоящий наверху горы; и, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике - и светит всем в доме. Так да светит Свет ваш пред людьми - чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного! Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков! Не нарушить пришел Я, но исполнить, ибо истинно говорю вам - доколе не прейдет Небо и Земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из Закона, пока не исполнится все! Итак, кто нарушит одну из Заповедей сих малейших и научит так людей - тот малейшим наречется в Царстве Небесном, а кто сотворит и научит - тот великим наречется в Царстве Небесном, ибо, говорю вам, если Праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное!

Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай!» (кто же убьет - подлежит суду!) – а Я говорю вам, что всякий, гневающийся на Брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет Брату своему: «Рака!» - подлежит Синедриону, а кто скажет: «Безумный!» - подлежит Геене Огненной! Итак, если ты принесешь дар твой к Жертвеннику и там вспомнишь, что Брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой, пред Жертвенником, и пойди, прежде примирись с Братом

твоим - и тогда приди, и принеси дар твой! Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним,- чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе - ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта!

Вы слышали, что сказано древним: «Не прелюбодействуй!» - а Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женшину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем! Если же правый глаз твой соблазняет тебя - вырви его и брось от себя (ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в Геену!); и если правая твоя рука соблазняет тебя - отсеки ее и брось от себя (ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в Геену!). Сказано также, что, если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную, - а Я говорю вам - кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать, и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует!

Еще слышали вы, что сказано древним: «Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои!» - а Я говорю вам - не клянись вовсе, ни Небом (потому что оно - Престол Божий), ни Землею (потому что она - Подножие Ног Его), ни Иерусалимом (потому что он – Город Великого Царя), ни головою твоею не клянись (потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным); но да будет слово ваше: «Да, да!», «Нет, нет!» (а что сверх этого, то - от Лукавого!).

Вы слышали, что сказано: «Око - за око, и зуб - за зуб!» - а Я говорю вам - не противься злому, но, кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и, кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и, кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя – дай, и от хотящего занять у тебя - не отвращайся!

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего!» - а Я говорю вам - любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете Сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает Солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных; ибо если вы будете любить любящих вас, - какая вам награда (не то же ли делают и **мытари**?), и если вы приветствуете только Братьев ваших, - что особенного делаете (не так же ли поступают и язычники?)? Итак, будьте совершенны, как Совершен Отец ваш Небесный!

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас, - иначе не будет вам Награды от Отца вашего Небесного! Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди (истинно говорю вам - они уже получают награду свою!); у тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, - чтобы милостыня твоя была втайне (и Отец твой, Видящий тайное, воздаст тебе явно!). И, когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми (истинно говорю вам, что они уже получают награду свою!),- ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне (и Отец твой, Видящий тайное, воздаст тебе явно!); а молясь, не говорите лишнего, как язычники (ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны),- не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него!

Молитесь же так: «Отче наш, Сущий на Небесах! Да святится Имя Твое!
Да приидет Царствие Твое! Да будет Воля Твоя и на Земле, как на Небе!
Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши - как и мы про-

мытарь - сборщик налогов и пошлин

щаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от Лукавого – ибо Твоё есть Царство, и Сила, и Слава вовеки! Аминь!» (ибо если вы будете прощать людям согрешения их - то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их - то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших).

ИСТОЧНИК: Библия. Священное писание Ветхого и Нового Завета.- Санкт-Петербург, 1998.- С.969 –971.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Насколько важно чувство надежды в жизни человека? Что, согласно св. Матфею, было уникальным в призыве Иисуса к справедливости? Какого рода пустоту он обнаружил в обществе, в котором жил? Почему он обращался к самым бедным людям? Было ли это движением против элиты?
2. Как вы понимаете очищение души, духовное развитие человека по священному тексту св. Матфея? Каков был его подход к Десяти заповедям, и как он утверждал их важность?
3. Какие предложения по (социальной) справедливости мы можем найти в этих священных текстах? Почему Иисус выбрал не социальную (политическую) форму борьбы за социальную справедливость, но духовную и индивидуальную? Почему верующие считают, что доверие и внутреннее знание делают человека сильнее, чем знание, основанное на физическом мире?
4. Пытались ли вы когда-либо стать другом своего врага? Согласны ли вы с выражением: «... Не противься злому, но, кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и, кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Почему да? Почему нет?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Как можно передавать религиозные и светские знания в обществе? Почему важно, чтобы общество придерживалось различных мнений? Становится ли современное общество сильнее или слабее при такой форме дискуссии, которая не подвержена контролю?
2. Согласны ли одни авторы с мыслями других?
3. Каково представление о справедливости в текстах, с которыми вы уже познакомились? Содержат ли они единое мнение о том, что такое справедливость?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- The Whole Bible: New Testament History, www.maplenet.net/~trowbridge/NT_Hist.htm
- Greek Bible, www.greekbible.com/
- The New American Bible, www.nccbuscc.org/nab/bible/
- New Testament, www.en.wikipedia.org/wiki/New_Testament
- Holy Bible-New Testament, www.ebooks.ebookmall.com/title/holy-bible---new-testament-king-james-version-ebooks.htm

КОРАН



СТРАНИЦА РУКОПИСНОГО КОРАНА НА ЯЗЫКЕ АНДАЛУСИИ. 12 ВЕК.

СУРА 1. ОТКРЫВАЮЩАЯ КНИГУ

(1). Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

1 (2). Хвала - Аллаху, Господу миров,

2 (3). милостивому, милосердному,

3(4). царю в День суда!

4(5). Тебе мы поклоняемся и просим помочь!

5(6). Веди нас по дороге прямой,

6 (7). по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал,-

7. не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

СУРА 2. КОРОВА

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

1 (1). Алм. (2). Эта книга - нет сомнения в том - руководство для богобоязненных,

2 (3). тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву, и из того, чем Мы их наделили, расходуют,

3 (4). и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и в последней жизни они убеждены.

[…]

28 (30). И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Он сказал: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!»

29 (31). И научил Он Адама всем именам, а потом предложил их ангелам и сказал: «Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы».

30 (32). Они сказали: «Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине, Ты - знающий, мудрый!»

31 (33). Он сказал: «О Адам, сообщи им имена их!» И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: «Разве Я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?»

32 (34). И вот, сказали Мы ангелам: «Поклонитесь Адаму!» И поклонились они, кроме **Иблиса**. Он отказался и превознесся и оказался неверующим.

33 (35). И Мы сказали: «О Адам! Поселитесь ты и твоя жена в раю и питайтесь оттуда на удовольствие, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, чтобы не оказаться из неправедных».

34 (36). И заставил их сатана споткнуться о него и вывел их оттуда, где они были. И Мы сказали: «Низвергнитесь, (будучи) врагами друг другу! Для вас на земле место пребывания и пользование до времени».

Иблис - дъявол

35 (37). И Адам принял от Господа своего слова, и обратился Он к нему: ведь Он - обращающийся, милосердный!

36 (38). Мы сказали: «Низвергнитесь оттуда вместе! А если придет к вам от Меня руководство, то над теми, кто последует за Моим руководством, не будет страха, и не будут они печальны».

[…]

38 (40). О сыны Исраила! Вспомните милость Мою, которую Я оказал вам, и верно соблюдайте Мой завет, тогда и Я буду соблюдать завет с вами. Меня страшитесь

(41). и веруйте в то, что Я ниспослал в подтверждение истинности того, что с вами. Не будьте первыми неверующими в это. И не покупайте за Мои знамения ничтожную цену и Меня бойтесь.

39 (42). И не облекайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!

40 (43). И выстаивайте молитву, и давайте очищение, и кланяйтесь с поклоняющимися.

41 (44). Неужели вы будете повелевать людям милость и забывать самих себя, в то время как вы читаете Писание? Неужели же вы не образумитесь?

42 (45). Обратитесь за помощью к терпению и молитве, ведь она - великая тягота, если только не для смиренных,

43 (46). которые думают, что они встретят своего Господа, и что они к Нему вернутся.

44 (47). О сыны Исраила! Вспомните милость мою, которую Я оказал вам, и что Я превознес вас над мирами.

[…]

78 (84). И вот взяли Мы договор с вас: «Вы не будете проливать вашей крови, и вы не будете изгонять друг друга из ваших жилищ». Потом вы подтвердили, свидетельствуя.

79 (85). Потом вы оказались теми, что убивали друг друга и изгоняли одну часть из вас из их жилищ, помогая друг другу против них грехом и враждой. А если приходили к вам пленные, вы выкупали их, а вам запрещено выводить их. Разве вы станете веровать в одну часть Писания и не будете веровать в другую? Нет воздаяния тому из вас, кто делает это, кроме позора в жизни ближайшей, а в День воскресения они будут преданы самому жестокому наказанию! Аллах не небрежет тем, что вы делаете!

[…]

167 (172). О вы, которые уверовали! Ешьте блага, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему вы покланяетесь.

168 (173). Он ведь запретил вам только мертвечину, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото не для Аллаха. Кто же вынужден, не будучи нечестивцем и преступником, - нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд!

169 (174). Поистине, те, которые скрывают то, что низвел Аллах из Писания, и покупают за это малую цену, - они пожирают в свои животы только огонь; не заговорит с ними Аллах в День воскресения и не очистит их, и для них - мучительное наказание!

170 (175). Они - те, что купили заблуждение за прямой путь и наказание за прощение. И как они терпеливы к огню!

171 (176). Это - потому, что Аллах ниспослал Писание во истину, а те, которые разногласят о Писании, конечно, в далеком расколе.

172 (177). Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие - кто уверовал в Аллаха, и в Последний день, и в ангелов, и в Писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, - и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, - это те, которые были правдивы, это они - богобоязненные.

[…]

256 (255). Аллах - нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их,- поистине, Он - высокий, великий!

257 (256). Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах - слышащий, знающий!

258 (257). Аллах - друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету.

259. А те, которые неверны, друзья их – идолы; они выводят их от света к мраку. Это – обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

[…]

264 (262). Те, которые тратят свои имущества на пути Аллаха и потом то, что истратили, не сопровождают попреками и обидой, им - их награда от Господа их, и нет страха над ними, и не будут они печальны.

265 (263). Речь добрая и прощение - лучше, чем милостыня, за которой следует обида. Поистине, Аллах богат, кроток!

266 (264). О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой, как тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми и не верует в Аллаха и Последний день. Подобен он скале, на которой земля: но постиг ее ливень и оставил голой. Они не владеют ничем из того, что приобрели: ведь Аллах не ведет прямым путем людей неверных!

267 (265). А те, которые тратят свое имущество, стремясь к благоволению Аллаха и по укреплению от своих душ, подобны саду на холме: его постиг ливень, и он принес свои плоды вдвойне. А если не постиг его ливень, то - роса. Поистине, Аллах видит то, что вы делаете!

268 (266). Разве хотел бы кто-нибудь из вас, чтобы был у него сад из пальм и виноградника, где внизу текут реки, где для него - всякие плоды, и постигла бы его старость, в то время как у него слабое потомство, и сад постиг бы ураган , в котором огонь, и сгорел бы он? Так разъясняет Аллах вам знамения, - может быть, вы обдумаете!

269 (267). О вы, которые уверовали! Расходуйте лучшее из того, что приобрели, и того, что извели Мы вам из земли. И не устремляйтесь к дурному из этого, чтобы расходовать, -

270. чего бы вы и сами не взяли, если бы не зажмурили на это глаза. И знайте, что Аллах богат и славен!

271 (268). Сатана обещает вам бедность и приказывает вам мерзость, а Аллах обещает вам Свое прощение и милость. Поистине, Аллах объемлющ, знающ!

272 (269). Он дарует мудрость, кому пожелает; а кому дарована мудрость, тому даровано обильное благо. Но вспоминают только обладатели разума!

273 (270). Какую бы издержку вы ни издержали, какой бы обет ни обещали, поистине, Аллах знает это, и нет помощников у несправедливых!

(271). Если вы открыто делаете милостыню, то хорошо это; а если скроете ее, подавая ее бедным, то это - лучше для вас и покрывает для вас ваши злые деяния: поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

274 (272). Не на тебе лежит руководство ими, но Аллах ведет прямым путем, кого хочет. Что бы вы ни потратили из добра, - то для самих себя, и вы тратите только из стремления к лику Аллаха. И что бы вы ни потратили из блага, будет полностью воздано вам, и вы не будете обижены.

(273). Беднякам, которые удержаны на пути Аллаха, - не могут они двигаться по земле; глупец принимает их за богачей из-за скромности, ты узнаешь их по признакам их: они не просят у людей, приставая. Что бы вы ни издержали из добра, поистине, Аллах про это знает!

275 (274). Те, которые издерживают свое имущество ночью и днем, тайно и явно, - им их награда у Господа их; нет страха над ними, и не будут они печальны!

276 (275). Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это - за то, что они говорили: «Ведь торговля - то же, что рост». А Аллах разрешил торговлю и запретил рост. К кому приходит увещание от его Господа и он удержится, тому (прощено), что предшествовало: дело его принадлежит Аллаху; а кто повторит, те - обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

[…]

СУРА 3. СЕМЕЙСТВО ИМРАНА

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

1 (1). Алм. (2). Аллах - нет божества, кроме Него, - живой, сущий!

2 (3). Ниспослал Он тебе в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до него. И ниспослал Он Тору и Евангелие (4). раньше в руководство для людей и ниспослал Различение.

3. Поистине, те, которые не веруют в знамения Аллаха, - для них сильное наказание. Поистине, Аллах велик, обладатель мщения!

4 (5). Поистине, от Аллаха не скрыто ничто на земле и на небе.

(6). Он - тот, кто придает вам форму в утробах как пожелает. Нет божества, кроме Него, великого, мудрого!

5 (7). Он - тот, кто ниспослал тебе Писание; в нем есть стихи, расположенные в порядке, которые - мать книги; и другие - сходные по смыслу. Те же, в сердцах которых уклонение, - они следуют за тем, что в нем сходно, домогаясь смятения и домогаясь толкования этого. Не знает его толкования никто, кроме Аллаха. И твердые в знаниях говорят: «Мы уверовали в него; все - от нашего Господа». Вспоминают только обладатели разума!

6 (8). Господи наш! Не уклоняй наши сердца после того, как Ты вывел нас на прямой путь, и дай нам от Тебя милость: ведь Ты, поистине, - податель!

[…]

СУРА 4. ЖЕНЩИНЫ

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

1 (1). О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, которым вы друг друга упрашиваете, и родственных связей. Поистине, Аллах - над вами надсмотрщик!

2 (2). И давайте сиротам их имущество и не заменяйте дурным хорошего. И не ешьте их имущество в дополнение к вашему, - ведь это - великий грех!

3 (3). А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах - и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то - на одной или на тех, которыми овладели ваши **десницы**. Это - ближе, чтобы не уклониться.

(4). И давайте женам их **вено** в дар. Если же они соблаговолят чем-нибудь из этого для вас, то питайтесь этим на здоровье и благополучие.

[…]

8 (7). Мужчинам - удел из того, что оставили родители и близкие, и женщинам - удел из того, что оставили родители и близкие, - из того, что мало или много, удел определенный.

9 (8). А когда присутствуют при разделе родственники, сироты и бедняки, то наделяйте их из этого и говорите им слово благое.

10 (9). И пусть боятся те, которые, если бы оставляли позади себя слабое потомство, боялись бы за них. Пусть же они боятся Аллаха и говорят слово твердое!

11 (10). Поистине, те, которые пожирают имущество сирот по несправедливости, пожирают в своем чреве огонь, и будут они гореть в пламени!

[…]

СУРА 5. ТРАПЕЗА

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

11 (8). О вы, которые уверовали! Будьте стойкими пред Аллахом, исповедниками по справедливости. Пусть не навлекает на вас ненависть к людям греха до того, что вы нарушите справедливость. Будьте справедливы, это - ближе к богобоязненности, и бойтесь Аллаха, поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

12 (9). Обещал Аллах тем, которые уверовали и творили доброе: им - прощение и великая награда.

[…]

48 (44). Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней проро-

десница - правая рука

вено - здесь: приданое жены

ки, которые предались, тех, кто исповедует иудейство, а раввины и книжники - сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Аллаха, и они - об этом исповедники. Не бойтесь же людей, а бойтесь Меня! И не покупайте за Мои знамения малую цену! А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это - неверные.

49 (45). И предписали Мы им в ней, что душа - за душу, и око - за око, и нос - за нос, и ухо - за ухо, и зуб - за зуб, и раны - отмщение. А кто пожертвует это милостыней, то это - искупление за него. А кто судит не потому, что низвел Аллах, те - несправедливы.

50 (46). И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором - руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных.

51 (47). И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах. А кто не судит по тому, что низвел Аллах, те - распутники.

52 (48). И Мы низвели тебе Писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь.

53. А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху - возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чем вы разногласили!

54 (49). И суди между ними по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями, и берегись их, чтобы они не соблазнили тебя от части того, что низвел тебе Аллах. Если они отвратятся, то знай, что Аллах хочет поразить их за некоторые их грехи. Ведь, поистине, многие из людей - распутники!

[…]

ИСТОЧНИК: Коран. / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского. – М.:СП ИКПА,1990.- С. 27-31, 35, 44-45, 56-59, 61-62, 81-82, 103, 107-108.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. В начале книги говорится о Судном дне и прямой дороге. Что означает прямая дорога, через которую, по ожиданию Бога, мы должны пройти? Как нам найти ее?
2. Как мы определяем справедливость, и почему мы должны искать ее, если Бог Милосерден и Милостив?
3. Кто является лучшим для Бога, если все грешны? Какого рода изменения Бог обещает в Коране, если человек выйдет на прямую дорогу?
4. Бог говорит: «Доброе слово и прощение лучше милосердия». Почему Он понуждает нас быть добрыми и прощать ошибки других? Тогда почему в мусульманском мире происходят убийства и разрушения?
5. Бог говорит: «Разве Я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?» Почему тогда человек подвергается наказанию, если Бог является всевидящим?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Можете ли вы сравнить Тору, Библию и Коран? В чем они схожи и в чем различны?
2. В каком из священных текстов справедливость является важным компонентом? В каких она (справедливость) вообще не упоминается? Можете ли вы указать причины такой разницы?
3. Согласно всем священным текстам, какой вид справедливости предпочтителен и почему?
4. Напишите эссе на тему: «Идея справедливости в священных книгах».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- A description and analysis of the Qur'an, www.en.wikipedia.org/wiki/Qur'an
- The Holy Qur'an Electronic Text Center, University of Virginia Library, http://etext.virginia.edu/toc/modeng/public/HolKora.html
- What is the Qur'an? www.al-islam.org/allah/info/quran.html
- Understanding Islam-The Qur'an, www.understanding-islam.com/related/scategory.asp?catid=3
- Introduction to the Qur'an, www.sunnipath.com/Academy/Online/CourseCatalog/Department/Quran/introduction-to-the-quran.aspx
- Prayer in the Qur'an-Harun Yahya, www.harunyahya1.com/prayer01.php



Эжен Делакруа. Свобода, ведущая народ. 1830.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

Никогда не прекращающийся поиск определения практических параметров справедливости характеризует политический подход к вековому поиску социальной справедливости. Многочисленные соглашения, законы и конституции были введены, чтобы обеспечить справедливость для всех. Для достижения справедливости для граждан привлекались как небольшие, так и огромные армии, бюрократии и юридические лица. Наконец, когда уже все было испробовано, народы часто прибегали к переворотам, революциям и войнам, которые оправдывались и объяснялись как последняя попытка достижения справедливости для пострадавших людей.

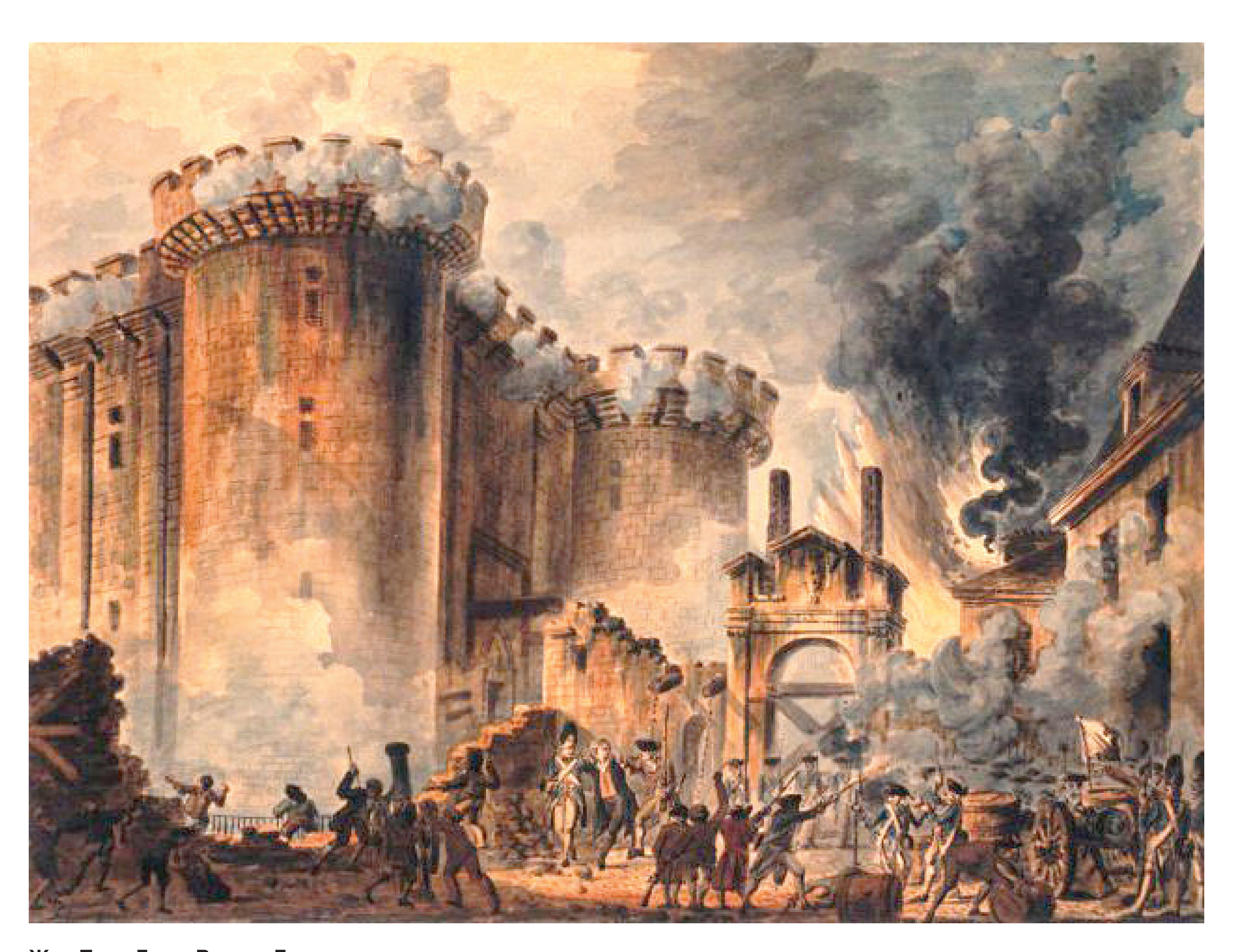
В этой главе рассматриваются три необычные формы действий, применявшиеся для достижения справедливости, а именно: гражданское неповиновение, ненасильственный протест и свобода слова. Читатели должны рассмотреть связи между справедливостью и вышеназванными подходами. Являются ли такие связи оправданными, неестественными или неуместными для нашего понимания справедливости? Является ли несоблюдение закона его нарушением или же оправданным восстанием против плохих законов?

Аргумент, выдвигаемый в произведении Генри Дэвида Торо, гласит, что «еще никогда законы не делали человека более справедливым» и, что хуже всего, соблюдая несправедливые законы, мы «ежедневно становимся проводниками несправедливости». Так как праведные не могут служить несправедливому правителю, они не должны подчиняться законам этой страны. Другими словами, Торо доказывает, что самое подходящее место для хорошего гражданина в несправедливом государстве – это тюрьма. Есть ли альтернатива этому понятию оправданного политического деяния для блага справедливости? Или такой подход непрактичен и не сослужит хорошей службы?

Ганди также считал, что только ненасильственное сопротивление является легитимной формой достижения справедливости. Как средства, так и цели должны быть справедливыми. Хорошие цели не могут и не должны оправдывать применение плохих средств. Для достижения справедливости необходимо использовать только законные средства. Справедливость не может быть достигнута несправедливыми действиями. Все насильственные действия являются несправедливыми. Ненасилие или пассивное сопротивление – это не трусость. Для этого требуется большая храбрость. Если кто-то не может храбро оказывать пассивное сопротивление, то, по мнению Ганди, плохим законам необходимо оказывать яростное сопротивление, так как трусость хуже насилия. Почему Ганди так низко ставит трусость?

Соджорнер Трут продемонстрировала нам, что свобода слова также может стать средством для достижения справедливости. Может ли быть справедливость там, где запрещена свобода слова? Могут ли рабы претендовать на справедливость наравне со свободными гражданами? Если государство или общество различает своих граждан на основании расы или пола, может ли оно рассматриваться как институт справедливости? Являются ли равные права, равный доступ и равные возможности необходимыми составляющими для построения справедливого общества?

Знакомясь с этой главой, читатель может рассмотреть, каким образом граждане или члены общества изменяют или реформируют свое общество, не причиняя ему вреда. Всем ли доступны такие возможности? Какие условия необходимы или благоприятны для проведения реформ в обществе или государстве для изменения их к лучшему?

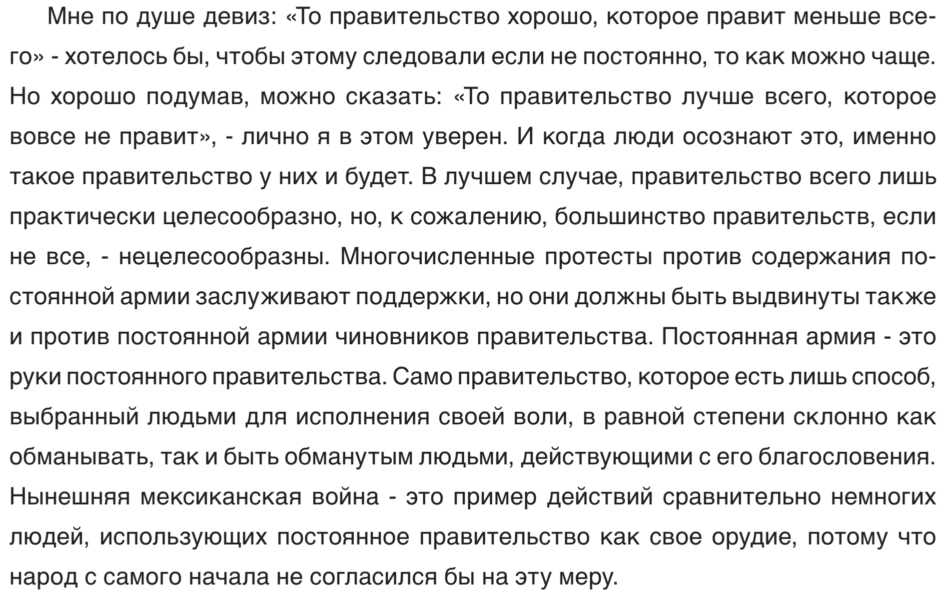


Жан Пьер Гуль. Взятие Бастилии.

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО.
О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ



Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский писатель, критик и философ, оказавший влияние на многих мыслителей и политических деятелей, в том числе на Л.Н.Толстого, М.К. Ганди, Мартина Лютера Кинга. Он написал и опубликовал множество стихотворений и прозаических произведений, среди которых самыми известными являются «Гражданское неповиновение» и «Уолден».



Мне по душе девиз: «То правительство хорошо, которое правит меньше всего» - хотелось бы, чтобы этому следовали если не постоянно, то как можно чаще. Но хорошо подумав, можно сказать: «То правительство лучше всего, которое вовсе не правит», - лично я в этом уверен. И когда люди осознают это, именно такое правительство у них и будет. В лучшем случае, правительство всего лишь практически целесообразно, но, к сожалению, большинство правительств, если не все, - нецелесообразны. Многочисленные протесты против содержания постоянной армии заслуживают поддержки, но они должны быть выдвинуты также и против постоянной армии чиновников правительства. Постоянная армия - это руки постоянного правительства. Само правительство, которое есть лишь способ, выбранный людьми для исполнения своей воли, в равной степени склонно как обманывать, так и быть обманутым людьми, действующими с его благословения. Нынешняя мексиканская война - это пример действий сравнительно немногих людей, использующих постоянное правительство как свое орудие, потому что народ с самого начала не согласился бы на эту меру.

Что такое американское правительство, как не традиция, хотя и возникшая совсем недавно, но уже закостеневшая, каждое мгновение теряющая часть своей целостности и в таком виде стремящаяся передать себя будущим поколениям? Если один человек может подчинить его своей воле, значит, у правительства нет жизненности и силы. Для народа это что-то вроде деревянного ружья. Хотя от этого правительство не становится для него менее необходимым, потому что людям хочется реализовать свою идею правительства. Именно это дает правительству возможность успешно надувать людей, и даже самих себя к своей же собственной выгоде. Не правда ли, замечательно. К тому же, правительство, как правило, никогда само ничего не делает, а лишь с готовностью уклоняется от работы. Не оно хранит свободу страны. Не оно заселяет Запад. Не оно дает образование. В характере американского народа - доводить любое дело до завершения, и он бы делал больше, если бы правительство не становилось у него на пути. Правительству выгодно, когда люди разобщены, а еще лучше оно себя чувствует, когда об управляемых можно вовсе не думать. Предпринимательство и торговля, если бы они не были подобны резиновому мячу, никогда не смогли бы перепрыгнуть через препятствия, непрерывно воздвигаемые законниками на их

пути; и если бы этих людей судили по результатам их действий, а не только по намерениям, то пришлось бы рассматривать их и наказывать как злоумышленников, устраивающих аварии на железных дорогах.

Рассматривая все с позиции здравого смысла, я, как гражданин, не являюсь противником вообще правительства, но призываю уже сейчас подумать о лучшем правительстве. Если каждый человек начнет размышлять о том, какое правительство будет вызывать у него уважение, - это уже явится шагом к его появлению.

Практика показывает, что причиной прихода к власти народа, когда большинству позволено, и довольно долго, управлять, является не правота большинства и не мнение меньшинства, что это справедливо, а лишь то, что большинство физически сильнее. Поэтому, в любом случае, правительство, которым управляет большинство, основано не на справедливости, как бы ни понимали ее люди. Разве не может существовать правительство, в котором большинство решает, что верно, а что нет, не в соответствии с делом, а в соответствии с совестью; правительство, в котором большинство решает только те вопросы, к которым применимо правило разумной целесообразности? Может ли гражданин хоть на секунду передоверить свою совесть законодателю? Зачем тогда каждому человеку совесть? Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми, и только потом - подданными. Нежелательно воспитывать такое же уважение к закону, как к справедливости. Единственная обязанность, которую я могу принять на себя - это в любое время делать то, что я считаю справедливым. Довольно точно сказано, что у общества нет совести, но общество совестливых людей - это общество с совестью. Закон не делает людей ни на йоту более справедливыми, а поскольку они чтут его, то даже доброжелательные ежедневно становятся вершителями несправедливости.

Результатом всеобщего заблуждения из-за чрезмерного почитания закона является то, что вы можете видеть колонны солдат, рядовых и полковников, капитанов, капралов и всех прочих, марширующих стройными рядами через горы и долы на войну против своей воли и, увы, против здравого смысла и совести, что делает их марш, в самом деле, невероятным и вызывает сердечную боль. Внутри себя каждый из них не сомневается, что дело, которым их принуждают заниматься - отвратительно, ибо миролюбие - естественное свойство человека. Так кто же они теперь? Люди или маленькие подвижные крепости и склады на службе какого-то бесчестного человека у власти? Посетите военный порт и взгляните на морского пехотинца, - вот человек, какого может создать американское правительство или черный маг, - просто тень и воспоминание о человеке, - еще живой, еще на ногах, но уже, можно сказать, погребенный под похоронный марш и прощальный залп, хотя бывает и иначе...

Над той могилой в барабан не били
И залп прощальный не звучал,
Его мы тут же спешно и зарыли
На поле боя, где он пал.

Массы людей, таким образом, служат правительству не как люди, а как машины, - своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, **констеблей** и **posse comitatus**. У большинства из них нет нравственного чувства, они не способны к свободному суждению и этим ставят себя на уровень бессловесного дерева или камня. Если бы можно было сделать деревянных людей, они бы так же хорошо служили этим целям. Эта команда заслуживает уважения не больше, чем соломенное чучело или чурбан. Они

констебль -
низший полицейский чин в Англии и США

posse comitatus -
свидетели шерифа

такое же имущество, как лошади и собаки. Однако они обычно считают себя добрыми гражданами. Другие - в большинстве своем законодатели, политики, юристы, священники и чиновники - служат государству, главным образом, головой, и, поскольку они редко делают какие-либо моральные разграничения, кажется, что они служат скорее дьяволу, чем Богу, не затрудняясь даже скрывать это. Лишь немногие люди - герои, патриоты, мученики, подлинные реформаторы - служат государству на совесть, и поэтому, зачастую, в силу необходимости, сопротивляются его искажениям, и за это их обычно считают врагами государства. Мудрец может быть полезен только как человек и не потерпит, чтобы его превратили в затычку для дыры, «чтобы не дуло», в крайнем случае, он отойдет в сторону:

... Так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудием
Какой-нибудь державы.

Тот, кто отдает всего себя на служение своим собратьям, кажется им бесполезным и эгоистичным, а тот, кто отдает лишь часть себя, - провозглашается благодетелем и филантропом.

Как должен человек в наше время относиться к такому американскому правительству? Я отвечу: он не может связаться с ним, не запятнав себя позором. У меня в голове не умещается, что такая политическая организация, как мое правительство, является также правительством рабов.

Все признают право на революцию, т. е. право отказать в лояльности и оказать сопротивление правительству, когда его тирания или неспособность к управлению велики и невыносимы, но почти все говорят, что сейчас не такой случай. Они думают, что такой случай был в Революции 1775 года. Если бы мне сказали, что то правительство было плохое, потому что оно облагало налогами некоторые заграничные товары, привозимые в порты, то я скорее всего не стал бы поднимать шума: ведь можно обойтись без этих товаров. У всех механизмов есть трение, и возможно сама машина приносит достаточно пользы, чтобы уравновесить это зло. В любом случае неправильно акцентировать на нем всеобщее внимание. Но когда трение само становится машиной, производящей угнетение и грабеж, не хватит ли нам терпеть такую машину, спрашиваю я. Другими словами, когда шестая часть нации, провозгласившей себя прибежищем свободы, остается рабами, а целая страна завоевывается и разграбляется армией захватчиков и управляется по военным законам, то я думаю, что сейчас самое время для честного человека оказать сопротивление и неповиновение. А что делает это необходимым и настоятельным, так это то, что разграбленная страна не наша собственная и мы являемся армией захватчиков.

Пейли, признанный авторитет в моральных вопросах, в своей книге, в главе «Обязанность подчинения гражданскому правительству», сводит все гражданские обязанности к рассудочной целесообразности и говорит следующее: «Пока интересы всего общества требуют этого, т.е. пока назначенному правительству нельзя оказать сопротивление или сменить его, не вызывая общественного беспокойства, в воле Божьей повиноваться такому правительству, но не дольше... Применяя этот принцип, следует свести справедливость каждого частного случая сопротивления к расчету количества опасности и ущерба, с одной стороны, и возможности и стоимости исправления этого, с другой». Об этом, считает он, каждый человек будет судить самостоятельно. Но Пейли, кажется, никогда не размышлял о случаях, к которым не приложимо правило рассудочной целесообразности, когда и народ, и отдельный человек должны вершить справедливость, во что бы то ни стало. Если я несправедливо вырвал опору у тонущего, то я должен вернуть ее ему, хотя бы сам и утонул. Согласно Пейли, это не совсем так, не стоит так горячиться. Но тот, кто хочет подобным образом душу свою сберечь, потеряет ее. Наш народ должен положить конец рабовладению и войне с Мексикой, хотя бы это стоило ему существования как народу.

В своей обыденности народы согласны с Пейли, но мог ли кто предположить, что Массачусетс сделает именно то, что нужно при нынешнем кризисе?

*Несете яркий **шлейф** на шлюхе-государстве,*
Когда душа его волочится в грязи.

В сущности, противниками реформы в Массачусетсе является не сотня тысяч политиков на Юге, а сотни тысяч лавочников и фермеров на Севере, которых больше волнуют вопросы торговли и хозяйства, чем проблемы гуманности, - они не готовы совершить справедливость по отношению к рабам и Мексике, во чтобы то ни стало. Так что я выступаю не против далеких врагов, а против тех, кто здесь, дома, своей пассивностью пособляет им, без чего те, далекие, не имели бы той силы.

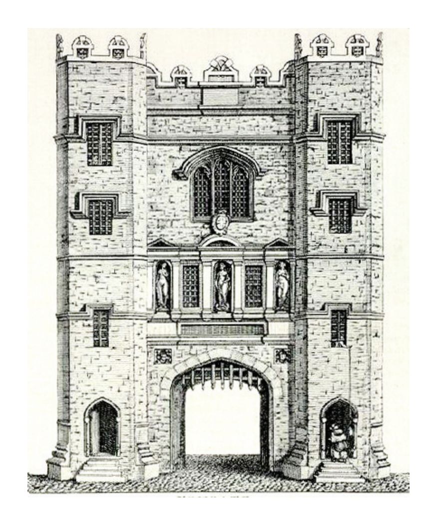
Рассуждения о том, что реформы медленны, потому что массы не готовы, не делают меньшинство умнее и лучше, чем большинство. И не стоит плевать на все вокруг только потому, что где-то есть абсолютное добро, на фоне которого люди выглядят непривлекательно. Как много тех, которые только на словах являются противниками рабства и войны, но ничего не делают, чтобы положить этому конец; тех, которые, считая себя последователями Вашингтона и Франклина, сидят сложа руки, говоря, что они не знают, что делать, и не делают ничего; тех, которые поднимают вопрос о свободе только в связи со свободой торговли и спокойно читают послеобеденную газету с сообщениями о последних ценах и новостями из Мексики, и после этого спокойно засыпают. Что значат последние цены для честного человека и патриота? Эти многие сожалеют, раскаиваются и иногда негодуют, но ничего не делают всерьез и надолго. Они выжидают, предпочитая, чтобы другие устранили зло и избавили их от мук совести. Самое большое, на что они способны, это отдать свой дешевый голос, хилую моральную поддержку и пожелание успеха правому делу. 999 покровителей добродетели приходятся на одного добродетельного человека. Но легче иметь дело с настоящим владельцем вещи, чем с ее временным хранителем.

Все голосования - это род игры, вроде трик-трака, с легким моральным оттенком, игры в правильное и неправильное с вопросами морали, и заключение пари, естественно, сопровождает ее. Причина этого в том, что у избирателей нет кровной заинтересованности. Я отдаю свой голос случайно, за то, что считаю правильным,

Пейли, Уильям (1743-1805) - английский богослов и философ

шлейф - длинный, волочащийся сзади подол женского платья

но я не заинтересован жизненно в том, чтобы эта сторона победила. Я полагаюсь на волю большинства. Поэтому обязательность голосования никогда не выходит за пределы рассудочности. Проголосовать за справедливость - еще не значит что-то сделать для нее. Это лишь слабое проявление перед людьми вашего желания победы справедливости. Мудрец не оставит справедливость на произвол случая и не пожелает ей победы силой большинства: в действиях большинства слишком мало добродетели. Когда большинство, в конце концов, проголосует за отмену рабства, то это случится или потому, что они безразличны к рабству, или потому, что от рабства уже почти ничего не останется, и поэтому станет возможным отменять его голосованием. Они будут тогда единственными рабами. Лишь голос того может ускорить отмену рабства, кто отстаивает таким образом собственную свободу.



СТАРАЯ НЬЮГЕЙТСКАЯ ТЮРЬМА, СНЕСЕННАЯ В 18 ВЕКЕ

Я слышал о конференции, которая пройдет в **Балтиморе** или еще где-то, для выбора кандидата в президенты, и что на ней будут присутствовать, главным образом, редакторы и профессиональные политики, и я подумал: какое значение будет иметь решение, к которому они придут, для любого независимого, разумного и почтенного человека, каковыми большинство себя считает? Почему же, несмотря ни на что, подобный человек не воспользуется преимуществами ума и чести? Неужели мы не в состоянии подсчитать независимые голоса? Разве мало людей в стране, которые не посещают конференций? Но вот я вижу, что так называемый почтенный человек уже сменил под их влиянием свою позицию и потерял веру в свою страну, хотя у страны гораздо больше оснований потерять веру в него. Он уже принял одного из кандидатов, избранного таким образом, как единственно перспективного, доказывая тем самым, что он сам перспективен как цель для любой демагогии. Его голос не намного лучше, чем голос любого беспринципного иностранца или продажного обывателя. О, где же человек, что был бы Человеком, и которого, как говорит мой сосед, не скрутить, не подкупить! Наша статистика заблуждается, сообщая, что население очень велико. Сколько Человек приходится на тысячу квадратных миль в этой стране? Едва ли один. Почему бы Америке не придумать какой-нибудь стимул, чтобы в ней рождались Люди? Американец выродился в чудака, известного развитым органом стадности, недостатком интеллекта и неунывающей самоуверенностью, чья первая и главная мысль по пришествии в мир - убедиться, что богадельни в полном порядке, и, еще не облачившись законно в мужской костюм, собирать фонд для поддержки вдов и сирот; в нечто такое, что рискует жить только с помощью страховой компании, которая обещает похоронить его благопристойно.

Разумеется, в обязанности человека не входит искоренение любого, даже самого вопиющего, зла, - здесь каждый волен руководствоваться своими взглядами на этот счет, но необходимо, по крайней мере, умыть руки, чтобы если уж отстраняться от борьбы, то хотя бы никак не поддерживать зло. Если я решил, что борьба со злом - это не мое дело, а мое дело - совсем в другом, то, по меньшей мере, необходимо понять, что не следует делать это другое дело, сидя у кого-нибудь на шее. Сначала я должен отпустить его, чтобы и он мог заняться своим

Балтимор - город и порт в США, в штате Мэриленд

делом. Посмотрите, какое огромное противоречие получается! Я слышал, как один из моих земляков сказал: «Приказали бы они мне участвовать в подавлении восстания рабов или маршировать в Мексику, - только б они меня и видели». Но, между тем, эти же самые люди либо непосредственно своей лояльностью, либо опосредованно, по крайней мере, своими деньгами, обеспечивают себе замену. Солдату, который отказывается участвовать в несправедливой войне, аплодируют те, кто не отказывается поддерживать несправедливое правительство, ведущее эту войну; те, чьи действия и власть он, на словах, не признает; это все равно, как если бы государство, раскаиваясь, наняло кого-нибудь, чтобы бичевал его за его грехи, но умеренно, ибо оно не может перестать грешить хоть на мгновение. Приходится **констатировать**, что прикрываясь именем Порядка и Гражданского Правительства, все мы, в конце концов, воздаем уважение и поддержку собственной низости. После первой краски стыда за грех приходит безразличие, и из аморального это становится, как уже бывало, внеморальным и, следовательно, не слишком необходимым для той жизни, какую мы ведем.

Одно из самых больших заблуждений - это рассчитывать на бескорыстие и добродетельность. Благородного человека чаще всего могут упрекнуть в недостатке патриотизма. Тот же, кто хоть и осуждает меры правительства, но, тем не менее, лоялен и поддерживает его, несомненно, делает это сознательно, - именно эти люди чаще всего являются наиболее серьезным препятствием для реформ. Некоторые требуют, чтобы штаты распустили союз и игнорировали полномочия президента. Так почему бы им не распустить самих себя - союз между собой и штатом - и отказаться платить свою долю в его казну? Разве они не в том же положении по отношению к штату, как штат - к союзу? И разве не одни и те же причины вызывают сопротивление штата по отношению к союзу, и между людьми и штатом?

Разве может человек найти удовлетворение и радость в затаенной мысли? Разве может быть радость от мысли, вызванной обидой? Если сосед надул вас на один доллар, то ведь вы не удовлетворитесь только осознанием этого, или высказыванием этого вслух, или обращением к нему с требованием вернуть причитающееся; вы примете решительные меры, чтобы получить все сполна и позаботитесь, чтобы вас не надули снова. Действия в соответствии с основами, понимание и следование справедливости - именно это изменяет сущность и обстоятельства, - они истинно революционны, а не слеплены из обломков прошлого. Это разделяет не только государства, церкви и семьи, увы, это разделяет и человека, отделяя в нем дьявольское от божественного.

Существуют несправедливые законы. Должны ли мы их просто соблюдать или нужно пытаться изменить их, соблюдая существующие, пока не добьемся своего, а может, лучше сразу отменить их? Обычно люди, при таком правительстве, как нынешнее, считают, что они должны ждать, пока не завоюют большинства, чтобы сменить правительство. Они думают, что если станут сопротивляться существующему, то средство может оказаться хуже самого зла. Это очень устраивает правительство. Но именно само это суждение и есть худшее зло. Почему правительство не может предвидеть и провести реформы? Почему оно не заботится о мудром меньшинстве? Почему оно вопит и возмущается еще до того, как его оскорбили? Почему оно не заботится о том, чтобы граждане имели возможность указать на его ошибки, для их исправления? Почему всегда распинают Христа, отлучают **Коперника** и **Лютера**, а Вашингтона и Франклина объявляют бунтовщиками?

Можно подумать, что сознательное несогласие с политикой правительства не является правонарушением, но тогда почему за это предусмотрено вполне опреде-

констатировать - устанавливать факт, несомненность, наличие чего-либо

Коперник Николай (1473 -1543) **-** польский мыслитель эпохи Возрождения, основатель научной астрономии, обосновавший гелиоцентрическую систему мира

Лютер Мартин (1483 - 1546) **-** немецкий мыслитель, глава Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма

ленное и соответствующее наказание? Если человек, у которого нет собственности, хотя бы раз откажется заработать 9 шиллингов для штата - его посадят в тюрьму на не определенное никаким, насколько я знаю, законом время, по усмотрению того, кто посадит его туда, но если он украдет у штата 90 раз по 9 шиллингов - его достаточно быстро выпустят на свободу.

Если несправедливость - это часть необходимого трения правительственной машины, то и пусть его; понятно, что машина будет снашиваться. Если же несправедливость становится всем механизмом, действующим только для себя, то вы, вероятно, можете подумать: не будет ли лекарство хуже болезни, а если этот механизм к тому же требует, чтобы вы совершали несправедливость по отношению к другим, то я посоветую разбить его. Пусть ваша жизнь станет тем, что остановит подобную машину. Во всяком случае, я должен следить за тем, чтобы не служить тому злу, которое я осуждаю.

Что же касается методов, которыми государство обеспечивает устранение зла, то я таковых не знаю. Все это отнимает слишком много времени, а человеческая жизнь коротка. У меня же много других дел. Я пришел в этот мир не для того, чтобы превратить его в место, сносное для жизни, но для того, чтобы жить в нем, хорош он или плох. Нельзя объять необъятное, но то, что человек не в состоянии сделать все, вовсе не означает, что что-то можно делать плохо. У меня нет желания обращаться с прошениями к губернатору или в законодательный орган штата, ведь они же не обращаются подобным образом ко мне, но если они не прислушиваются к моим аргументам, то что я тогда должен делать? Для этого случая государство не предоставляет линии действия: сама его конституция есть зло. Это может показаться резким, упрямым и непримиримым, но нужно с крайней доброжелательностью и вниманием рассмотреть сам дух этого и оценить его по достоинству. Все изменяется к лучшему именно подобным образом, - рождение и смерть одинаково сотрясают тело.

Я не сомневаюсь, что все, кто называет себя **аболиционистами**, должны сразу решительно отвергнуть поддержку правительства Массачусетса, как моральную, так и материальную, и не ждать, пока получат большинство, позволяя закону господствовать над ними. Я убежден, что Бог на их стороне, а что еще надо. Можно утверждать, что эти люди более правы, чем их соседи, составляющие большинство.

Непосредственно, лицом к лицу, я встречаюсь с американским правительством или правительством штата не более раза в год, в лице их представителя - сборщика налогов; это единственный случай, когда всем нам приходится, по необходимости, встречаться с ним. Правительство четко заявляет: «Признавай меня». Так вот, простейший и наиболее эффективный, в данных обстоятельствах необходимейший, способ обращения с ним - это, выказав минимум радости и признательности, отказать ему в этом. Хочу рассказать вам о моем соседе: он, по воле случая, является как раз тем самым сборщиком налогов и был выбран исполнителем воли правительства произвольно, но мне-то приходится дискутировать не с бумагой, а с ним. Как могу я узнать, кто он и в какой мере он действует как должностное лицо и в какой - как человек? Мне нужно подумать: относится ли он ко мне, своему соседу, которого он уважает,

аболиционист - сторонник отмены рабства, в отдельных случаях - сторонник отмены какого-либо закона

как к ближнему, благоразумному человеку или как к маньяку и нарушителю спокойствия, и посмотреть, сможет ли он преодолеть добрососедские чувства из грубого и опрометчивого намерения выступать в соответствии со своим положением. Я убежден, что если бы тысяча или сотня, даже десяток уважаемых людей, которых я мог бы назвать поименно, - всего лишь десяток, - да, если бы хоть один уважаемый человек в штате Массачусетс отказался бы иметь рабов и был бы по этой причине изгнан из общества и посажен в тюрьму графства, то это и было бы отменой рабства в Америке. В таких делах, каким бы незначительным ни показалось начало, действует закон: что сделано однажды, то сделано навсегда. Но мы предпочитаем рассуждать об этом, сетуя, что такова наша судьба. Реформе служит множество газет, но ни одного человека. Если бы мой почтенный сосед, член палаты представителей штата, посвящающий свои дни обсуждению в палате вопроса о правах человека и подвергающийся опасности попасть за решетку в штате Каролина, сидел бы в тюрьме в Массачусетсе, том штате, что так яростно приписывал грех рабства своей соседке, - хотя ныне предметом спора с ней может стать лишь закон о неукрытии беглых рабов, - то тогда законодательное собрание штата не смогло бы этой зимой отложить обсуждение вопроса на неопределенное время.

При правительстве, которое судит только несправедливо, настоящее место для такого человека именно в тюрьме. Сегодня единственное подходящее место, какое Массачусетс может обеспечить своим свободным и наименее подавленным душам, - это его тюрьмы, куда они могут быть брошены по закону штата и куда они сели бы в соответствии со своими принципами. Именно здесь должны были бы найти и беглого раба, и мексиканского военнопленного, и индейца, выступающего против угнетения своего народа, - в том изолированном, но более свободном и почтенном месте, куда государство помещает тех, кто не с ним, а против него, - единственном доме в рабовладельческом государстве, где свободный человек может пребывать с честью. Кто-то может решить, что так они утратят влияние, и их голоса больше не достигнут ушей правительства, что их, запертых в этих стенах, уже не будут учитывать как врагов, но они заблуждаются и не понимают, что куда более убедительно и решительно сражается с несправедливостью тот, кто хотя бы немного испытал ее на себе. Отдайте не просто листок бумаги, не просто голос, но устремите все ваши усилия. Меньшинство бессильно, пока оно соглашается с большинством, - тогда оно даже не меньшинство, но оно непобедимо, когда препятствует чему-либо всеми своими устремлениями. Если государство будет поставлено перед выбором: либо посадить в тюрьму всех таких людей, либо положить конец войне и рабству, - то оно не станет колебаться. Если бы тысяча человек не заплатили налоги в этом году, это не было бы такой жестокой и кровавой мерой, нежели, заплатив их, дать возможность правительству совершать насилие и проливать невинную кровь. По сути дела, это решающий фактор в мировой революции, если такая возможна. Если сборщик налогов или любой другой государственный служащий спросит меня, как было однажды: «Но что же мне делать?», я отвечу: «Если вы действительно хотите что-нибудь сделать, откажитесь от своей службы». Когда подданный отказался от лояльности, а офицер отверг службу - революция свершилась. Но предположим, что даже прольется кровь. Разве это та кровь, что течет, когда ранена совесть? Из этой раны вытекает подлинная человечность и бессмертие, а агония длится бесконечно. Я вижу, как течет сейчас такая кровь.

Я пришел к выводу, что заключение в тюрьму подобного нарушителя закона предпочтительнее, чем конфискация его имущества, хотя и то, и другое служит одной цели, потому что те, кто отстаивает высшее право и, следовательно, наи-

более опасны для продажного государства, обычно не тратят много времени на накопление собственности. Таким людям государство дает сравнительно небольшие должности, а необременительный налог не представляется чрезмерным, особенно, если они должны отработать его своими руками на особых работах. А если бы нашелся тот, кто жил бы вовсе не пользуясь деньгами, то государство само постеснялось бы требовать их у него. Но богатый человек - не делая никаких оскорбительных сравнений - всегда запродан тому строю, который делает его богатым. Говоря проще, - чем больше денег, тем меньше добродетели, ибо деньги становятся между человеком и его предназначением и обеспечивают его, а получать - это, конечно, не великая добродетель. Они устраняют многие проблемы, которые, в ином случае, ему бы пришлось решать, но с ними возникает главная проблема, которая ставит вопрос, трудный, но не излишний: на что их потратить. Поэтому его моральная опора уходит из-под ног. Возможность жизни уменьшается в той пропорции, в какой увеличиваются так называемые средства. Лучшее, что может сделать человек для своей эпохи, когда он богат, - это постараться осуществить те замыслы, которые он лелеял, будучи бедным. Как Христос ответил иродианам? «Покажите мне монету, которою платится подать», - сказал он, и один из них достал пенни из своего кармана. Если вы пользуетесь деньгами с изображением кесаря, которые он выпускает и устанавливает ценными, т.е. если вы люди государства и счастливо наслаждаетесь преимуществами правления кесаря, то платите ему часть его собственности, когда он потребует. «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу», - и остались они не мудрее, чем прежде, ибо они не хотели знать.

Когда я разговариваю с самым свободомыслящим из своих соседей, я убеждаюсь, что, что бы они ни говорили о важности и серьезности вопроса и своем отношении к общественному спокойствию, суть дела в том, что они не могут обойтись без защиты существующего правительства и боятся последствий своего неповиновения ему из-за своих семей и имущества. Что касается меня, то я не думаю, что когда-либо буду нуждаться в защите государства. Но если я отрицаю право государства предъявлять мне налоговую декларацию, то оно быстро отберет и продаст всю мою собственность и будет при этом без конца выматывать меня и моих детей. Это трудно. Невозможно человеку жить честно и в то же время благополучно, пользуясь уважением окружающих. Тогда стоит ли накапливать имущество, если уверен, что снова потеряешь его. Нужно или наняться, или поселиться где-нибудь, чтобы можно было вырастить хотя бы маленький урожай и быстро употребить его. Необходимо жить самостоятельно и зависеть только от себя, не иметь много дел и всегда быть готовым сняться с места. Человек может стать богатым даже в Турции, если он будет во всех отношениях добрым подданным турецкого правительства. Конфуций сказал: «Когда государство управляется согласно с разумом, постыдны бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатство

и почести». Когда я хочу, чтобы защита властей Массачусетса простиралась на меня в каком-либо далеком южном порту, где моя свобода подвергается опасности, - это одно, но когда я склонен заниматься дома мирным хозяйством, я могу позволить себе отказать в лояльности Массачусетсу и его праву на мою собственность и жизнь. В любом случае, это обойдется мне дешевле: лучше подвергнуться наказанию за неповиновение государству, чем подчиняться ему. В последнем случае я бы чувствовал себя ничтожеством.

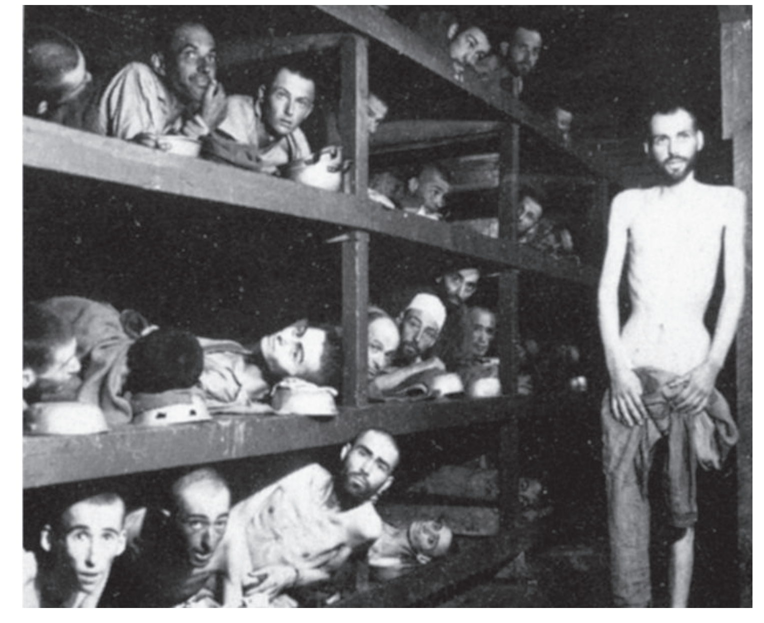
Несколько лет назад государство явилось ко мне от имени церкви и повелело платить определенную сумму для поддержки священников, чьи проповеди посещал мой отец, но никогда - я сам. «Плати, - было сказано, - или попадешь в тюрьму». Я отказался платить. Но, к несчастью, другой человек счел нужным заплатить за меня. Я не понимаю, почему школьный учитель должен платить налог на нужды священника, а не священник - учителя; я не был государственным школьным учителем, но я собирал себе средства по свободной подписке. Я не понимаю, почему бы школе не предоставить собственные претензии на налог и не заставить государство удовлетворить ее потребности так же, как и церкви. Однако, по просьбе некоторых близких, я унизился до составления некоего заявления в следующих выражениях: «Настоящим заявляю ко всеобщему сведению, что я, Генри Торо, не желаю считаться членом любого корпоративного сообщества, в которое я не вступал». Я вручил это городскому клерку, и он хранит его. Государство, извещенное таким образом, что я не желаю считаться членом этой церкви, с тех пор никогда не предъявляло мне подобных требований, хотя оно и заявило, что будет строго придерживаться своих положений. Если бы у меня был полный перечень, я бы отказался от членства во всех обществах, в которые не вступал, но я не знал, где найти его.

Я не платил подушный налог шесть лет. Однажды из-за этого меня посадили в тюрьму на одну ночь, и, пока я находился там, рассматривая каменные стены двух- или трехфутовой толщины, деревянную дверь толщиной в **фут**, окованную железом, и железную решетку, заслонявшую свет, я не мог не поражаться глупости того общественного устройства, что рассматривало меня просто как кусок плоти с кровью и костями, который можно запереть. Я полагаю, они наконец-то решили, что нашли мне наилучшее применение, но жаль, что они не додумались воспользоваться моими услугами каким-либо иным образом. Я думал о том, что если бы между мной и моими согражданами была бы действительно каменная стена, то им бы пришлось с большими трудностями перебираться или пробиваться через нее, чтобы стать такими же свободными, как и я. Ни на мгновение я не чувствовал себя заключенным, а стены являли собой пустую трату камней и раствора. У меня было ощущение, что я один из всех моих сограждан заплатил налог. Они просто не знали, что делать со мной, и вели себя как невежды. В каждой угрозе и в каждой похвале была грубая ошибка, потому что они думали, что мое главное желание - быть по ту сторону этой каменной стены. Я не мог не улыбаться, глядя как старательно запирали они мои мысли, которые, однако, не испытывали никаких помех, а ведь именно они и были опасны. Что ж, поскольку мысли им не доступны, они решили наказать мое тело, как мальчишки, обижающие собаку человека, на которого они затаили зло. Я понял, что государство страдает слабоумием, что оно отжило свой срок, как старая дева со своими серебряными ложками, и уже не отличает друзей от врагов, и тогда я потерял к нему остатки уважения и пожалел его.

Вот почему государство не в состоянии что-либо предпринять против человеческого сознания, интеллектуального или морального, а только против его тела и его чувств. Оно не обладает верховной мудростью и честностью, а

фут - английская мера длины, равная 30,48 см

имеет только превосходящую физическую силу. Но я не рожден для принуждения. Я хочу жить на свой собственный лад. Посмотрим, кто сильнее. Разве толпа обладает силой? Она может лишь физически уничтожить меня, того, кто повинуется высшему закону. Она хочет вынудить меня стать подобным ей самой, но я не слышал о Людях, которых толпа заставила бы жить тем или иным образом. И что это за жизнь? Когда я сталкиваюсь с правительством, которое заявляет: «Кошелек или жизнь», почему я должен торопиться отдать ему свои деньги? Может быть, оно в большом затруднении и не знает, что делать, но мне нечем ему помочь. Оно должно учиться само себе помогать, как это делаю я. И не стоит причитать по этому поводу. Я не отвечаю за успешную работу общественного механизма. Я не сын инженера. Ведь понятно, что когда желудь и каштан падают рядом, то ни один не может уступить дорогу другому, но оба, повинуясь собственной природе, пускают корни, растут и расцветают, пока кто-нибудь из них, случайно, не затенит другого. Если растение не может жить в соответствии со своей природой - оно умирает. Точно так же и человек.



УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД

Ночь в тюрьме была для меня делом новым и довольно интересным. Когда я вошел, заключенные, в одних рубашках, наслаждались болтовней и вечерним воздухом у входа. Но тюремщик сказал: «Идите ребята, пора запирать», поэтому они разошлись, и я слышал звук их шагов, когда они возвращались в пустые камеры. Тюремщик представил мне моего сокамерника как «умника и выдающуюся личность». Когда дверь заперли, этот умник показал мне, где повесить шляпу и расположиться. Камеры ежемесячно белили, и наша, хотя и предельно просто меблированная, была, вероятно, самым белоснежным и опрятным помещением в городе. Естественно, что он захотел узнать, откуда я, и что привело меня сюда. Рассказав ему, я, в свою очередь, тоже спросил, как он сюда попал, не сомневаясь, конечно же, в его порядочности и честности, - поскольку у меня все было в порядке, то я верил, что и у него также. «Они почему-то считают, - сказал он, - что я сжег амбар, но я не делал этого». Насколько я мог понять, он, вероятно, уснул пьяным в амбаре и курил там трубку, - вот амбар и сгорел. Здесь у него репутация умного человека, и он уже около трех месяцев ждет суда и готов ждать сколько угодно, так как он – человек легко привыкающий и вполне доволен тем, что живет на всем готовом и с ним хорошо обращаются.

Он устроился у одного окна, а я - у другого, сообразив, что если остаться здесь надолго, то главным моим делом станет смотрение в окно. Скоро я прочел все оставшиеся здесь надписи, узнал о случившихся прежде побегах и о том, как подпиливалась решетка; услышал рассказы о бывших обитателях этой

камеры и обнаружил, что даже здесь есть своя история, сплетни и светская хроника, никогда не выходящие за стены тюрьмы. Вероятно, это единственный дом в городе, где сочиняющиеся стихи передаются из уст в уста, но не печатаются. Мне показали довольно длинный список стихов, сочиненных какими-то молодыми людьми, уличенными в подготовке побега, которые распевали их, вымещая таким образом свою досаду.

Я выкачал из моего сокамерника все, что он знал, боясь, что никогда не увижу его снова, но, в конце концов, он показал мне мою постель и поручил задуть лампу.

Все это напоминало путешествие в далекую страну, несколько неожиданное для меня, - одна ночь в тюрьме. Мне казалось, что никогда прежде я не слышал ни боя городских часов, ни вечерних звуков поселка, ведь мы спали у окна, открытого по эту сторону решетки. Мой родной поселок представился мне в свете средневековья, а наш Конкорд превратился в Рейн, - образы рыцарей и замков проходили передо мной, а голоса, доносившиеся с улицы, принадлежали старым бюргерам. Я был невольным наблюдателем и свидетелем того, что происходило по соседству, в кухне поселковой гостиницы, - это были совершенно новые и необычные для меня впечатления. Это был более проникновенный и пристальный взгляд на мой родной городок. Я был полностью внутри него. Никогда прежде я не видел этих заведений. А это было - одно из особых, ведь городок был центром графства. И я начал понимать, что представляют собой его обитатели.

Утром наш завтрак подали через отверстие в дверях в маленьких прямоугольных жестяных чашках, вставляющихся одна в другую и содержащих **пинту** какао с серым хлебом. Когда забирали посуду, я оказался настолько неопытным, что собирался вернуть оставшийся хлеб, но мой товарищ вовремя перехватил его, сказав, что я должен оставить хлеб для ленча и обеда. Скоро он отправился работать на сенокос в ближайшее поле, куда ходил ежедневно, и должен был вернуться не раньше полудня, поэтому он пожелал мне всего хорошего и сказал, что не думает увидеть меня снова.

Выходя из тюрьмы, - потому что кто-то вмешался и уплатил этот налог, - я и не подозревал, какие огромные изменения произошли в обычном мире: как если бы кто-то расстался с юношей, а встретил его потом уже трясущимся и седым стариком, - правда, изменения в городе, государстве и стране, представившиеся моему взору, были большими, чем производит время. Я более ясно стал все видеть. Например, что люди, среди которых я жил, могут считаться добрыми соседями и друзьями, но дружба их - лишь на один сезон. Еще я увидел, что они не слишком расположены вершить справедливость и что они, со своими предубеждениями и предрассудками, были чуждым мне народом, как китайцы или малайцы. Я увидел, что они легко приносят в жертву гуманность ради собственности и что, кроме всего прочего, они не столь уж и благородны, ибо поступают с вором так же, как и он с ними, но при этом рассчитывают спасти свои души исполнением нескольких внешних ритуалов, молитвами и, иногда, правильным жизненным путем, - правда, в ложном направлении.

Раньше в нашем поселке был такой обычай: когда бедный должник выходил из тюрьмы, его знакомые спрашивали: «Как поживаешь?» и делали пальцами решетку. Мои соседи не приветствовали меня таким образом, но смотрели на меня и друг на друга так, будто я вернулся из долгого путешествия. Кстати, меня забрали в тюрьму, когда я собирался идти к сапожнику, чтобы починить башмаки. Когда же на следующее утро меня выпустили, я поспешил закончить это дело и,

пинта - мера жидкостей и сыпучих веществ в Англии (равна 0,568 л), США (равна 0,473 л)

обув починенные башмаки, присоединился к компании, собравшейся за черникой и ждавшей, когда я их поведу. Уже через полчаса - лошадь быстро оседлали - я был в гуще зарослей черники в двух милях от городка, на одном из самых высоких холмов, откуда можно было увидеть весь штат.

Вот и вся история «Моих темниц»[1].

Я никогда не отказывался платить дорожный налог, потому что я так же жажду быть добрым соседом, как и плохим подданным; и что касается поддержки школ, то я тоже делаю свой вклад в образование моих сограждан. Но я отказываюсь платить подушный налог, потому что в налоговой декларации не указано, на что он идет. Я просто хочу отказать в лояльности государству, отойти и действительно стоять в стороне от его дел. При всем желании, я не могу проследить путь моего доллара до того момента, когда его выплатят наемнику или купят на него мушкет, чтобы застрелить из него кого-нибудь, - доллар анонимен, - но я в состоянии отследить действие своего неповиновения. По сути дела, я по-своему, тихо объявляю войну государству и надеюсь, что это принесет если не преимущество, то хотя бы некоторую пользу.

Если другие платят тот налог, что требуют с меня, из симпатии к государству, то этим они делают больше, чем нужно, ибо они подпитывают несправедливость в большей степени, чем того требует государство. Если они платят налог из-за ошибочного понимания налогообложения, или из-за боязни потерять свою собственность, или из страха перед тюрьмой, то это лишь потому, что не рассудили достаточно мудро, позволив своим чувствам переплестись с общественным мнением.

Такова сейчас моя позиция. Но это не означает, что нужно жестко стоять на своей позиции, - необходимо следить, чтобы действия не определялись упрямством или предвзятым отношением к мнению окружающих. Нужно понять, что следует делать только то, что соответствует человеку и данному моменту.

Я думаю иногда: ведь эти люди тоже хотят добра, они просто невежественны, они поступали бы лучше, если бы знали как, - зачем же причинять боль своим ближним, обращаясь с ними так, как они того не желают? Но между тем я понимаю, что это не причина, чтобы мне поступать так же как они или причинять другим различные страдания. И вновь я говорю себе: когда миллионы людей без всякого умысла, злой воли или какого-либо личного чувства поддерживают законность претензии на несколько ваших шиллингов и не используют возможность, которую дает им конституция, чтобы отменить или изменить это положение, тем самым лишая вас возможности апеллировать к другим миллионам, то почему вы должны уступать этой подавляющей грубой силе? Вы не проявляете неповиновение холоду или голоду, ветру или волнам,

---

1 Здесь имеется в виду книга итальянского поэта-карбонария Сильвио Пеллико (1789-1854) «Мои темницы» (1832).

вы спокойно воспринимаете тысячи подобных естественных обстоятельств. Вы не сунете голову в огонь. Ибо, в сравнении с тем, о чем я говорил, это не является проявлением грубого насилия, это - естественные вещи, и, как человек, которому все это не безразлично и который не относится ко всем этим миллионам людей как к грубым и неодушевленным предметам, я вижу, что необходимо: во-первых, обратиться к Создателю и, во-вторых, - к самим себе. Но уж если я сам сую голову в огонь, то нужно только на себя и обижаться, а не предъявлять претензии огню и Создателю. Если я убежден, что необходимо принимать людей такими, какие они есть, а не в соответствии со своими требованиями и желаниями, то, подобно доброму мусульманину и фаталисту, я должен тогда удовольствоваться тем, что есть, и говорить, что такова воля Божья. Конечно, последствия неповиновения могут быть разные, и я не могу, как **Орфей**, менять природу скал, деревьев и животных.

Я не хочу спорить ни с одним человеком или народом. Я не хочу вдаваться в детали, чтобы проводить тонкие различия или ставить себя выше своих соседей. Я, можно сказать, даже ищу повода, чтобы подчиниться законам страны. Я слишком готов подчиниться им. У меня действительно есть причина подозревать себя в этом. Каждый год при очередной встрече со сборщиком налогов я готов вновь рассмотреть действия и позицию центрального правительства и правительства штата, сам дух народа и найти основания для подчинения.

К отчизне надобно иметь сыновнее почтенье,
И если мне когда-нибудь случится
Священным этим долгом пренебречь,
Пусть это будет только по веленью
Души моей и совести, и веры,
Но не затем, чтоб выгоды искать.

Я верю, что в скором времени государство будет в состоянии принять все мною накопленное, что, впрочем, вряд ли сделает меня большим патриотом на фоне моих соотечественников. С обычной точки зрения большинства, конституция, несмотря на ее огрехи, достаточно хороша, закон и суд весьма почтенны, даже нынешнее американское правительство, как и правительство штата, - замечательные и редкие явления, и за все это следует быть благодарными, но, глядя с несколько более возвышенной точки зрения, они таковы, как я их описал; глядя же с наивысшей позиции, кто может сказать, что они такое, и стоят ли они вообще взгляда и размышления? Однако правительство не слишком занимает меня, и я не буду тратить на него и нескольких мыслей. Лишь в редкие моменты я жил под властью правительства в этом мире. Человек свободомыслящий, с независимыми взглядами и представлениями, не будет долго обольщаться недолженствующим и несущественным, и недалекие правители и реформаторы не смогут фатально повлиять на него.

Я знаю, что большинство людей думает иначе, чем я, но те, чья профессиональная жизнь посвящена изучению подобных или близких к ним предметов, менее всего согласятся со мной. Государственные деятели и законодатели, полностью находясь внутри организации, никогда не смогут четко и ясно увидеть ее. Они говорят о развивающемся обществе, но не оставляют никакого места для развития. Они могут быть людьми известного опыта и проницательности и, несомненно, придумали благородные, хитроумные и даже полезные системы, за которые мы им искренне благодарны, но вся их премудрость и полезность лежит в определенных

Орфей -
в греческой мифологии сын фракийского речного бога Эагра и музы Каллиопы, прославившийся как певец и музыкант, наделённый магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа



АФРОАМЕРИКАНЕЦ, ПЬЮЩИЙ ИЗ ОТДЕЛЬНОГО КУЛЕРА ДЛЯ ВОДЫ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОГО ДЛЯ «ЦВЕТНЫХ».
Фото 1939 г., Оклахома-Сити

и не слишком широких пределах. Они хотели бы забыть, что мир управляется не политикой, а разумной необходимостью. **Уэбстер** непоследователен в отношении правительства и поэтому не может авторитетно говорить о нем. Его слова - мудрость для тех законодателей, которые не в состоянии предпринять серьезных реформ в существующем правительстве, но для людей мыслящих и для тех, кто следует вечным законам, он поверхностен. Я знаю тех, чьи сокровенные и мудрые размышления на эту тему смогли бы быстро проявить пределы и глубину его ума. Однако по сравнению с низким уровнем большинства реформаторов и столь же легковесной мудростью и красноречием вообще всех политиков, его слова являются единственно разумными и ценными, и мы благодарим Небеса за то, что он есть. По сравнению с другими он всегда силен, оригинален и, кроме того, практичен. И все же главное его качество не мудрость, а рассудительность. Истина законников не есть Истина, а только некая логичность или логичная целесообразность. Истина всегда в гармонии с собой и не озабочена установлением справедливости, которая может являть и неправильные действия. Он заслуженно получил имя - Защитник Конституции. Он не наносил ударов, а лишь защищал. Он - последователь, но не лидер. Люди 1787-го года не его идеалы. «Я никогда не делал попыток, - говорит он, - нарушить первоначальное соглашение, по которому различные штаты входят в Союз, и никогда не поощрял их». Но все же, размышляя о санкции, которую Конституция дает рабству, он говорит: «Раз это часть первоначального договора, то пусть она остается». Не обольщаясь его особой интуицией и талантом, необходимо отметить, что он не может рассмотреть явление вне его политической стороны и увидеть его со стороны разума. Или хотя бы рискнуть дать открыто ответ, пусть и невозможный, как частное лицо, например, на такой вопрос: как надлежит сегодня человеку в Америке относиться к рабству? Или на такой: из

Уэбстер (Вебстер) Даниэль (1782-1852) - американский государственный деятель, сенатор от штата Массачусетс, госсекретарь (1841-1843 и 1850-1852), прославившийся как оратор

чего должен быть выведен новый и единственный принцип социального долга? «Способ, - говорит он, - которым правительства штатов, где существует рабство, его регламентируют, руководствуясь ответственностью перед своими избирателями, это: собственное разумение, общие законы собственности, гуманность и справедливость перед лицом Бога. Возникшие где-либо организации, основанные на чувстве человечности, или по другой причине, не должны вмешиваться в это. Они никогда не получали от меня никакой поддержки, да они и не хотят ее».

Те, кто не ведает более чистых источников истины и не может подняться вверх по их течению, придерживаются Библии и Конституции, приникая к ним с благоговением и смирением, но те, кто усмотрел, откуда они струятся в это озеро или в этот пруд, препоясывают свои чресла и совершают паломничество вплоть до истоков.

В Америке не появился еще человек с талантом законодателя. Такие люди редки в мировой истории. Есть тысячи ораторов, политиков и просто красноречивых людей, но еще не заговорил тот, кто способен определить самые больные вопросы современности. Мы любим красноречие ради него самого, а не за ту истину, которую оно может открыть, или за тот героизм, на который оно может вдохновить. Наши законодатели еще не усвоили всей ценности для народа свободной торговли и свободы, согласия и нравственности. У них не достает способностей и таланта для сравнительно простых вопросов налогообложения и финансов, торговли, промышленности и сельского хозяйства. Если бы мы руководствовались только премудрыми речами законодателей из Конгресса без учета повседневного опыта и действенного недовольства народов, Америка не смогла бы сохранить своего места среди других народов. Восемнадцать столетий назад был написан Новый Завет, но - возможно, у меня и нет права судить об этом - где же тот законодатель, у которого хватило бы ума и таланта использовать свет, отбрасываемый этим Заветом на науку законодательства?

Сила правительства - даже такого, которому я с готовностью бы подчинился, такого, которое знает и может действовать лучше, чем я, а уж тем более, такого, которое не слишком хорошо знает и действует, - совершенно недостаточна, если у правительства нет поддержки и согласия управляемых. У него нет никаких прав на мою личность и собственность, кроме тех, которые я ему передам. Развитие от абсолютной монархии к ограниченной и от ограниченной монархии к демократии - это развитие в направлении подлинного уважения к человеку. Китайский философ был очень мудр, считая человека основой империи. Является ли демократия, какой мы ее знаем, последним возможным усовершенствованием формы правления? Разве нельзя сделать еще один шаг к признанию и упорядочению прав человека? Никогда не будет подлинно свободного и просвещенного государства до тех пор, пока оно не начнет признавать личность как высшую и независимую силу, из которой слагается могущество государства. Я с восторгом представляю себе государство, которое обращалось бы справедливо со всеми людьми и относилось бы к личности с уважением, как к ближнему, не беспокоясь, что кто-то живет отдельно от него и не участвует в его делах, в то же время честно выполняя все свои обязанности ближнего и соотечественника. Государство, которое выносит подобный плод и терпеливо дождется его созревания, может приготовить путь для еще более совершенного и удивительного государства, которое я тоже могу вообразить, но, увы, нигде не наблюдаю.

ИСТОЧНИК: Генри Дэвид Торо. О Гражданском неповиновении http://www.krotov.info/library/t/toro_txt.html

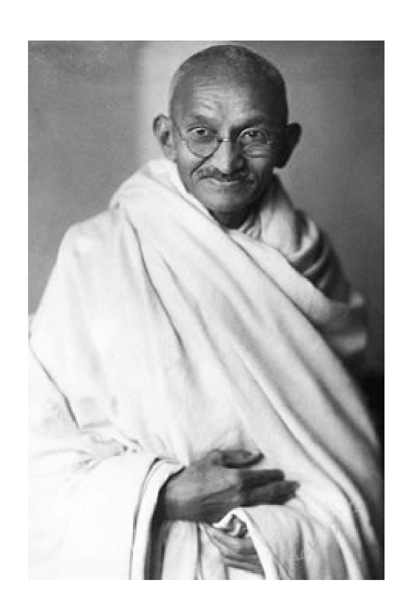
ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА:

1. Торо говорит: «В лучшем случае, правительство всего лишь практически целесообразно, но, к сожалению, большинство правительств, если не все, - нецелесообразны». Почему он так критично относится к правительству?
2. Почему так важен союз между людьми и государством?
3. Почему так важно, чтобы все подчинялись Конституции?
4. Почему, когда власти злоупотребляют полномочиями, наступает хаос?
5. Что произойдет с правительством в стране, где не соблюдают Конституцию?
6. Почему Генри Дэвид Торо полагает, что люди, считающие, что они нуждаются в правительстве, готовы принять несовершенное правительство?
7. Насколько подход Торо отличается от религиозного подхода к справедливости, предложенного во второй главе?
8. Насколько приемлема на практике идея гражданского неповиновения? Имеете ли вы личный опыт подобной практики?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- The American author Henry David Thoreau, http://en.wikipedia.org/wiki/Civil_disobedience
- Essay by Henry David Thoreau, http://en.wikipedia.org/wiki/Civil_Disobedience_(Thoreau)
- Henry David Thoreau, Resistance to Civil Government, www.vcu.edu/engweb/transweb/civil/
- Guide to Resource, www.geocities.com/~freereligion/1thorea.html

МОХАНДАС КАРАМЧАНД ГАНДИ. «ХИНД СВАРАДЖ», ИЛИ ИНДИЙСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ



Мохандас Карамчанд Ганди (1869 - 1948) – политический и духовный лидер Индии, удостоенный титула «Махатма» («Великая душа»). Индийцы считают его отцом нации. Как политический лидер Ганди возглавил движение за независимость Индии методами ненасилия, которая была достигнута в 1947 году. Он был юристом по образованию и боролся за равноправие в Южной Африке и Индии. Его основными работами являются «Наставление о бескорыстных поступках, или Гита по Ганди» (1946), «История моего опыта с правдой» (1929) и «Моральная основа вегетарианства». Ганди был предательски убит 30 января 1948 года.

ГЛАВА VI
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

[…]

ЧИТАТЕЛЬ:...Теперь расскажите мне, пожалуйста, что вы читали и думали об этой цивилизации.

РЕДАКТОР: Давайте прежде всего рассмотрим, какой порядок вещей определяется словом «цивилизация». Ее подлинным критерием является тот факт, что люди, живущие в цивилизованном мире, ставят своей целью в жизни физическое благополучие. Приведем несколько примеров. Европейцы живут сегодня в домах, построенных лучше, чем сотню лет назад. Этот факт символизирует цивилизацию, и он также является средством повышения физического благополучия. Прежде одеждой служили шкуры, а оружием - копья. Теперь носят длинные брюки и различную другую одежду для украшения тела, а вместо копий применяют револьверы с пятью патронами или даже больше. Если народ какой-нибудь страны, где до настоящего времени не было обыкновения носить много платья, ботинки и т. п., перенимает европейскую одежду, то считается, что он вышел из состояния дикости и стал цивилизованным. Прежде в Европе люди пахали землю главным образом вручную. Ныне с помощью парового двигателя один человек может вспахать огромную полосу земли и таким образом накопить большие богатства. Это называют показателем цивилизации. Прежде только немногие писали книги, и притом ценные. Теперь кто угодно пишет и печатает все, что ему угодно, и отравляет умы людей. Прежде люди путешествовали в повозках. Теперь они мчатся в поездах со скоростью четыреста или больше миль в день. Это считается вершиной цивилизации. Установлено, что по мере прогресса человечества люди смогут путешествовать на воздушных кораблях и достигать любой части земного шара за несколько часов. Людям не нужно будет использовать свои руки и ноги. Они нажмут кнопку - и одежда окажется у них под рукой. Они нажмут другую кнопку - и

получат газету, третью - и их будет ждать автомобиль. У них будет разнообразная, искусно сервированная пища. Все будет делаться машинами. Прежде, когда люди сражались друг с другом, они мерялись своей физической силой, теперь же один человек, стреляя из пушки с холма, может лишить жизни тысячи людей. Это цивилизация. Прежде люди работали на открытом воздухе столько, сколько им хотелось. Теперь тысячи рабочих собираются вместе и работают на фабриках и в шахтах, чтобы добыть средства к существованию. Условия их жизни хуже, чем у животных. Рискуя своей жизнью, они вынуждены работать на миллионеров, выполняя самые опасные работы. Прежде люди делались рабами в силу физического принуждения. Теперь их порабощают соблазн денег и роскошь, приобретаемая за деньги. Ныне существуют болезни, о которых люди раньше не имели представления, и целая армия врачей занята поисками средств их лечения, соответственно растет число больниц. Это мерило цивилизации. Прежде требовались специальные посыльные и большие расходы для отправки писем; ныне каждый может оскорбить своего собрата посредством письма, которое обойдется ему в одно пенни. Правда, за ту же цену он может также послать и свою благодарность. Прежде питались два-три раза в день, и пища состояла из домашнего хлеба и овощей; теперь нужна какая-нибудь еда через каждые два часа, так что едва ли остается свободное время на что-нибудь другое. Что мне еще прибавить? Во всем этом вы можете убедиться, прочтя несколько авторитетных книг. Все это подлинные критерии цивилизации. И если кто-нибудь утверждает обратное, знайте, что он невежда. Эта цивилизация не принимает во внимание ни мораль, ни религию. Ее приверженцы спокойно заявляют, что обучение религии не их дело. Некоторые даже считают, что религия - это продукт суеверия. Другие же рядятся в религиозные облачения и болтают о морали. Однако в результате двадцатилетнего опыта я пришел к выводу, что под именем морали часто преподается безнравственность. Даже ребенок поймет, что во всем, что я описал выше, не может быть никаких побуждений к морали. Цивилизация стремится к увеличению комфорта для людей, но, к несчастью, она терпит позорную неудачу даже в этом.

Эта цивилизация - отрицание религии, и она настолько захватила народы Европы, что они кажутся полусумасшедшими. Они утратили настоящую физическую силу и мужество. Они поддерживают свою энергию с помощью опьянения. Они вряд ли могут быть счастливы в одиночестве. Женщины, которые должны быть царицами домашнего очага, бродят по улицам или трудятся как рабыни на фабриках. За жалкие гроши только в одной Англии полмиллиона женщин трудятся в тяжелейших условиях на фабриках и в подобных им заведениях. Этот страшный факт - одна из причин растущего с каждым днем движения **суфражисток**.

Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение. Согласно учению Мухаммеда, ее следует считать сатанинской цивилизацией. **Индуизм** называет ее черным веком. Я не могу дать вам адекватного понятия о ней. Она въедается в жизненно важные органы английской нации. Ее нужно избегать. Парламенты - это настоящие символы рабства. Если вы в достаточной мере подумаете об этом, то у вас составится такое же мнение, и вы перестанете осуждать англичан. Они заслуживают скорее нашего сочувствия. Они - умная нация, и поэтому я верю, что они отбросят зло. Они предприимчивы и трудолюбивы, а их склад мышления не безнравственный от природы. В глубине души они неплохие люди, поэтому я уважаю их. Цивилизация не является неизлечимой болезнью, но никогда не следует забывать, что английский народ в настоящее время ею поражен.

суфражистки - участницы женского движения, возникшего в Англии во второй половине XIX века, за предоставление женщинам избирательных прав

индуизм - господствующая религиозная система в современной Индии, получившая широкое распространение в VI –IV вв. до н.э.



РЕЗНЯ В АМРИТСАРЕ, 1919 г.

ГЛАВА XIII
ЧТО ТАКОЕ ПОДЛИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

ЧИТАТЕЛЬ: Вы осуждаете железные дороги, адвокатов и врачей. Вижу, что вы хотите отвергнуть также все машины. Тогда что же такое цивилизация?

РЕДАКТОР: Ответ на этот вопрос нетруден. Я верю, что цивилизация, которая развилась в Индии, не может пройти бесследно в этом мире. Ничто не может сравниться с семенами, брошенными нашими предками. Рим исчез, Греция разделила ту же судьбу, могущество **фараонов** было сломлено, Япония попала под влияние Запада, о Китае нечего сказать, но Индия, так или иначе, все еще в своей основе здорова. Европейцы учатся по произведениям Греции и Рима - стран, которые лишились теперь своей былой славы. Стремясь учиться у них, европейцы воображают, что они сумеют избежать ошибок Греции и Рима. Их положение плачевно. В то же время Индия остается неизменной, и в этом ее слава. Индию обвиняют в том, что ее народ настолько нецивилизован, невежественен и флегматичен, что невозможно побудить его к каким-либо переменам. В действительности это обвинение направлено против наших достоинств. Мы не осмеливаемся менять то, что мы испытали практикой и нашли истинным. Многие навязывали Индии свои советы, но она остается непоколебимой. В этом ее красота, это ее якорь спасения.

фараон - титул древнеегипетских царей

Цивилизация - это такое поведение, которое указывает человеку путь долга. Исполнение долга и соблюдение морали - взаимозаменяемые понятия. Соблюдать правила морали - значит господствовать над своими мыслями и страстями. Поступая так, мы познаем самих себя. По-гуджаратски слово «цивилизация» означает «хорошее поведение».

Если это определение правильно, как показали очень многие писатели, тогда Индии нечему учиться у кого бы то ни было, и так и должно быть. Мы знаем, что ум - это беспокойное создание; чем больше он получает, тем большего он хочет, и всегда остается неудовлетворенным. Чем больше мы потворствуем нашим страстям, тем более необузданными они становятся. Поэтому наши предки поставили предел потворству слабостям. Они понимали, что счастье - это, главным образом, состояние ума. Не обязательно человек счастлив, когда он богат, или несчастлив, когда он беден. Мы часто видим, что богачи несчастны, а бедняки счастливы. Миллионы людей всегда будут бедными. Видя все это, наши предки отучали нас от роскоши и наслаждений. Мы обходимся таким же плугом, как и тысячи лет назад. У нас такие же хижины, какие были в прежние времена, и наше национальное воспитание остается таким же, как и прежде. В нашем жизненном укладе не было соперничества, которое отравляет существование. Каждый занимался своим делом или ремеслом и получал положенную плату. Дело не в том, что мы не знали, как изобрести машины, но наши предки знали, что если мы будем к этому стремиться, мы станем рабами и утратим наш моральный облик. Поэтому после долгого размышления они решили, что мы должны делать только то, что мы можем сделать нашими руками и ногами. Они понимали, что наше подлинное счастье и здоровье состоит в должном использовании рук и ног. Они рассудили далее, что большие города - это западня и бесполезная обуза и что в них люди не будут счастливы, так как там появятся банды воров и грабителей, будут процветать проституция и пороки, и богачи станут обдирать бедных. Поэтому наших предков удовлетворяли небольшие деревни. Они знали, что сила оружия королей уступает силе нравственности, и поэтому земных монархов они ставили ниже мудрецов и аскетов. Нации с такими качествами более подходит учить других, чем самой учиться у них. У этой нации были суды, адвокаты, врачи, но число их было ограниченно. Каждый знал, что эти профессии не являются чем-то исключительным. Кроме того, эти **вакилы** и **вайдьи** не грабили народ, они считались слугами народа, а не его господами. Правосудие было в достаточной степени беспристрастным. Обычно придерживались правила не обращаться в суды. Не было людей, которые завлекали бы в суды. Это зло, так же как и другие, замечалось только в столичных городах и близ них. Простые люди жили самостоятельно и занимались земледелием. У них было подлинное самоуправление.

[…]

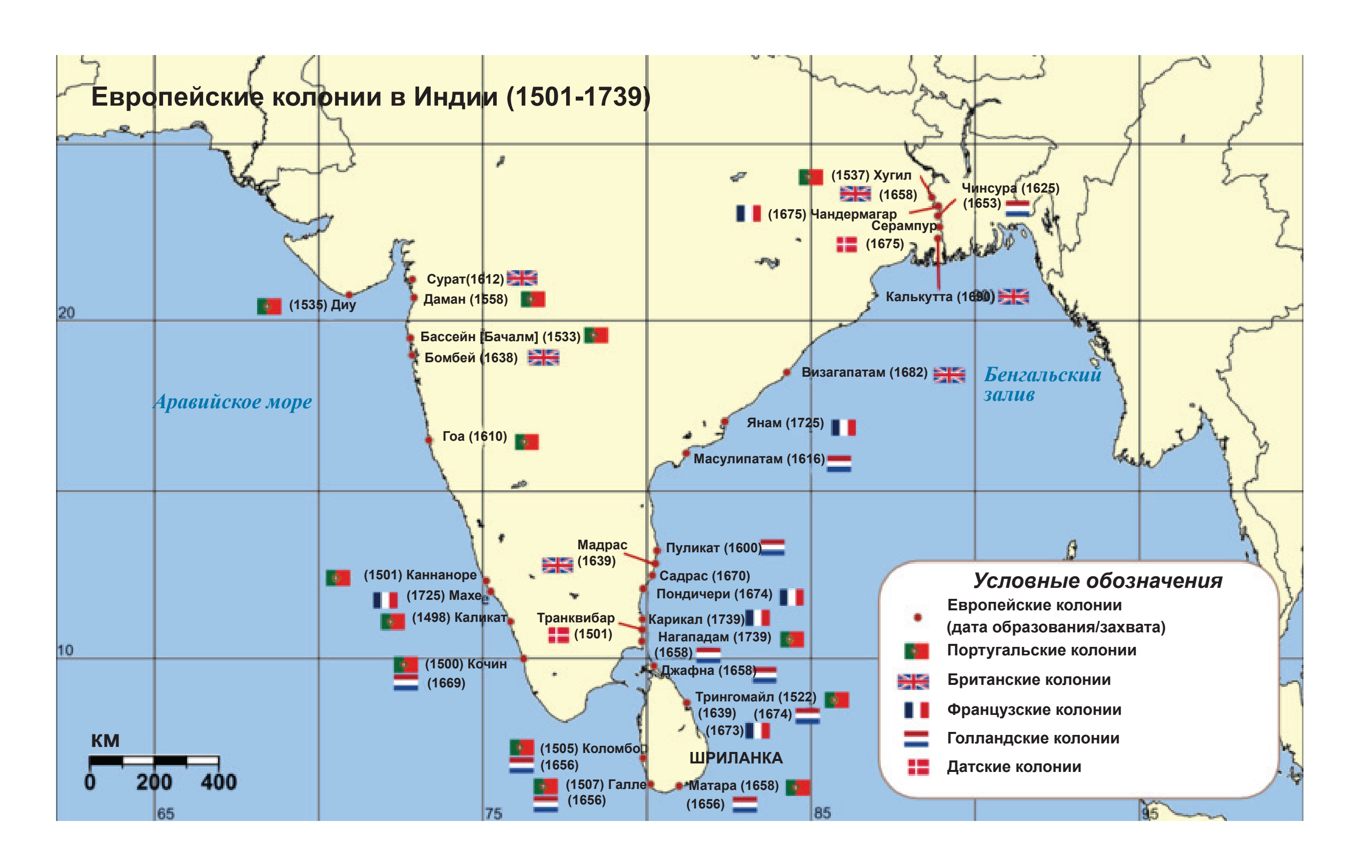
Теперь вы знаете, что я понимаю под настоящей цивилизацией. Те, кто хочет изменить условия, которые я описал, - враги страны и грешники.

ЧИТАТЕЛЬ: Все было бы хорошо, если бы Индия была точно такой, как вы ее описали; но ведь страна, где существуют сотни девочек-вдов, где женят двухлетних детей, где двенадцатилетние девочки становятся матерями и хозяйками, где практикуется многомужие, где в обычае практика **нийоги**, где во имя религии девушки посвящают себя проституции, где во имя религии режут баранов и коз, - это тоже Индия. Считаете ли вы и это символами той цивилизации, которую вы описали?

вакил -
адвокат, поверенный в делах

вайдья -
врач, лечащий методами народной медицины

нийоги -
по законам Ману обычай, принятый в древней Индии: вдове или жене, у которой нет детей от своего мужа, назначается родственник (чаще всего брат мужа), от связи с которым она должна забеременеть и родить ребенка



КАРТА ИНДИИ И ШРИ-ЛАНКИ, НА КОТОРОЙ УКАЗАНЫ МЕСТА ЕВРОПЕЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ПОЯВИВШИХСЯ МЕЖДУ 1501 И 1739 гг.

РЕДАКТОР: Вы ошибаетесь. Указанные вами недостатки и есть недостатки. Никто не принимает их за древнюю цивилизацию. Они сохраняются вопреки ей. Всегда были и будут попытки устранить их. Мы можем использовать новый дух, который в нас возник, для очищения от этих зол. Но то, что я вам описывал как символы современной цивилизации, признается в качестве таковых ее приверженцами. Индийская цивилизация была описана мной так, как ее описывали ее приверженцы. Ни в какой части мира и ни при какой цивилизации люди не достигали совершенства. Индийская цивилизация стремится возвысить нравственное существование, а западная цивилизация - распространить безнравственность. Западная цивилизация безбожна, индийская же основана на вере в бога. Понимая это и веря в это, каждый кто любит Индию, должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди.

ГЛАВА XVII
ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

ЧИТАТЕЛЬ: Есть ли какое-либо историческое свидетельство успеха того, что вы называете силой духа или силой правды? Кажется, нет примера из жизни какого-либо народа, который поднялся бы с помощью силы духа. Я по-прежнему думаю, что злодеи не прекратят творить злодеяния, если не получат физического наказания.

РЕДАКТОР: Поэт **Тулсидас** сказал: «В религии сострадание, или любовь, является корнем, как бы самомнением тела. Поэтому мы, "пока мы живы, не должны отказываться от сострадания". Мне кажется, что это научная истина. Я верю в это настолько, насколько я верю в то, что дважды два четыре. Сила любви - то же самое, что сила духа или правды. У нас есть свидетельства тому, что это происходит на каждом шагу. Если бы не было этой силы, Вселенная исчезла бы. Но вас интересуют исторические свидетельства. Поэтому необходимо знать, что значит история. Эквивалент на языке гуджарати означает: "так случилось". Если это – значение истории, возможно дать полную информацию. Но если история означает деяния королей и императоров, то свидетельств силы духа или пассивного сопротивления в такой истории быть не может. Невозможно рассчитывать найти серебряную руду в руднике, где добывают олово. История, как мы знаем, является летописью войн, которые происходили в мире, и поэтому у англичан есть пословица, что нация, у которой нет истории, т.е. не было войн, - счастливая нация. О том, как сражались короли, как они становились врагами друг другу, как они убивали друг друга, можно найти точную летопись в истории, и если это было бы все, что случилось в мире, то она бы давно закончилась. Если бы история вселенной началась с войн, то сегодня во вселенной не было бы ни одного живого человека. Те люди, против которых велись войны, исчезли, как, например, аборигены Австралии, из которых завоеватели едва ли оставили кого-либо в живых. Заметьте, пожалуйста, что этим аборигенам не надо было обладать даром предвидения, чтобы понимать, что австралийцы разделят такую же судьбу, как и их жертвы. "Те, кто берет меч, от меча и погибнет". У нас есть пословица – профессиональные пловцы найдут могилу под водой.

Тот факт, что так много людей все еще живы в мире, говорит о том, что мир основывается не на силе оружия, а на силе правды или любви. Поэтому самое большое и наиболее неоспоримое свидетельство успеха этой силы можно найти в истине, что, несмотря на войны на Земле, она все еще живет.

Существование тысяч, фактически десятков тысяч, зависит от очень активной работы этой силы. Мелкие ссоры миллионов семей в своей повседневной жизни исчезают перед осуществлением этой силы. Сотни народов живут в мире. История не принимает и не может принять во внимание эту истину. История – это действительно летопись каждого прерывания ровного действия силы любви или духа. Два брата ссорятся; один из них раскаивается, и вновь пробуждается любовь, которая дремала в нем; два брата снова начинают жить в мире; никто не принимает это во внимание. Но если эти два брата через вмешательство адвокатов или по какой-либо другой причине берут в руки оружие или обращаются в суд, что является другой формой проявления грубой силы, то их действия незамедлительно становятся достоянием прессы, они становятся предметом разговоров своих соседей и, вероятно, войдут в историю. А то, что верно для семей и общин, верно и для народа. Нет причины полагать, что существует один закон для семей, а другой - для народа. История тогда является летописью прерывания естественного хода вещей. Сила духа, будучи естественной, не известна в истории.

ЧИТАТЕЛЬ: Согласно тому, что вы говорите, ясно, что примеры такого типа пассивного сопротивления нельзя найти в истории. Необходимо более полно понять это пассивное сопротивление. Было бы лучше, поэтому, если бы вы поподробнее остановились на этом вопросе.

Тулсидас (1532 –1624) - индийский поэт, автор переложения на хинди «Рамаяны»

РЕДАКТОР: Пассивное сопротивление – это метод защитить права личным страданием; оно – противоположно сопротивлению оружием. Когда я отказываюсь делать то, что противоречит моей совести, я использую силу духа. Например, правительство принимает закон, касающийся и меня. Мне он не нравится. Если, используя насилие, я вынуждаю правительство аннулировать закон, я прибегаю к тому, что можно назвать давлением массы. Если я не повинуюсь закону и принимаю взыскание за его нарушение, я использую силу духа. Это предполагает жертвовать собой.

Все признают, что приносить в жертву себя - безгранично более благородный акт, чем жертвовать другими. Более того, если этот тип силы используется в законе, который является несправедливым, страдает только человек, использующий его. Он не заставляет других страдать за свои ошибки. Люди до настоящего времени сотворили много вещей, которые впоследствии оказались неправильными. Ни один человек не может утверждать, что он абсолютно прав или что определенная вещь неправильная потому, что он так считает, но с его стороны это будет неправильно, поскольку это его преднамеренное суждение. По этой причине, он не должен делать того, что, как он знает, будет неправильным, и претерпеть какое бы то ни было последствие. Это ключ к использованию силы духа.

ЧИТАТЕЛЬ: Тогда вы игнорируете законы, это же явная нелояльность. Нас всегда считали законопослушной нацией. Вы, кажется, вышли за пределы даже экстремистов. Говорят, что мы должны повиноваться законам, которые приняли, но если законы плохие, мы должны избавляться от таких законов, даже силой.

РЕДАКТОР: Выхожу ли я, или не выхожу за пределы экстремистов – это не имеет никакого значения ни для кого из нас. Мы просто хотим выяснить, что является правильным, и действовать соответственно. Реальное значение утверждения, что мы – законопослушная нация, заключается в том, что мы являемся пассивными сторонниками сопротивления. Когда нам не нравятся какие-либо законы, мы не разбиваем головы законодателям, а страдаем и не подчиняемся законам. То, что мы должны повиноваться законам, хороши они, или плохи, – новомодное понятие. В былые дни такого не было. Люди игнорируют те законы, которые им не нравятся, и получают наказания за их нарушение. Соблюдать законы, не совместимые с нашей совестью, значит противоречить нашему мужеству. Такое учение противоположно религии и означает рабство. Если правительство попросит, чтобы мы походили голыми, должны ли мы подчиниться? Если бы я был сторонником пассивного сопротивления, я бы ответил, что я не имею никакого отношения к их закону. Но мы так забыли самих себя и стали настолько послушными, что не возражаем против унизительных законов.

Человек, который осознал свою мужественность, который боится только Бога, не будет бояться больше никого. Искусственные законы не обязательно связывают человека. Даже правительство не ожидает от нас ничего подобного. Они не говорят:

“Вы должны сделать так-то и так-то”, но они говорят: “Если вы не сделаете этого, мы накажем вас”. Мы до того низко опустились, что считаем, что наш долг и наша религия - делать то, что предписывает закон. Как только человек осознает, что соблюдать несправедливые законы – это малодушно, ни одна тирания не поработит его. Это – ключ к самоуправлению или домашнему правлению.

Верить в то, что действия большинства связывают меньшинство есть не что иное, как возмутительная вещь. Можно привести множество примеров тому, что действия большинства будут признаны неправильными, а действия меньшинства - правильными. Все реформы берут своё начало в инициативах меньшинства в оппозиции к большинству. Если в банде грабителей знание о том, как грабить, обязательно, должен ли благочестивый человек принять такое обязательство? До тех пор, пока существует предрассудок о том, что люди должны соблюдать несправедливые законы, будет существовать и их рабство. И только один сторонник пассивного сопротивления может устранить этот предрассудок.

Использование грубой силы, использование пороха противоречит пассивному сопротивлению, поскольку это означает, что мы хотим вынудить нашего оппонента силой сделать то, что желаем мы, но не хочет он. И если такое использование силы является оправданным, то, несомненно, это даёт ему право действовать таким же образом по отношению к нам. А так мы никогда не придём к согласию. Мы можем просто вообразить, как та слепая лошадь, двигающаяся по кругу вокруг мельницы, что мы движемся к прогрессу. Те, кто уверен, что они не должны подчиняться законам, которые не совместимы с их совестью, имеют только одно средство – пассивное сопротивление, открытое для них. Любое другое должно привести к катастрофе.

ЧИТАТЕЛЬ: Из всего сказанного вами я делаю вывод, что пассивное сопротивление является великолепным оружием для слабых, но когда человек силён, он может взяться за оружие.

РЕДАКТОР: Это – вопиющая невежественность. Пассивное сопротивление, то есть сила духа, является несравненным качеством. Оно превосходит силу оружия. Как тогда оно может считаться оружием только слабых? Физически сильные люди не ведают мужества, которое необходимо стороннику пассивного сопротивления. Вы верите в то, что трус может когда-либо не повиноваться закону, который ему не нравится? Экстремисты считаются защитниками грубой силы. Почему они тогда говорят о соблюдении законов? Я не обвиняю их. Ничего другого они сказать не могут. Если им удастся вытеснить англичан, а сами они станут правителями, то они захотят, чтобы вы и я подчинялись их законам. И это подходящая вещь для их конституции. Но сторонник пассивного сопротивления скажет, что он не будет соблюдать закон, который противоречит его совести, даже если его поставят перед жерлом пушки и разнесут на куски.

Как вы думаете, где требуется мужество – в том, чтобы разнести на куски других, стоя у пульта управления орудием, или с улыбающимся лицом приблизиться к орудию и быть разнесенным на куски? Кто истинный воин – тот, для которого смерть всегда как закадычный друг, или тот, кто управляет смертью других? Поверьте мне, что человек, лишенный зрелости и мужества, никогда не сможет стать сторонником пассивного сопротивления.

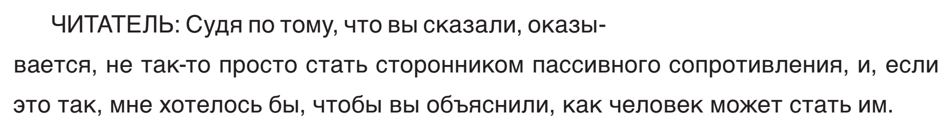
Вот что, однако, я признаю: даже человек слабый телом способен оказать такое сопротивление. Один человек точно так же, как миллионы людей, может оказать его. Это могут быть и мужчины, и женщины. Для этого не требуется армейской подготовки; не требуется владение приёмами джиу-джитсу. Необходим

лишь контроль над разумом; а когда он достигнут, человек свободен, подобно королю леса, и один лишь его взгляд уничтожает врага.

Пассивное сопротивление – это обоюдоострый меч, его можно использовать в любом случае; он благословляет и того, кто использует его, и того, против кого он направлен. Не пролив ни капли крови, он приносит далеко идущие результаты. Он никогда не ржавеет, и его невозможно украсть. Соперничество между сторонниками пассивного сопротивления не исчерпывается. Меч пассивного сопротивления не нуждается в ножнах. Странно, в самом деле, что вы считаете такое оружие оружием слабых...



ВОССТАНИЕ СИПАЕВ 1857 г.



ЧИТАТЕЛЬ: Судя по тому, что вы сказали, оказывается, не так-то просто стать сторонником пассивного сопротивления, и, если это так, мне хотелось бы, чтобы вы объяснили, как человек может стать им.

РЕДАКТОР: Стать пассивным сторонником достаточно легко, но это также одинаково трудно. Я знал парнишку четырнадцати лет, который стал сторонником пассивного сопротивления; я знал также больных людей, ставших сторонниками пассивного сопротивления; и я также знал физически сильных и счастливых людей, не способных принять пассивное сопротивление. Имея огромный опыт, могу сказать: мне кажется, что тот, кто хочет стать сторонником пассивного сопротивления ради служения своей стране, должен вести себя сдержанно, принимать бедность, следовать за правдой и вырабатывать бесстрашие.

Скромность – одна из самых величайших дисциплин, без которой разум не может достигнуть необходимой твердости. Человек, который является нецеломудренным, теряет стойкость, становится изнеженным и трусливым. Тот, чей разум предаётся животным страстям, не способен ни к какому большому усилию...

Так же, как существует необходимость в скромности, существует необходимость и в бедности. Денежные амбиции и пассивное сопротивление не могут существовать вместе. Предполагается, что люди с деньгами не выбросят их, но предполагается, что они будут к ним безразличны. Они должны быть готовы, скорее, потерять всё до единого пенни, чем отказаться от пассивного сопротивления.

В ходе нашей дискуссии пассивное сопротивление рассматривалось как сила правды. Поэтому необходимо всегда следовать правде, при этом любой ценой. В связи с этим возникнут академические вопросы типа, не может ли человек солгать, чтобы спасти свою жизнь? и т.д., но эти вопросы возникают только у тех, кто хочет оправдать ложь. Те, кто хочет следовать правде постоянно, не могут быть поставлены в затруднительное положение; а если и поставлены, то они все равно спасены от ложного положения.

Пассивное сопротивление не может и шагу ступить без бесстрашия. Только те могут следовать дорогой пассивного сопротивления, кто свободен от страха, будь то страх за свое имущество, ложную честь, за своих родственников, правительство, телесные повреждения или страх смерти.

Эти наблюдения не следует оставлять без внимания, считая их трудными. Природа наделила человека способностями справляться с любыми трудностями или испытаниями, которые могут проявиться вроде бы ничем не вызванные. Эти качества стоит иметь даже тем, кто не желает служить своей стране. Пусть не будет ошибки, так как те, кто готовит себя к использованию оружия, также обязаны иметь эти качества в большей или меньшей степени. Не каждый становится воином по желанию. Потенциальный воин должен соблюдать скромность и смириться с бедностью, как с судьбой. Не стоит и думать о воине без бесстрашия. Можно подумать, что он совсем не должен быть правдивым, но это качество всегда сопутствует настоящему бесстрашию. Когда человек отступает от правды, он делает так из-за страха в той или иной форме. Вышеупомянутые четыре качества тогда не должны никого пугать. Здесь можно также отметить, что физически сильный человек должен иметь много других бесполезных качеств, в которых никогда не нуждается сторонник пассивного сопротивления. И вы поймете, что дополнительное усилие, необходимое фехтовальщику, происходит из-за недостатка бесстрашия. Если он – воплощение бесстрашия, меч выпадет из его руки в тот же самый момент. Он не нуждается в его поддержке. Тому, кто свободен от ненависти, не требуется никакого меча. Человек с палкой внезапно сталкивается лицом к лицу со львом и инстинктивно поднимает своё оружие для самозащиты. Человек понимает, что он только болтал о бесстрашии, которого в нём не было. В тот же миг он бросает палку и чувствует себя свободным от всех страхов.

ГЛАВА XX
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧИТАТЕЛЬ: Узнав ваши взгляды, я прихожу к выводу, что вы могли бы создать третью партию. Ведь вы не крайний и не умеренный.

РЕДАКТОР: Это заблуждение. Я совсем не думаю о третьей партии. Мы не думаем ведь все одинаково. Мы не можем сказать, что все умеренные придерживаются одинаковых взглядов. И как те, чья единственная цель - приносить пользу, могут иметь партию? Я мог бы принести пользу и умеренным, и крайним. А в тех случаях, когда я расходился бы с ними, я почтительно изложил бы им свою точку зрения и продолжал бы заниматься своим делом.

ЧИТАТЕЛЬ: Что бы вы тогда сказали обеим партиям?

РЕДАКТОР: Я бы сказал крайним: «Я знаю, что вы хотите для Индии самоуправления. Но тщетно вы будете его просить - так вы его не получите. Каждому придется самому добиваться свараджа. То, что другие могут получить для меня, это не самоуправление, а чужое управление; поэтому было бы неверно, если бы вы сказали, что получили сварадж, просто изгнав англичан. Я уже описал подлинную природу самоуправления. Вы никогда его не достигнете силой оружия. Грубая сила несвойственна Индии. Вам, следовательно, придется положиться целиком на силу духа. Вы не должны думать, что на каком-либо этапе нужна сила для достижения нашей цели».

Умеренным я бы сказал: «Заниматься только подачей **петиций** унизительно; вы тем самым признаете свое подчиненное положение. Сказать, что британское прав-

петиция - коллективное прошение, подаваемое в письменном виде в органы государственной власти, как правило, в высшие

ление необходимо - это почти равносильно отрицанию божественного начала. Мы не можем сказать, что кто-нибудь или что-нибудь, кроме бога, необходимо. Кроме того, здравый смысл должен был бы подсказать: заявлять теперь, что присутствие англичан в Индии необходимо, значит делать их тщеславными.

Если англичане со всеми пожитками покинут Индию, не следует полагать, что Индия потерпит урон. Возможно, что люди, которые вынуждены соблюдать мир под давлением англичан, после их ухода начнут борьбу. Нет смысла сдерживать извержение вулкана, - оно должно произойти. Следовательно, если прежде чем мы сможем жить в мире, нам суждено бороться между собой, лучше, чтобы мы так и поступили. Нет никаких оснований для того, чтобы третья партия защищала слабого. Именно эта так называемая защита расслабила нас. Такая защита может сделать слабого лишь еще слабее. Если мы не поймем этого, у нас не может быть самоуправления. Перефразируя мысль одного английского богослова, скажу, что анархия при самоуправлении лучше, чем упорядоченное правление иностранцев. Только смысл, который ученый богослов придавал самоуправлению, отличен от моего понимания индийского самоуправления. Мы должны знать сами и научить других, что мы не хотим тирании ни английского, ни индийского управления».

Если бы это осуществилось, тогда и крайние, и умеренные могли бы объединиться. Нет никаких причин бояться друг друга или не доверять друг другу.

ЧИТАТЕЛЬ: Что же тогда сказали бы вы англичанам?

РЕДАКТОР: Им бы я почтительно сказал: «Я признаю, что вы мои правители. Нет необходимости обсуждать вопрос, удерживаете ли вы Индию с помощью меча или с моего согласия. У меня нет никаких возражений против того, чтобы вы оставались в моей стране, но хотя вы и правители, вам придется остаться в качестве слуг народа. Не мы должны поступать так, как вы хотите, а вы должны поступать так, как хотим мы. Вы можете сохранить богатства, которые выкачали из нашей страны, но вам не разрешается выкачивать их впредь. Вашей функцией будет, если вы захотите, управление Индией, но вы должны оставить мысль об извлечении из нашей страны коммерческой прибыли. Мы считаем, что цивилизация, которую вы поддерживаете, есть прямая противоположность истинной цивилизации. Мы считаем, что наша цивилизация намного выше вашей. Если вы признаете эту истину, это пойдет вам на пользу, если же нет, то, согласно вашей же пословице, вам следовало бы вести в нашей стране такой же образ жизни, какой ведем мы.[1] Вы не должны делать ничего такого, что противоречит нашим религиям. Ваш долг как правителей заключается в том, чтобы воздерживаться от употребления говядины ради индусов и избегать употребления бекона и ветчины ради мусульман. До сих пор мы ничего не говорили,

1 Имеется в виду пословица: «Находясь в Риме, поступай так, как поступают римляне».

потому что были запуганы, но вы не должны думать, что вы своим поведением не оскорбляете наших чувств. Мы выражаем наши чувства не из низменных эгоистических интересов или страха, а потому что наш долг сейчас - говорить смело. Мы считаем ваши школы и суды бесполезными. Мы хотим, чтобы были восстановлены наши старинные школы и суды. Общий язык для Индии - хинди, а не английский. Следовательно, вы должны изучать его. Мы можем общаться с вами только на нашем национальном языке.

Для нас непереносима мысль, что вы тратите деньги на железные дороги и армию. У вас нет никаких оснований поступать так. Вы, может быть, боитесь России, но мы не боимся ее. Если она придет, мы за ней присмотрим. Если вы будете с нами, мы сможем принять ее совместно. Мы не нуждаемся в европейских тканях. Мы обойдемся товарами, изготовленными дома. Вы не можете одним глазом присматривать за Манчестером, а другим за Индией. Мы можем работать совместно только в том случае, если наши интересы сходятся.

Мы высказали вам все это без высокомерия. У вас огромные военные ресурсы. Мощь вашего флота несравненна. Если бы мы хотели бороться с вами вашим собственным оружием, мы не были бы в состоянии сделать это, но если почтительно изложенное выше для вас неприемлемо, мы перестанем играть роль управляемых. Вы можете, если хотите, изрезать нас на куски. Вы можете разорвать нас в клочья, привязав к жерлам пушек. Но если вы будете действовать вопреки нашей воле, мы не станем вам помогать, а без нашей помощи, мы знаем, вы не сумеете сделать ни шагу.

Вероятно, опьяненные своей властью, вы посмеетесь над всем этим. Возможно, мы не сможем сразу вас разуверить, но если у нас сохранится хоть сколько-нибудь мужества, вы скоро увидите, что ваше опьянение губительно и что ваши насмешки на наш счет - это помрачение ума. Мы верим, что в глубине души вы принадлежите к религиозной нации. Мы живем в стране, которая стала родником религий. Не стоит говорить о том, как мы оказались вместе, но мы могли бы извлечь взаимную пользу из наших отношений.

Вы, англичане, пришедшие в Индию, не лучшие образцы английской нации; так же и мы, почти наполовину англизированные индийцы, мы не можем рассматриваться как лучшие образцы подлинно индийской нации. Если бы английский народ знал все, что вы сделали, он бы высказался против многих ваших действий. Массы индийцев мало общались с вами. Если вы оставите вашу так называемую цивилизацию и обратитесь к вашим собственным священным книгам, вы обнаружите, что наши требования справедливы. Вы можете остаться в Индии только при условии, что вы полностью удовлетворите наши требования, и, если вы останетесь на этих условиях, мы научимся кое-чему от вас, а вы многому научитесь от нас. Поступая так, мы принесем пользу друг другу и всему миру. Но это случится только в том случае, если корнями наши отношения будут уходить в религиозную почву».

ЧИТАТЕЛЬ: Что вы можете сказать тем из нас, кто подвергся воздействию европейской цивилизации и кто ратует за автономию [?]

РЕДАКТОР: Я бы им сказал следующее: «Лишь индийцы, полные истинной любви, смогут разговаривать с англичанами в момент вышеупомянутого воздействия без страха, и только тех индусов можно считать полными любви, которые вполне осознанно считают, что индийская цивилизация является лучшей, а европейская – лишь нечто кратковременное. Подобные **эфемерные** цивилизации часто зарождались и исчезали, так будет продолжаться и в будущем. Только тех

эфемерный (< гр.ephemeros однодневный) **-** мимолетный, скоропреходящий; призрачный, нереальный

из нас можно считать наполненными любовью, которые, однажды испытав силу собственной духовной энергии, не дрогнут перед грубой силой и ни при каких обстоятельствах не пожелают применить насилие. Только тех из нас можно считать наполненными любовью, которых совершенно не устраивают нынешние плачевные условия, после того как чаша с ядом была испита сполна.

Если будет хоть один такой индус, он будет говорить с англичанами так, как я сказал выше, тогда англичанам придется его выслушать.

Это не требования, эти слова показывают наши умонастроения. Мы ничего не добьемся, если будем просить; мы должны взять то, что хотим, а для этого нам понадобится сила…»

ЧИТАТЕЛЬ: Это воззвание касается многих. Когда все смогут его выполнить?

РЕДАКТОР: Вы ошибаетесь. Вы и я не имеем ничего общего с другими. Пусть каждый выполнит свой долг. Если я выполню свой долг, то есть буду служить себе, я смогу послужить другим. Прежде чем я покину вас, позволю себе повториться:

1. Истинная автономия – это самоуправление или самоконтроль.
2. Добиться ее можно посредством пассивного сопротивления, т.е. при помощи духовной силы или силы любви.
3. Для применения этой силы нужно использовать свадеши (движение за бойкот английских товаров с целью поощрения развития отечественной промышленности) во всех сферах.
4. То, что мы хотим делать, необходимо делать не потому, что мы протестуем против англичан или отвечаем им тем же, а потому что это наш долг. Таким образом, допустим, что англичане отменят налог на соль, восстановят нашу валюту, отдадут высочайшие посты индусам, выведут английские войска, мы, конечно же, не будем использовать их товары, произведенные машинами, не будем говорить на английском языке и употреблять плоды их цивилизации. Стоит отметить, что эти вещи по своей природе вредны, и мы не хотим их. Я не испытываю враждебности по отношению к англичанам, но я настроен враждебно по отношению к их цивилизации.

   На мой взгляд, мы использовали термин «сварадж» (движение за получение самоуправления в Индии), не понимая при этом его истинного значения. Я постарался дать ему свое объяснение, и моя совесть служит доказательством тому, что моя жизнь отныне посвящена достижению этой цели.

ИСТОЧНИК: Ганди, Мохандас Карамчад. ХИНД СВАРАДЖ, или ИНДИЙСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. http://www.teena.org.il/index.php?a=st&id=650&rid=26

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА:

1. Как Ганди в начале текста объясняет термин «цивилизация»? Почему для него так важно понять значение цивилизации? Почему он говорит, что Запад – это травмированная модель цивилизации?
2. Согласны ли вы с утверждением Ганди, что религия и верование лежат в основе цивилизаций?
3. Ганди сравнивает понятие «цивилизация» с «хорошим поведением». А каково ваше мнение? Почему да? Почему нет?
4. Что такое счастье, с точки зрения Ганди, и как он подходит к значению счастья?
5. Что вы думаете о «пассивном сопротивлении» в том виде, как оно описано Ганди?
6. Что такое «автономия»? Можете ли вы объяснить утверждение: «Автономия – это самоуправление или самоконтроль»? Возможно ли создать сильное правительство посредством самоконтроля?
7. Сравните идеи Ганди со взглядом Торо: что их объединяет и что различает?
8. Почему Торо в своей критике демократии не делает обобщения о Западе как о травмированной модели цивилизации (как это делает Ганди)?
9. Что такое цивилизованность? Включает ли понятие цивилизованности понятие справедливости? Всегда ли?
10. Насколько понятие и чувство справедливости зависят от географического, исторического или культурного контекста? Думаете ли вы, что существуют какие-то абсолютные, вечные параметры справедливости?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Hind Swaraj Mohandas K. Gandhi, www.forget-me.net/en/Gandhi/hind-swaraj.pdf
- Gandhi, History and Politics, www.amazon.com/Hind-Swaraj-Indian-Home-Rule/dp/8172290713
- Gandhi: Indian Home Rule, www.wsu.edu:8080/~wldciv/world_civ_reader/world_civ_reader_2/gandhi.html

СОДЖОРНЕР ТРУТ. РАЗВЕ Я НЕ ЖЕНЩИНА?*

Соджорнер Трут (1797-1883) - псевдоним Изабеллы Баумфри, американской аболиционистки и рабыни, ставшей известной после своей речи «Разве я не женщина?», произнесенной на съезде борцов за права женщин в Огайо в 1851 году. В 1850 году она написала свою автобиографию «Рассказ Соджорнер Трут – рабыни с Севера» и опубликовала ее неофициально.



Вот что я вам скажу, ребятки. Там, где возникает столько суматохи, что-то, должно быть, идет не так. Я так думаю, что если черные на Юге и женщины на Севере заговорили о своих правах, то скоро белых мужчин загонят в угол. Но о чем здесь все говорят?

Вон тот мужчина говорит, что женщинам надо помогать садиться в экипаж, переносить их через канавы и уступать им самое лучшее. В моей жизни мне никто не помогал сесть в экипаж, меня не переносили через лужи и не уступали мне самого лучшего. Но разве я не женщина? Посмотрите на меня! Гляньте на мои руки! Я пахала и сеяла, собирала урожай, и ни один мужчина не мог меня обогнать. И кто может сказать, что я не женщина? Я могу работать и есть наравне с мужчинами. И порку терплю наравне с ними! И что, я не женщина? Я родила тринадцать детей, и почти всех их продали в рабство на моих глазах! И когда я проливала материнские слезы, никто, кроме Иисуса, не услышал меня! Разве я не женщина?

Они тут говорили о том, что у нас в голове. Как там это называлось? (Кто-то из аудитории шепчет: "Интеллект"). Ну да, ну да! И какое это имеет отношение к правам женщин или правам черных? И если у меня в чашке налито на донышке, а у тебя налито до краев, разве не будет благородно с твоей стороны наполнить мою чашку до середины?

Вон тот человек, в черном, говорит, что женщины не могут иметь права наравне с мужчинами, потому что Христос не был женщиной! Но как на свет появился Христос? Отвечайте! Как на свете появился Христос? Он появился от Бога и женщины! А мужчина к этому не имел вообще никакого отношения.

Если первая женщина, созданная Господом, была достаточно сильной, чтобы в одиночку перевернуть мир с ног на голову, то уж все женщины вместе должны суметь поставить наш мир обратно на ноги! И они просят позволить им сделать это. Уж лучше бы мужчинам согласиться.

Спасибо, что выслушали. Старой Соджорнер больше нечего сказать.

ИСТОЧНИК: http://en.wikipedia.org/wiki/Sojourner_Truth#.22Ain.27t_I_a_Woman.3F.22
Перевод ПАХЧ - УЦА.



**ВЫСЕЧЕННЫЙ РАБ.
Батон-Руж. Луизиана
2 апреля 1863 г.**

* Речь была произнесена на диалекте 19 века и потому позже подверглась исправлениям. Существует несколько ее версий. И это одна из них.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Кто был обеспокоен, когда чернокожие и женщины заговорили о своих правах в Америке? Почему автор считает, что эти люди были обеспокоены?
2. Что означает название речи “Разве я не женщина?” Почему Соджорнер Трут поднимает вопрос о гендере?
3. Какое отношение существует между интеллектом и правами человека? Необходим ли людям интеллект, знания и образование, чтобы бороться за свои права и социальную справедливость?
4. Как используется религия для оправдания бесправия женщин? Как Соджорнер Трут использует религию для опровержения этой теории?
5. Насколько сильна авторская позиция, по вашему мнению? Аргументируйте свой ответ.

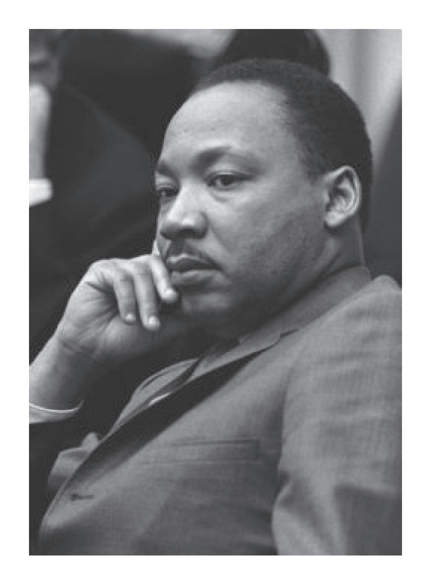
ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Когда американские женщины обрели равные права? Когда чернокожие обрели равные права?
2. Есть ли еще в мире те, кто не имеет равных прав? Можете ли вы их назвать? В каких странах они живут?
3. Как свобода слова и ненасильственный протест влияют на людей? Когда кто-то прибегает к ненасилию, требуется ли ему больше времени для достижения целей?
4. Должны ли вы отказаться от участия в собственной деградации? Почему да? Почему нет?
5. Имеются ли в вашей стране случаи, когда голос женщин не слышен, когда им запрещено говорить или принимать решения за самих себя?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Women in Christian Tradition, Sojourner Truth, www.amhistory.about.com/library/blsojourner_truth_womanspeech.htm
- Sojourner Truth, Ain’t I a Woman? www.kyphilom.com/www/truth.html -
- Sojourner Truth, en.wikipedia.org/wiki/Sojourner_Truth
- Sojourner Truth’s biography, www.lkwdpl.org/wihohio/trut-soj.htm

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ. ЕСТЬ У МЕНЯ МЕЧТА...*



Мартин Лютер Кинг родился 15 января 1929 года в городе Атланта (штат Джорджия, США). Его прадед и более далекие предки были рабами и получили фамилию своих белых хозяев. Мартину Лютеру рано пришлось столкнуться с расовой нетерпимостью, как и его отцу, который принимал участие в борьбе за то, чтобы негритянским учителям платили столько же, сколько и белым. В 1955 году он получил диплом и степень доктора философии в Бостонском университете, и по настоянию родителей Кинг стал священником. В мае 1954 года Верховный суд США принял решение о запрещении расовой сегрегации в общественных школах. Алабамский священник, Мартин Лютер Кинг, за короткий срок стал выразителем чаяний миллионов негров, символом борьбы с расовым гнетом, человеком, которого называли «совестью Америки». Он был убит расистом 4 апреля 1968 года.

Столетие назад Авраам Линкольн — великий американец, тень памятника которому символически осеняет нас сейчас, подписал Прокламацию об освобождении. Этот знаменательный документ стал лучом надежды для миллионов негров-рабов, задыхающихся под бременем иссушающей и опаляющей несправедливости. Он пришел, как радостный рассвет после долгой ночи рабства.

Но сейчас, сто лет спустя, мы оказались перед лицом того трагического факта, что негритянский народ все еще лишен свободы. Сто лет спустя жизнь негров все еще окутана цепями **сегрегации** и **дискриминации**. Сто лет спустя негры все еще обитают на острове нищеты в окружающем его океане процветания. Сто лет спустя негр все еще прозябает на самом дне американского общества и чувствует себя изгнанником в своей собственной стране. Вот почему мы пришли сюда сегодня, чтобы привлечь внимание к этому ужасному положению.

В каком-то смысле мы собрались в столице нашей страны, чтобы предъявить к оплате наш чек. Когда основатели нашего государства начертали величественные слова Конституции и Декларации независимости, они выдали народу своего рода чек, на который имел право каждый американец. Это было обязательство, гарантирующее людям неотъемлемое право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Сегодня всем ясно, что Америка нарушила свои обязательства, по крайней мере в отношении своих цветных граждан. Вместо того чтобы честно соблюдать это священное обязательство, она выдала негритянскому народу фальшивый чек, который был возвращен ему с пометкой «недостаточно гарантирован». Но мы отказываемся признать, что банк справедливости в нашей стране потерпел бан-

сегрегация (лат.segregatio отделение) **-** форма расовой дискриминации, заключающаяся в ограничении в правах на основании цвета кожи или национальной принадлежности; отделение «цветного» населения от белых: запрещение жить в одних домах или районах с белыми, посещать театры, рестораны, где бывают белые, и т.д.

дискриминация (лат. discriminatio различение) **-** ограничение в правах, лишение равноправного положения какого-либо государства или группы населения

* I have a dream... Речь, произнесённая М. Л. Кингом на митинге в Вашингтоне 28 августа 1963 г. (The day they marched. Chicago, 1963, p. 83—87).

кротство. Мы отказываемся верить в то, что огромные возможности, имеющиеся у нашей страны, исчерпаны. Поэтому мы пришли предъявить к оплате этот чек, который по нашему требованию должен обеспечить нам свободу, безопасность и справедливость.

Мы пришли на это священное место также и для того, чтобы напомнить Америке о крайней неотложности проблемы. Мы больше не можем позволить себе роскошь ограничиваться пилюлями **градуализма**. Настало время реально осуществить обещанную демократию. Настало время выйти из темного ущелья сегрегации на залитую солнцем дорогу расовой справедливости.

Было бы фатальным для страны недооценить неотложность этой задачи и решимость негритянского народа. Жаркое лето законного недовольства негров будет длиться до тех пор, пока на смену ему не придет вдохновляющая осень свободы и равенства. 1963 год — это начало, а не конец. Тех, кто рассчитывает, что неграм достаточно лишь «выпустить пар», а затем они успокоятся и страна сможет вернуться к своим обычным делам, ждет неприятное пробуждение. Америка не будет знать ни покоя, ни отдыха до тех пор, пока негры не получат прав гражданства. Вихри волнений будут раскачивать устои нашей страны до тех пор, пока не настанет светлый день справедливости.

Но я должен сказать кое-что и своему народу, приблизившемуся к порогу царства справедливости. В борьбе за завоевание причитающегося нам по праву положения мы не должны оказаться виновными в каких-либо дурных поступках.

Мы не должны утолять свою жажду свободы из чаши горечи и ненависти. Мы всегда должны вести борьбу с высоким чувством достоинства и дисциплины. Наш активный протест не должен опускаться до физического насилия. На грубую физическую силу мы снова и снова должны отвечать величием своего духа. Поразительное боевое настроение, охватившее негритянский народ, не должно обернуться недоверием ко всем белым людям, так как многие из наших белых братьев — и об этом свидетельствует их присутствие здесь сегодня — пришли к пониманию того, что их судьба связана с нашей судьбой, а их свобода является неразрывной частью нашей свободы. Мы не можем шагать в одиночестве.

И пока мы шагаем, мы должны дать клятву, что будем идти вперед. Мы не можем повернуть назад. Находятся люди, которые спрашивают борцов за гражданские права: «Когда же вы будете удовлетворены?» Мы не будем удовлетворены до тех пор, пока негры остаются жертвами не поддающихся описанию жестокостей полиции. Мы не будем удовлетворены до тех пор, пока наши падающие от усталости братья не смогут получить пристанище в дорожных мотелях и городских отелях. Мы не будем удовлетворены до тех пор, пока любой переезд негритянской семьи будет просто переездом из меньшего **гетто** в большее. Мы не будем удовлетворены до тех пор, пока негр в Миссисипи не может голосовать, а негр в Нью-Йорке сознает, что ему не за кого голосовать. Нет, мы не удовлетворены и не будем удовлетворены до тех пор, пока справедливость и право не смоют, подобно мощному потоку, все преграды на своем пути.

Я не забываю о том, что многие из вас оказались здесь после суровых испытаний и горестей. Некоторые из вас только что вырвались из мрачных тюремных камер; другие прибыли из районов, где за стремление к свободе на них обрушилась буря преследований и полицейских жестокостей. Вы оказались жертвами расистского террора. Продолжайте свое дело с верой в то, что незаслуженные страдания принесут свои плоды.

градуализм (< англ. gradual постепенный) **-**
политика постепенных мелких реформ и уступок, проводимая в отношении американских негров правящими кругами США

гетто -
городские кварталы в некоторых современных странах, отведенные для принудительного поселения людей определенной расы, нации, религии

Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Южную Каролину, в Джорджию и Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто северных городов, зная, что нынешнее положение может и должно быть изменено. И пусть мы никогда больше не погрузимся в бездну отчаяния.

Сегодня я говорю вам, друзья мои, что, несмотря на все лишения и трудности, у меня все еще есть мечта, и она неотделима от мечты всей Америки.

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день наша страна возвысится, чтобы жить в полном соответствии с принципами нашего **кредо**: «...Все люди сотворены равными».

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день на чудесных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть рядом за стол братства.

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день даже изнемогающий от притеснений и несправедливости штат Миссисипи превратится в **оазис** свободы и справедливости.

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день мои четверо маленьких детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету кожи, а по цельности их натуры.

Есть у меня мечта...

Я мечтаю о том, что в один прекрасный день штат Алабама, губернатор которого цедит сегодня сквозь зубы слова о «вмешательстве и уничтожении», превратится в место, где черные девочки и мальчики смогут взять за руки белых девочек и мальчиков и гулять вместе как братья и сестры.

Есть у меня мечта...

...И если Америка должна быть великой страной, эта мечта должна стать явью. Так пусть же гимн свободе зазвучит с холмов Нью-Гемпшира. Пусть звучит он с холмов и возвышенностей Нью-Йорка и Пенсильвании! Пусть звучит он со снежных скал Колорадо и причудливых пиков Калифорнии!

Но не только оттуда: пусть звучит он и со скалистых гор Джорджии!

Пусть звучит он с каждого холма и с каждой дамбы Миссисипи! С каждого бугра и возвышенности пусть звучит гимн свободе...

кредо (лат. credo - верю, верую) **-**
чьи-либо твердые убеждения, взгляды, основы мировоззрения

оазис -
в переносном значении: место, явление или событие, представляющее собой отрадное исключение

ИСТОЧНИК: Мартин Лютер Кинг. Есть у меня мечта. Избранные труды и выступления. - М.: Наука, 1970.- С 78-81.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Каковы причины неравенства среди людей? Как мы можем объяснить мысль Мартина Лютера Кинга: «... Сто лет спустя мы оказались перед лицом того трагического факта, что негритянский народ все еще лишен свободы».

2. Почему так важен цвет кожи? Каковы причины сегрегации?
3. Что люди должны делать для усиления должной работы Конституции и Декларации? Чувствуете ли вы важность политической культуры в вашем обществе? Присутствует ли в нашем обществе сегрегация по отношению к различным меньшинствам, проживающим в наших странах?
4. Было ли движение за гражданские права призывом к религиозной или социальной справедливости, основанной на демократических ценностях? Когда сочетаются политические и религиозные ценности? Или они никогда не сочетаются?
5. Как вы определяете понятие «патриотизм»? Основан ли он на солидарности с вашим сообществом или со всеми сообществами вашей страны? Противоречат ли они иногда?
6. Почему речь Мартина Лютера Кинга «Есть у меня мечта» так сильна и убедительна? Как она изменила жизнь американцев? Что мы можем извлечь из этой речи для нашего местного контекста? Какова роль отдельных личностей в реализации справедливости, мира, свободы и других ценностей? Встречались ли в вашей истории подобные заявления?
7. Какие сходства и различия существуют в подходах (учениях) к вопросу о справедливости, представленных в этой главе? Чем отличается призыв к справедливости в современном мире от призыва к справедливости в древности?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- American Rhetoric: Martin Luther King, www.americanrhetoric.com/speeches/mlkihaveadream.htm
- The I have a Dream Speech, www.usconstitution.net/dream.html
- Martin Luther King, I have a Dream, www.en.wikipedia.org/wiki/I_Have_a_Dream
- USA. Martin Luther King: I have a Dream www.odur.let.rug.nl/~usa/D/1951-1975/mlk/dream.htm
- Martin Luther King, www.en.wikipedia.org/wiki/Martin_Luther_King
- Biography and Works, www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/1964/king-bio.html
- Research and Education, www.stanford.edu/group/King/

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

В этой главе вниманию читателя предлагаются как художественные, так и документальные литературные произведения, рассматривающие вопрос поиска социальной справедливости. Достижима ли она? Если да, то до какой степени? Может ли человечество вообще достичь справедливости, свободы и счастья? Эти тексты также рассказывают о препятствиях и сложностях на пути к социальной справедливости, о росте сопротивления, революции и терроре.

Первый текст, написанный в жанре мемуаров, повествует о важности соблюдения практики восстановления справедливости среди царей, императоров, офицеров, солдат и обычных людей. Текст также повествует о том, как все перечисленные лица могут соблюдать религиозные законы, порядок, установленный правителями, и законы, обеспечивающие достойное правление и процветание общества. По мнению автора, лишь строгое следование закону может уберечь общество и его членов от хаоса, несчастья, несправедливости. Все люди, независимо от этнической принадлежности, вероисповедания, социального статуса и политического положения, должны уважать закон.

Третий текст представляет собой отрывок из художественного произведения. Он вызывает серьёзные сомнения относительно лидерства, независимого действия и даже возможности свободной воли. Читатели должны внимательно рассмотреть две концепции: «случай» и «гений». Происходит ли что-либо в мире случайно? Или же, как утверждает автор, случай – это только оправдание нашей неспособности увидеть причинную связь между событиями? Так же и гениальность может быть просто оправданием нашей неспособности определить силу, порождающую результат, выходящий за рамки наших способностей. Заставляет ли наша неспособность предсказывать события и результаты с пиететом относиться к случаю и гениальности? Тогда что мы можем сказать о лидерстве и искусстве управлять государством? Являются ли они «излишними», как утверждает автор текста?

Последнее произведение, представленное в этой главе, это открытое письмо президенту Франции, опубликованное в известной газете. В нем рассматривается быстрый рост антисемитизма в общественной жизни и правительственных кругах Франции. Читатель должен серьезно рассмотреть идеи национализма и патриотизма. Всегда ли эти две концепции приводят к нарушениям прав национальных меньшинств? Всегда ли национальным меньшинствам приписываются предательские намерения? Как общества могут преодолеть это зло? Смогли ли общества преодолеть тенденцию отношения к национальным меньшинствам как к непатриотичным, чужеродным смутьянам? Что может сделать государство для защиты национальных меньшинств в своей стране? Как государство может убедить большинство принять меньшинство на равных? От каких отношений, догм и привычек необходимо будет отказаться большинству для принятия, уважения и включения меньшинства в качестве равноправных граждан своей страны?



ФИРМАН ЗАХИР-АД-ДИНА МУХАММЕДА БАБУРА

Захир-ад-дин Мухаммед Бабур (1483-1530) — центральноазиатский и индийский правитель, полководец, основатель государства Великих Моголов (1526) в Индии. Известен также как поэт и писатель. Бабур является прямым потомком амира Тимура (Тамерлана). Главный труд Бабура — автобиография «Бабур-наме» («Записки Бабура»).

(**Фирман** Бабура)

Воздадим хвалу Всепрощающему за то, что считает своими покаявшихся и очищает их от прегрешений, и обратимся с благодарением к Тому, кто указывает верный путь грешникам и дарует свою милость тем, кто просит его благословения, воздадим хвалу наилучшему из созданий, Мухаммеду, и его семье непорочной, и его друзьям непорочным, и да будет благословенным зеркальный разум понимающих людей, в разуме которых дела сего мира видны в их истинном свете и которые являются сокровищницами жемчужин, украшающих истину и правые дела, и которые воспринимают цифры блистательных сокровищ истины – человек так уж устроен в силу способа своего создания, что подвержен стремлению к получению наслаждения от мирских страстей, хотя отказ от подобных страстей неразрывно связан с Божьей милостью и божественной помощью. Человеческие страсти недалеки от пагубных желаний; и я чувствую, что мой разум – не непорочен, он меня влечет к порокам. И это воздержание от дурных поступков – благо, которое невозможно получить без милости самого милостивого Господина. Но Бог милостив, и он дарует это благо каждому, кто попросит об этом. И Бог – источник всемогущей доброты. Целью написания этих строк и изложения этой истины стало то, что в силу слабости человеческой природы, обыкновения королей, соблазнов королевской власти, традиций в кругах, имеющих ранги, как среди королей, так и военных, во времена ранней юности многие запрещенные поступки и незаконные деяния совершались из упрямства, а несколько дней спустя приходило раскаяние и сожаление, эти запрещаемые действия затем отвергались, а дверь перед подобными преступными грехами захлопывалась благодаря искреннему раскаянию. Но отказ от вина, являющийся самым непреложным отречением и самым важным из всех решений на пути исправления, остался сокрытым за завесой, так как каждое деяние имеет свое время; и оно не показывало себя ничем до тех пор, пока в этот благословенный и благоприятный час, когда изо всех сил, и скрепленные обязательствами священной войны, мы приступили, так же как и армии, чье знамя – Вера, к войне с безбожием, услышав тайное боговдохновение и предупреждения голоса, который не может ошибаться – благословенную Весть Всемогущего, или тех, кто получил веру и чьи сердца испытывают страх при упоминании Господа; чтобы уничтожить корни греха, со всей силой мы стучали в дверь раскаяния в прегрешениях, руководствуясь высказыванием: «Да откроется дверь перед тем, кто

фирман - в некоторых мусульманских странах - указ султана, шаха и т.п.

стучится в дверь настойчиво», – и открылась дверь Его милосердия, и направили мы эту священную войну для того, чтобы начать Великую Войну, войну против наших порочных страстей. Одним словом, после того, как со всей правдивостью и искренностью мы сказали: «О мой Создатель! Мы подчинили себе свои страсти, удержи нас на твоей стороне», так как я написал на дощечках моего сердца, что теперь, впервые, я на самом деле стал мусульманином, я обнародовал свое стремление отказаться от вина, что раньше скрывалось в глубине моего сердца. И его слуги, украшенные победой, повинуясь наказам, которые приводят к благословению, во славу религии разбили о почву презрения и разрушения на мелкие кусочки кубки и чаши, и все сосуды из серебра и золота, которые напоминают своим количеством и великолепием звезды величественного неба, которые были украшениями собрания пороков, и были словно идолы, которых, с Божьей помощью, мы быстро разобьем на кусочки; а каждый фрагмент был брошен нуждающемуся или безнадежному. По благословению данного покаяния, которое приближает к отпущению грехов, многие из тех, кто присутствовал на этой встрече, так как, согласно обычаям, придворные следуют обычаям и манере поведения принца, возвысились благодаря торжеству покаяния и полностью отвергли употребление крепких напитков; и все еще толпы наших подчиненных ежечасно находят свое благословение и возвеличение в этом самоотречении. И надежды позволяет питать изречение, что тот, кто показывает дорогу к добродетели, может расцениваться как созидатель добра, так как благословение этих деяний приведет к счастью и величию Наваба, чьи дела успешны. И под счастливым воздействием этих хороших деяний победа и успех будут приумножаться с каждым днем; а по завершении данного дела исполнится данное желание в том, что мир, следующий данному фирману, будет иметь безупречное исполнение данного повеления, и что в регионах, защищаемых нашим правлением, Бог будет защищать их от всего порочного и враждебного, не будет ни одного создания, которое бы позволило себе опьяняющую жидкость или занималось бы доставкой или изготовлением спиртных напитков, их продажей, покупкой, хранением, вывозом, выдачей. Воздерживайся от опьянения: возможно, ты будешь оправдан, и данная победа над собой – благословенна. И как подношение, сделанное по случаю этого искреннего покаяния, море королевской щедрости поднялось и обнажило волны радушия, которое является источником многочисленности мира и славы сыновей человеческих. И был издан фирман, отменяющий для мусульман тамгу всех наших владений, сумма которой превосходит все границы и расчеты; хотя во времена прежних султанов она взималась, но практика была противоречила своду законов, донесённых святыми пророками; и приказания были отданы, чтобы ни в одном крупном городе, городке, или на дороге, или на улице, или переезде, в порту не принималась и не взималась тамга; и что данный приказ надлежит выполнять беспрекословно и без промедления. И если кто-либо изменит данные приказы после того, как услышит их, то воистину, данное злодеяние падет на человека, который изменит эти приказы; обязанность солдат, находящихся под покровительством королевской милости, будь то турки или таджики, арабы или аджемы, индусы или персы, [обязанность] гражданских лиц или военных, все последователей религий, всех племен сыновей человеческих заключается в том, что окрепши и наполнившись надеждой, поддерживая благородство, они могут восхвалять могущество Того, кто существует вечно, и могут никогда не отклоняться от предписаний мандата, конечной целью которого является добродетель, но при этом они должны следовать своему долгу в соответствии с изданным фирманом и исполнять его намерения. Как только будет поставлена на нем печать, великие, возвышенные, благородные, следуйте ему. Написано Верховным командующим. Да возвысит Бог данный Фирман и да защитит Всемогущий его неприкосновенность. Датировано 24 Джумада 933 года (26 февраля 1527 г.).

(Тревога в армии Бабура)

В это время я наблюдал, как следствие предшествующих событий, всеобщий испуг и тревогу, властвовавшие над великими и незначительными. Не было ни одного человека, кто смог бы произнести смелое слово, ни одного, кто бы высказал отважное мнение. Визири, в чью обязанность входило давать хорошие советы, и эмиры, кто наслаждался богатствами королевств, не могли выступить храбро, ни их советы, ни манера поведения не выдавали их как стойких мужчин. В ходе всей этой экспедиции халиф вел себя восхитительно, проявил упорство и неутомимость в своих усилиях привести все в наилучший порядок. Наблюдая за всеобщим упадком духа моих войск и повальное стремление к спиртным напиткам, я разработал мой план детально.

(Его обращение к своим офицерам)

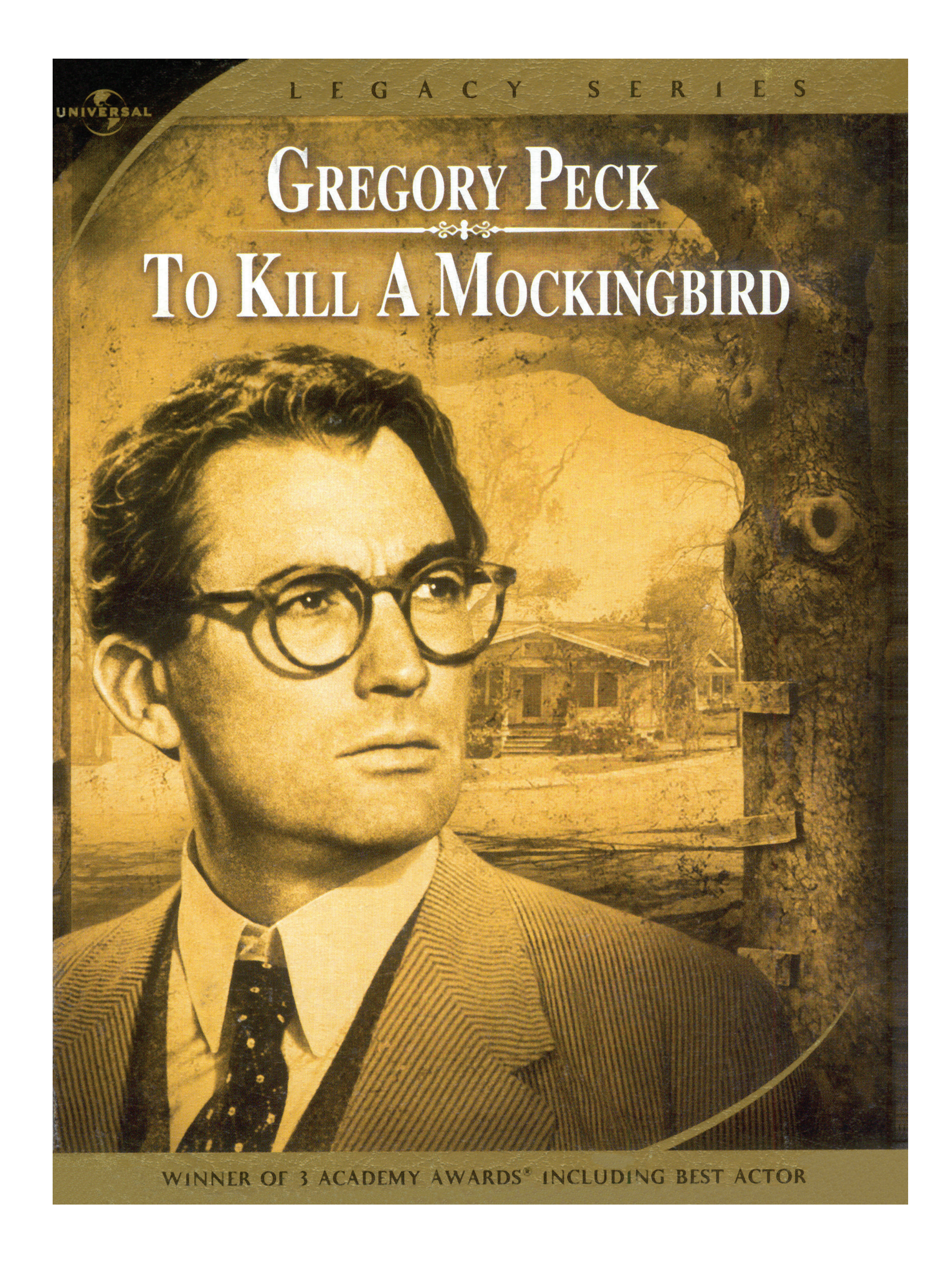
Я созвал собрание всех эмиров и офицеров и обратился к ним: «Знатные люди и солдаты! Каждый человек, приходящий в этот мир, обречен на смерть. Когда мы умираем и покидаем этот мир, только Бог продолжает жить, не меняясь при этом. Кто не приходит на пир жизни, по его окончанию должен испить из кубка смерти. Тот, кто прибывает на постоялый двор смертных, неизбежно должен однажды покинуть этот дом печали – мир. Гораздо лучше умереть с честью, чем жить в бесчестии!

ИСТОЧНИК: http://persian.packhum.org/persian/main?url=pf%3Ffile%3D03501051%26ct%3D70%2

ПЕРЕВОД ПАХЧ- УЦА.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА:

1. Вы можете описать характер автора?
2. Что говорит автор в тексте о запретных действиях и человеческой природе? Каково мнение автора об отказе от вина и священной войне?
3. Что, согласно Захир-ад-дину Мухаммеду Бабуру, является справедливостью, и каков путь истины? Вы согласны с объяснением автора и с его пониманием справедливости? Аргументируйте свой ответ.
4. Что Бабур сказал в обращении к своим офицерам?
5. Близко ли убеждение Бабура к религиозной доктрине? Приведите свои аргументы. Упоминает ли автор в своем фирмане какие-либо новые правила, не заимствованные из религии?
6. Сравните, пожалуйста, фирман Бабура с правилами современного мира. Имеются ли между ними какие-либо противоречия? Вы можете привести из фирмана Бабура какие-либо пункты, важные для сегодняшней жизни? Приведите, пожалуйста, примеры из своей собственной жизни.
7. «Бабур-наме» - это документ, имеющий политический, исторический и литературный характер. Чем же отличается подход Бабура к справедливости от подходов Торо, Ганди и Мартина Лютера Кинга?


LEGACY SERIES
UNIVERSAL
GREGORY PECK
TO KILL A MOCKINGBIRD
WINNER OF 3 ACADEMY AWARDS® INCLUDING BEST ACTOR

ХАРПЕР ЛИ. УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА

Харпер Ли американская писательница родилась в 1926 г. и выросла в южном городе Монровиль, Алабама. Она посещала Колледж Хантингтона в Монтгомери (1944-45), а затем изучала право в Университете Алабама (1945-49) Она так и не окончила университет и не получила юридическое образование, но провела лето в Оксфорде в Англии, потом поселилась в Нью-Йорке и работала служащим представительств авиакомпании до конца 1950-х, после чего она решила посвятить себя писательской работе.

"Убить пересмешника" является романом Харпер Ли, опубликованный в 1960 году. Роман мгновенно завоевал успех, выиграв Пулитцеровскую премию, и стал классикой современной американской литературы. Содержание и образы романа, слабо основанные на наблюдениях самого автора за своей семьей и соседями, а также за событием, которое произошло неподалеку от её родного города в 1936 году, когда ей было 10 лет. Роман рассматривает проблему расизма в Америке, и его герой Аттикус Финч является бессмертным образом смелости и борьбы против расизма. Фильм (1962) снят по мотивам романа. Главные герои в фильме: Аттикус Финч (Грегори Пек), Скаут (Мэри Бадхэм) и Джем (Филип Алфорд). В 1995 году фильм был занесён в Национальный реестер Фильмов и был 25-ым в 10-ом юбилейном списке Американского Института Кинематографии среди лучших фильмов всех времён. В одном из интервью Грегори Пек назвал "Убить пересмешника" своим любимым фильмом и "благословением и подарком от Харпер Ли"

Фильм описывает середину 1930-х гг американского общества, где людей судили по их расовой принадлежности и справедливость не всегда преобладала. Фильм служит примером литературного подхода к темам социальной справедливости через призму класса, мужества, терпимости и сострадания.



ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

"Я не могу понять почему разумные люди становятся совершенно безумными, когда дело касается негра".
-Аттикус Финч
из фильма "Убить пересмешника"

1. Как вы думаете, почему фильм называется «Убить Пересмешника»?
2. Какое преступление и справедливость вы пронаблюдали в этом фильме?
3. Почему Аттикус Финч рискует своей репутацией, дружбой и карьерой, взявшись за дело Тома Робинсона?
4. Аттикус говорит своей дочери, что каждому нужно залесть в чужую шкуру и ходить в ней для того, чтобы понять его/её. Как это связано с понятием справедливости?
5. Связывают ли кинематографисты справедливость с ситуацией, описанной в фильме? Как несправедливость связана с расизмом и дискриминацией в этом обществе?
6. Как Аттикус объясняеть смысл «компромисса» Скоту? Как по вашему, можно ли добиться справедливости таким компромиссом? Почему? Почему нет?
7. Кто - по вашему, символизирует пересмешника в этом фильме?
8. Может ли убийство Эвелла, совершенное Бу, рассматриваться как востонавление справедливости?
9. Как вы думаете, правильно, или не правильно поступили Аттикус и шериф, не сообщив об убийстве Эвелла, совершенном Бу? Подумайте о причинах их решения. Что побудило их поступить таким образом?
10. Какой вывод можно сделать из фильма? По вашему, можно ли добиться абсолютной социальной справедливости?

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. ВОЙНА И МИР

Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910) – русский аристократ, великий писатель, философ, разработавший свою систему этики. Толстой всемирно признан лучшим писателем 19 века. Наиболее известными его работами являются «Исповедь», «Анна Каренина», «Война и мир», «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича» и «Отец Сергий». Такие выдающиеся политические лидеры как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг черпали своё вдохновение из произведений Толстого.

ЭПИЛОГ

II

Если допустить, как то делают историки, что великие люди ведут человечество к достижению известных целей, состоящих или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, или в разнесении идей революции, или в общем прогрессе, или в чем бы то ни было, то невозможно объяснить явлений истории без понятий о случае и о гении.

Если цель европейских войн начала нынешнего столетия состояла в величии России, то эта цель могла быть достигнута без всех предшествовавших войн и без нашествия. Если цель — величие Франции, то эта цель могла быть достигнута и без революции, и без империи. Если цель — распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты. Если цель — прогресс цивилизации, то весьма легко предположить, что, кроме истребления людей и их богатств, есть другие, более целесообразные пути для распространения цивилизации.

Почему же это случилось так, а не иначе?

Потому что это так случилось. «Случай сделал положение; гений воспользовался им»,— говорит история.

Но что такое случай? Что такое гений?

Слова *случай* и *гений* не обозначают ничего действительно существующего и потому не могут быть определены. Слова эти только обозначают известную степень понимания явлений. Я не знаю, почему происходит такое-то явление; думаю, что не могу знать; потому не хочу знать и говорю: случай. Я вижу силу, производящую несоразмерное с общечеловеческими свойствами действие; не понимаю, почему это происходит, и говорю: гений.

Для стада баранов тот баран, который каждый вечер отгоняется овчаром в особый денник к корму и становится вдвое толще других, должен казаться гением. И то обстоятельство, что каждый вечер именно этот самый баран попадает не в общую овчарню, а в особый денник к овсу, и что этот, именно этот самый баран, облитый жиром, убивается на мясо, должно представляться поразительным соединением гениальности с целым рядом необычайных случайностей.

Но баранам стоит только перестать думать, что все, что делается с ними, происходит только для достижения их бараньих целей; стоит допустить, что происходящие с ними события могут иметь и непонятные для них цели,— и они тотчас же увидят единство, последовательность в том, что происходит с откармливаемым бараном. Ежели они и не будут знать, для какой цели он откармливался, то, по крайней мере, они будут знать, что все случившееся с бараном случилось не нечаянно, и им уже не будет нужды в понятии ни о случае, ни о гении.

Только отрешившись от знаний близкой, понятной цели и признав, что конечная цель нам недоступна, мы увидим последовательность и целесообразность в жизни исторических лиц; нам откроется причина того несоразмерного с общечеловеческими свойствами действия, которое они производят, и не нужны будут нам слова *случай* и *гени*й.

Стоит только признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а известны только факты, состоящие в убийствах, сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии, в Испании, в России, и что движения с запада на восток и с востока на запад составляют сущность и цель этих событий, и нам не только не нужно будет видеть исключительность и гениальность в характерах Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе эти лица иначе, как такими же людьми, как и все остальные; и не только не нужно будет объяснять случайностию те мелкие события, которые сделали этих людей тем, чем они были, но будет ясно, что все эти мелкие события были необходимы.

Отрешившись от знания конечной цели, мы ясно поймем, что точно так же, как ни к одному растению нельзя придумать других, более соответственных ему, цвета и семени, чем те, которые оно производит, точно так же невозможно придумать других двух людей, со всем их прошедшим, которое соответствовало бы до такой степени, до таких мельчайших подробностей тому назначению, которое им предлежало исполнить.

III

Основной, существенный смысл европейских событий начала нынешнего столетия есть воинственное движение масс европейских народов с запада на восток и потом с востока на запад. Первым зачинщиком этого движения было движение с запада на восток. Для того чтобы народы запада могли совершить то воинственное движение до Москвы, которое они совершили, необходимо было: 1) чтобы они сложились в воинственную группу такой величины, которая была бы в состоянии вынести столкновение с воинственной группой востока; 2) чтобы они отрешились от всех установившихся преданий и привычек и 3) чтобы, совершая свое воинственное движение, они имели во главе своей человека, который, и для себя и для них, мог бы оправдывать имеющие совершиться обманы, грабежи и убийства, которые сопутствовали этому движению.

И начиная с французской революции разрушается старая, недостаточно великая группа; уничтожаются старые привычки и предания; вырабатываются, шаг за шагом, группа новых размеров, новые привычки и предания, и приготовляется тот человек, который должен стоять во главе будущего движения и нести на себе всю ответственность имеющего совершиться.

Человек без убеждений, без привычек, без преданий, без имени, даже не француз, самыми, кажется, странными случайностями продвигается между всеми волнующими Францию партиями и, не приставая ни к одной из них, выносится на заметное место.



Адольф Нортерн. Отступление Наполеона из Москвы

Невежество сотоварищей, слабость и ничтожество противников, искренность лжи и блестящая и самоуверенная ограниченность этого человека выдвигают его во главу армии. Блестящий состав солдат итальянской армии, нежелание драться противников, ребяческая дерзость и самоуверенность приобретают ему военную славу. Бесчисленное количество так называемых случайностей сопутствует ему везде. Немилость, в которую он впадает у правителей Франции, служит ему в пользу. Попытки его изменить предназначенный ему путь не удаются: его не принимают на службу в Россию, и не удается ему определение в Турцию. Во время войн в Италии он несколько раз находится на краю гибели и всякий раз спасается неожиданным образом. Русские войска, те самые, которые могут разрушить его славу, по разным дипломатическим соображениям не вступают в Европу до тех пор, пока он там.

По возвращении из Италии он находит правительство в Париже в том процессе разложения, в котором люди, попадающие в это правительство, неизбежно стираются и уничтожаются. И сам собой для него является выход из этого опасного положения, состоящий в бессмысленной, беспричинной экспедиции в Африку. Опять те же так называемые случайности сопутствуют ему. Неприступная Мальта сдается без выстрела; самые неосторожные распоряжения увенчиваются успехом. Неприятельский флот, который не пропустит после ни одной лодки, пропускает целую армию. В Африке над безоружными почти жителями совершается целый ряд злодеяний. И люди, совершающие злодеяния эти, и в особенности их руководитель, уверяют себя, что это прекрасно, что это слава, что это похоже на Кесаря и Александра Македонского и что это хорошо.

Тот идеал славы и величия, состоящий в том, чтобы не только ничего не считать для себя дурным, но гордиться всяким своим преступлением, приписывая ему непонятное сверхъестественное значение,— этот идеал, долженствующий руководить этим человеком и связанными с ним людьми, на просторе вырабатывается в Африке. Все, что он ни делает, удается ему. Чума не пристает к нему. Жестокость убийства пленных не ставится ему в вину. Ребячески неосторожный, беспричинный и неблагородный отъезд его из Африки, от товарищей в беде, ставится ему в заслугу, и опять неприятельский флот два раза упускает его. В то время как он, уже совершенно одурманенный совершенными им счастливыми преступлениями, готовый для своей роли, без всякой цели приезжает в Париж, то разложение республиканского правительства, которое могло погубить его год тому назад, теперь дошло до крайней степени, и присутствие его, свежего от партий человека, теперь только может возвысить его.

Он не имеет никакого плана; он всего боится; но партии ухватываются за него и требуют его участия.

Он один, с своим выработанным в Италии и Египте идеалом славы и величия, с своим безумием самообожания, с своею дерзостью преступлений, с своею искренностью лжи,— он один может оправдать то, что имеет совершиться.

Он нужен для того места, которое ожидает его, и потому, почти независимо от его воли и несмотря на его нерешительность, на отсутствие плана, на все ошибки, которые он делает, он втягивается в заговор, имеющий целью овладение властью, и заговор увенчивается успехом.

Его вталкивают в заседание правителей. Испуганный, он хочет бежать, считая себя погибшим; притворяется, что падает в обморок; говорит бессмысленные вещи, которые должны бы погубить его. Но правители Франции, прежде сметливые и гордые, теперь, чувствуя, что роль их сыграна, смущены еще более, чем он, говорят не те слова, которые им нужно бы было говорить, для того чтоб удержать власть и погубить его.

Случайность, миллионы случайностей дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти. Случайности делают характеры тогдашних правителей Франции подчиняющимися ему; случайности делают характер Павла I признающим его власть; случайность делает против него заговор, не только не вредящий ему, но утверждающий его власть. Случайность посылает ему в руки Энгиенского и нечаянно заставляет его убить, тем самым сильнее всех других средств убеждая толпу, что он имеет право, так как он имеет силу. Случайность делает то, что он напрягает все силы на экспедицию в Англию, которая, очевидно, погубила бы его, и никогда не исполняет этого намерения, а нечаянно нападает на Мака с австрийцами, которые сдаются без сражения. Случайность и гениальность дают ему победу под Аустерлицем, и случайно все люди, не только французы, но и вся Европа, за исключением Англии, которая и не примет участия в имеющих совершиться событиях, все люди, несмотря на прежний ужас и отвращение к его преступлениям, теперь признают за ним его власть, название, которое он себе дал, и его идеал величия и славы, который кажется всем чем-то прекрасным и разумным.

Как бы примериваясь и приготовляясь к предстоящему движению, силы запада несколько раз в 1805-м, 6-м, 7-м, 9-м году стремятся на восток, крепчая и нарастая. В 1811-м году группа людей, сложившаяся во Франции, сливается в одну огромную группу с серединными народами. Вместе с увеличивающейся группой людей дальше развивается сила оправдания человека, стоящего во главе движения. В

десятилетний приготовительный период времени, предшествующий большому движению, человек этот сводится со всеми коронованными лицами Европы. Разоблаченные владыки мира не могут противопоставить наполеоновскому идеалу славы и величия, не имеющему смысла, никакого разумного идеала. Один перед другим, они стремятся показать ему свое ничтожество. Король прусский посылает свою жену заискивать милости великого человека; император Австрии считает за милость то, что человек этот принимает в свое ложе дочь кесарей; папа, блюститель святыни народов, служит своей религией возвышению великого человека. Не столько сам Наполеон приготовляет себя для исполнения своей роли, сколько все окружающее готовит его к принятию на себя всей ответственности того, что совершается и имеет совершиться. Нет поступка, нет злодеяния или мелочного обмана, который бы он совершил и который тотчас же в устах его окружающих не отразился бы в форме великого деяния. Лучший праздник, который могут придумать для него германцы,— это празднование Иены и Ауерштета. Не только он велик, но велики его предки, его братья, его пасынки, зятья. Все совершается для того, чтобы лишить его последней силы разума и приготовить к его страшной роли. И когда он готов, готовы и силы.



КУТУЗОВ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ ПРИ БОРОДИНО

Нашествие стремится на восток, достигает конечной цели — Москвы. Столица взята; русское войско более уничтожено, чем когда-нибудь были уничтожены неприятельские войска в прежних войнах от Аустерлица до Ваграма. Но вдруг вместо тех случайностей и гениальности, которые так последовательно вели его до сих пор непрерывным рядом успехов к предназначенной цели, является бесчисленное количество обратных случайностей, от насморка в Бородине до морозов и искры, зажегшей Москву; и вместо гениальности являются глупость и подлость, не имеющие примеров.

Нашествие бежит, возвращается назад, опять бежит, и все случайности постоянно теперь уже не за, а против него.

Совершается противодвижение с востока на запад с замечательным сходством с предшествовавшим движением с запада на восток. Те же попытки движения с востока на запад в 1805—1807—1809 годах предшествуют большому движению; то же сцепление в группу огромных размеров; то же приставание серединных народов к движению; то же колебание в середине пути и та же быстрота по мере приближения к цели.

Париж — крайняя цель достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Сам Наполеон не имеет больше смысла; все действия его очевидно жалки и гадки; но опять совершается необъяснимая случайность: союзники

ненавидят Наполеона, в котором они видят причину своих бедствий; лишенный силы и власти, изобличенный в злодействах и коварствах, он бы должен был представляться им таким, каким он представлялся им десять лет тому назад и год после,— разбойником вне закона. Но по какой-то странной случайности никто не видит этого. Роль его еще не кончена. Человека, которого десять лет тому назад и год после считали разбойником вне закона, посылают в два дня переезда от Франции на остров, отдаваемый ему во владение с гвардией и миллионами, которые платят ему за что-то.

IV

Движение народов начинает укладываться в свои берега. Волны большого движения отхлынули, и на затихшем море образуются круги, по которым носятся дипломаты, воображая, что именно они производят затишье движения.

Но затихшее море вдруг поднимается. Дипломатам кажется, что они, их несогласия, причиной этого нового напора сил; они ждут войны между своими государями; положение им кажется неразрешимым. Но волна, подъем которой они чувствуют, несется не оттуда, откуда они ждут ее. Поднимается та же волна, с той же исходной точки движения — Парижа. Совершается последний отплеск движения с запада; отплеск, который должен разрешить кажущиеся неразрешимыми дипломатические затруднения и положить конец воинственному движению этого периода.

Человек, опустошивший Францию, один, без заговора, без солдат, приходит во Францию. Каждый сторож может взять его; но, по странной случайности, никто не только не берет, но все с восторгом встречают того человека, которого проклинали день тому назад и будут проклинать через месяц.

Человек этот нужен еще для оправдания последнего совокупного действия.

Действие совершено. Последняя роль сыграна. Актеру велено раздеться и смыть сурьму и румяны: он больше не понадобится.

И проходят несколько лет в том, что этот человек, в одиночестве на своем острове, играет сам перед собой жалкую комедию, мелочно интригует и лжет, оправдывая свои деяния, когда оправдание это уже не нужно, и показывает всему миру, что такое было то, что люди принимали за силу, когда невидимая рука водила им.

Распорядитель, окончив драму и раздев актера, показал его нам.

— Смотрите, чему вы верили! Вот он! Видите ли вы теперь, что не он, а Я двигал вас?

Но, ослепленные силой движения, люди долго не понимали этого.

Еще большую последовательность и необходимость представляет жизнь Александра I, того лица, которое стояло во главе противодвижения с востока на запад.

Что нужно для того человека, который бы, заслоняя других, стоял во главе этого движения с востока на запад?

Нужно чувство справедливости, участие к делам Европы, но отдаленное, не затемненное мелочными интересами; нужно преобладание высоты нравственной над сотоварищами — государями того времени; нужна кроткая и привлекательная личность; нужно личное оскорбление против Наполеона. И все это есть в Александре I; все это подготовлено бесчисленными так называемыми случайностями всей его прошедшей жизни: и воспитанием, и либеральными начинаниями, и окружающими советниками, и Аустерлицем, и Тильзитом, и Эрфуртом.

Во время народной войны лицо это бездействует, так как оно не нужно. Но как

скоро является необходимость общей европейской войны, лицо это в данный момент является на свое место и, соединяя европейские народы, ведет их к цели.

Цель достигнута. После последней войны 1815 года Александр находится на вершине возможной человеческой власти. Как же он употребляет ее?

Александр I, умиротворитель Европы, человек, с молодых лет стремившийся только к благу своих народов, первый зачинщик либеральных нововведений в своем отечестве, теперь, когда, кажется, он владеет наибольшей властью и потому возможностью сделать благо своих народов, в то время как Наполеон в изгнании делает детские и лживые планы о том, как бы он осчастливил человечество, если бы имел власть, Александр I, исполнив свое призвание и почуяв на себе руку Божию, вдруг признает ничтожность этой мнимой власти, отворачивается от нее, передает ее в руки презираемых им и презренных людей и говорит только:

— «Не нам, не нам, а имени твоему!» Я человек тоже, как и вы; оставьте меня жить, как человека, и думать о своей душе и о боге.

Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого,— так и каждая личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим.

Пчела, сидевшая на цветке, ужалила ребенка. И ребенок боится пчел и говорит, что цель пчелы состоит в том, чтобы жалить людей. Поэт любуется пчелой, впивающейся в чашечку цветка, и говорит, цель пчелы состоит во впивании в себя аромата цветов. Пчеловод, замечая, что пчела собирает цветочную пыль и приносит ее в улей, говорит, что цель пчелы состоит в собирании меда. Другой пчеловод, ближе изучив жизнь роя, говорит, что пчела собирает пыль для выкармливанья молодых пчел и выведения матки, что цель ее состоит в продолжении рода. Ботаник замечает, что, перелетая с пылью двудомного цветка на пестик, пчела оплодотворяет его, и ботаник в этом видит цель пчелы. Другой, наблюдая переселение растений, видит, что пчела содействует этому переселению, и этот новый наблюдатель может сказать, что в этом состоит цель пчелы. Но конечная цель пчелы не исчерпывается ни тою, ни другой, ни третьей целью, которые в состоянии открыть ум человеческий. Чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели.

Человеку доступно только наблюдение над соответственностью жизни пчелы с другими явлениями жизни. То же с целями исторических лиц и народов.

ИСТОЧНИК: Толстой Л. Н. Война и Мир. - Т.III-IV / Отв. ред. Э. М. Лемперт.- М.: Детская литература, 1964.- С.565-572.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА:

1. Что такое история, по мнению Льва Николаевича Толстого? Ведет ли история великих людей или человечество к справедливости, прогрессу, процветанию, свободе или счастью?
2. Какова роль решительных людей, таких как Наполеон, Александр или Гитлер, в цивилизации?
3. Почему Толстой обесценивает судьбу и гениальность? Как он это обосновывает?
4. Какова цель войны в человеческой истории? Почему время от времени вспыхивают войны?
5. Есть ли у людей свобода, или все предопределено?
6. Какова конечная цель истории, или ее нет вовсе?
7. Сравните тексты Бабура и Толстого: что общего между ними?
8. Справедлива ли сама история?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- War and Peace, www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/War_and_Peace_NT.pdf
- Leo Tolstoy's biography, www.online-literature.com/tolstoy/
- War and Peace by Leo Tolstoy, www.online-literature.com/tolstoy/war_and_peace/
- Leo Tolstoy, www.en.wikipedia.org/wiki/Leo_Tolstoy
- Literary Works of Leo Tolstoy, www.classicreader.com/author.php/aut.36/

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ. Я ОБВИНЯЮ

Эмиль Золя (1840-1902) был влиятельной фигурой во французской литературе, предпочитал работать в жанре художественных произведений и фиксировал в них новую эпоху «свободы и правды». Он написал множество работ, в том числе «Творчество» и 20-томную серию романов «Ругон-Маккары» (1871-93). Он приобрел особую известность благодаря своему памфлету, опубликованному на первой странице газеты под заголовком «Я обвиняю» (1898), в котором обвинил правительство Франции в антисемитизме. Золя был обвинен в клевете, но позже он был помилован, а после смерти – оправдан.



ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ФЕЛИКСУ ФОРУ, ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ

Господин Президент, позвольте мне в благодарность за любезный приём, однажды оказанный мне Вами, и в обережение доброй славы, которою Вы заслуженно пользуетесь, сказать Вам, что Вашу звезду, столь счастливую доселе, грозит омрачить позорнейшая, несмываемая скверна. Низкие клеветники тщетно пытались повредить Вам, Вы покорили все сердца. В достославные дни великого всенародного торжества, заключения франко-русского союза, Вы явились, озаренный сиянием славы, и ныне готовитесь возглавить и привести к успешному завершению устроенную у нас Всемирную выставку, которая торжественно увенчает наш век труда, истины и свободы. Но вот Ваше имя — чуть не сказал «правление» — омрачило позорное пятно — постыдное дело Дрейфуса! На днях военный суд, понуждаемый приказом, дерзнул оправдать пресловутого **Эстерхази**, нагло поправ истину и правосудие. Этого нельзя перечеркнуть—отныне на лице Франции горит след позорной пощечины, и в книгу времени будет записано, что сие мерзейшее общественное преступление свершилось в годы Вашего правления.

Но раз посмели они, смею и я. Я скажу правду, ибо обещал сказать ее, ежели правосудие, на рассмотрение коего дело было передано в соответствии с существующим законодательством, не установило бы ее полностью и без изъяна. Мой долг требует, чтобы я высказался, молчание было бы равносильно соучастию, и бессонными ночами меня преследовал бы призрак невиновного, искупающего ценою невыразимых страданий преступление, которого не совершил. К Вам, господин Президент, обращу я слова истины, объятый негодованием, которое переполняет всех честных людей. Ваша порядочность не вызывает во мне сомнений, ибо, по моему убеждению, Вы не знаете правды. Да и пред кем еще изобличить мне злокозненную свору истинных преступников, как не пред Вами, верховным судией страны?

Скажу прежде всего правду о судебном разбирательстве и осуждении Дрейфуса.

Эстерхази (Вальсен-Эстерхази, граф) – офицер генерального штаба, замешанный в деле Дрейфуса

Следствие было затеяно и направлялось подполковником **Дюпати де Кламом**, в то время простым майором. С начала и до конца дело Дрейфуса связано с сей зловещей личностью, и все в нем станет окончательно ясно лишь тогда, когда беспристрастным дознанием будут определенно установлены деяния сего господина и мера его ответственности. В голове этого человека, сдается мне, царила величайшая путаница и бестолковщина, — весь во власти романтических бредней, он тешился избитыми приемами бульварных книжонок: тут и выкраденные бумаги, и анонимные письма, и свидания в безлюдных местах, и таинственные дамы, приносящие под покровом ночи вещественные доказательства. Это ему взбрело в голову продиктовать Дрейфусу пресловутое **бордеро**; его осенила счастливая мысль наблюдать за обвиняемым, поместив оного в комнату, сплошь покрытую зеркалами; его обрисовывает нам комендант Форцинетти в то мгновение, когда, запасшись потайным фонарем, майор потребовал провести его к спящему заключенному, чтобы осветить внезапно лицо узника и уловить приметы нечистой совести в испуге внезапного пробуждения. О прочем не стану говорить — ищите, и все откроется. Я просто заявляю, что майор Дюпати де Клам, коему вменено было как военному юристу произвести следствие по делу Дрейфуса, является, в порядке очередности и по тяжести ответственности, главным виновником страшной судебной ошибки.

Уже в течение некоторого времени бордеро находилось в руках полковника Сандера, начальника контрразводки, впоследствии скончавшегося от общего паралича. В отделе происходила «утечка», пропадали бумаги, как пропадают и по сие время, — и покуда разыскивали составителя бордеро, сложилось мало-помалу предвзятое мнение, что сим человеком не мог быть никто иной, как офицер штаба и к тому же артиллерист: две вопиющие ошибки, свидетельствующие о том, насколько поверхностно изучалось бордеро, ибо вдумчивое чтение бумаги приводит к убеждению, что она могла быть составлена лишь пехотным офицером.

Итак, поиски велись внутри ведомства, сличались почерки сотрудников, решено было, так сказать, кончить дело в своем кругу: раз в отделе завелся изменник, его надо было изобличить и выставить вон. И едва подозрение пало на Дрейфуса — я вынужден вновь обратиться здесь к некоторым обстоятельствам отчасти известной истории, — как на сцену выступает майор Дюпати де Клам. Он измышляет преступление Дрейфуса, становится зачинщиком и вдохновителем дознания, берется припереть изменника к стене и вынудить его к полному признанию. Конечно, к сему приложил руку и военный министр генерал Мерсье, человек, по всей видимости, ума заурядного, и начальник штаба генерал де Буадефр, очевидно, поддавшийся своим клерикальным пристрастиям, и помощник начальника штаба генерал Гонз, на многое глядевший сквозь пальцы. Но, по существу, на первых порах заправляет один майор Дюпати де Клам, он увлекает за собой остальных, подчиняет их своей воле какой-то гипнотической силой, — ведь наш майор занимается помимо всего прочего спиритизмом, оккультными науками и беседует с духами. Невозможно описать все испытания, которым он подверг несчастного Дрейфуса, хитроумные западни, в которые надеялся его завлечь, сумасбродные допросы, чудовищные ухищрения — разнообразнейшие уловки, рожденные горячечным воображением мучителя.

О, начало дела вызывает содрогание у всякого, кому известны подлинные его обстоятельства! Майор Дюпати де Клам берет Дрейфуса под стражу, заключает его в одиночную камеру. Затем спешит к г-же Дрейфус и, дабы страхом принудить ее к молчанию, грозит, что, если она обмолвится хоть словом, ее мужу несдобро-

Дюпати де Клам –
в 90-х годах XIX в. (период дела Дрейфуса) начальник французской контрразведки

бордеро -
1) выписка из бухгалтерских документов, счетов и т.п.;
2) опись реализованных ценных бумаг, составляемая банком, банкирской конторой

вать. А тем временем несчастный бился в отчаянии, кричал, что невиновен. Так, в полнейшей тайне, с применением множества изощреннейших и жестоких приемов дознания — ни, дать ни взять, как в какой-нибудь хронике XV столетия, велось следствие. А ведь обвинение строилось на одной-единственной и вздорной улике - на дурацком препроводительном письме, свидетельстве не только заурядной измены, но и неслыханно наглого мошенничества, если принять во внимание, что почти все пресловутые тайны, выданные врагу, лишены какой бы то ни было ценности. Я делаю на этом упор лишь потому, что такие способы судопроизводства подготовили благоприятную почву для настоящего злодеяния — отказа в правосудии, которое, словно страшный недуг, поразило впоследствии Францию. Мне хочется наглядно показать, как стала возможной судебная ошибка, как ее породили козни майора Дюпати де Клама, как получилось, что генералы Мерсье, де Буадефр и Гонз дались в обман, как с каждым днем усугубляли свою вину упорством в преступной ошибке, которую они впоследствии почли своим долгом выдать за святую правду, не подлежащую даже обсуждению. Таким образом, на первых порах им можно было поставить в упрек обыкновенную беспечность и недомыслие. В худшем случае можно допустить, что они поддались религиозному фанатизму своей среды и суевериям, порожденным сословным духом, — как бы там ни было, они оказались потворщиками глупости.

Но вот Дрейфус предстал перед военным судом, происходившим, по требованию сверху, в обстановке строжайшей негласности. Если бы изменник открыл врагу границы страны и привел германского императора к подножию собора Парижской богоматери, то и тогда, вероятно, слушание дела не было бы окружено более плотной завесой тайны и молчания. Страна скована ужасом, люди шепотом передают друг другу ужасные вести, идет молва о чудовищной измене, подобной тем изменам, которые возбуждают негодование многих поколений. Разумеется, народ Франции готов приветствовать любой приговор, самая суровая кара будет слишком мягкой для предателя! Французы единодушно одобрят гражданскую казнь и потребуют, чтобы осужденный до конца дней своих томился на морской скале, терзаемый позором и укорами совести. Неужто в самом деле есть нечто такое, о чем страшно молвить, нечто крайне опасное, некие обстоятельства, чреватые военным пожаром в Европе, которые нужда потребовала похоронить за закрытыми дверями судебного процесса?

Ничего подобного! Сии ужасные откровения суть не более, как бредовые домыслы и фантазии майора Дюпати де Клама. Весь этот ворох небылиц был сочинен затем лишь, чтобы скрыть нелепейший из бульварных романов. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить обвинительное заключение, оглашенное на суде. Оно же построено буквально на пустом месте! Осудить человека на основании подобного заключения — поистине верх беззакония. Нет ни одного порядочного человека, который не испытал бы, читая сей документ, возмущения и гнева при мысли о непомерно тяжком наказании, постигшем узни-

ка Чертова острова. Дрейфус знает несколько языков? Преступление. У него не было найдено никаких компрометирующих бумаг? Преступление. Он трудолюбив и любознателен? Преступление. Он держится спокойно? Преступление. А наивность формулировок, полнейшая бездоказательность доводов! Толковали о четырнадцати главных пунктах обвинения, а на поверку все они сводятся к одному-единственному — злополучному бордеро. Более того, оказывается, что графологи не пришли к единому мнению, что на одного из них, г-на Гобера, начальственно прикрикнули, потому что он дерзнул проявить несогласие с точкой зрения, которую ему пытались навязать. Говорилось также, что на суде против Дрейфуса показывали двадцать три офицера. Пока нам неизвестны протоколы допроса, но совершенно очевидно, что все эти офицеры не могли выступить против обвиняемого; надобно, кроме того, заметить, что все свидетели без исключения служат по Военному ведомству; таким образом, дело решалось по-семейному, в узком кругу сослуживцев, и об этом не следует забывать. Штабное начальство учинило следствие, штабное начальство устроило первый, а совсем недавно и второй суд.

Итак, все упиралось в пресловутое бордеро, относительно коего графологи не вынесли единого мнения. Рассказывают, что в совещательной комнате судьи склонялись уже к оправдательному приговору, ибо иначе поступить они не могли. Понятно теперь, отчего с таким ожесточенным упорством, пытаясь оправдать обвинительный приговор, нам твердят ныне о существовании некоей тайной и важной бумаги, уличающей осужденного, бумаги, которую невозможно даже представить на всеобщее обозрение, которая всему дает законное основание, — улика, пред коей мы должны умолкнуть, словно пред незримым, неисповедимым божеством! Нет, я со всей решительностью заявляю, что такой улики нет и никогда не было! Какая-нибудь дурацкая бумажонка, это я еще допускаю, — записочка, где упоминаются женщины сомнительного благонравия и некий господин Д., ставший чересчур требовательным: вероятнее всего, муженек, решивший, что слишком дешево запросил за свою супругу. Но говорить о документе, имеющем касательство к обороне страны, вынесение коего на суд повлекло бы за собой объявление войны уже на следующий день... Нет и еще раз нет! Это ложь. Ложь тем более гнусная и наглая, что виновные остаются безнаказанными и нет никакой возможности уличить их. Они бьют в набат, пользуются как щитом вполне понятным беспокойством народа, принуждают французов к молчанию, смущая их души и одурманивая клеветой. Я не знаю более тяжкого гражданского преступления.

Итак, я изложил Вам, господин Президент, обстоятельства, объясняющие, каким образом совершилась судебная ошибка. Доводы нравственного порядка, достаток Дрейфуса, отсутствие веских оснований для осуждения, непрестанные заявления узника о своей невиновности окончательно убеждают в том, что несчастный пал жертвой не в меру пылкого воображения майора Дюпати де Клама, пропитанной духом клерикализма среды, окружавшей его, и травли «грязных евреев», позорящей наш век.

Теперь настала пора поведать о деле Эстерхази. Минуло уже три года, но многие честные люди по-прежнему пребывают в глубокой тревоге, потеряв покой, настойчиво ищут и наконец убеждаются в невиновности Дрейфуса.

Я не стану рассказывать о том, как у г-на **Шерера-Кестнера** возникли сомнения, как эти сомнения постепенно перешли в уверенность. Пока он добирался до истины, важные события происходили в самом штабе: полковник Сандер умер, и должность начальника контрразведки занял подполковник Пикар. И вот однажды при исполнении Пикаром обязанностей, налагаемых новой должностью, в его

Шерер-Кестнер Огюст (1833-1899) – политический деятель Третьей республики; в 1896г. – вице-президент сената

руки попала телеграмма, отправленная на имя майора Эстерхази агентом одной иностранной державы. Долг требовал от Пикара незамедлительно нарядить расследование. Можно сказать со всей определенностью, что подполковник Пикар никогда не действовал поверх головы своих начальников. Он поведал им о своих подозрениях по инстанции, сначала генералу Гонзу, затем генералу де Буадефру и, наконец, генералу Бийо, сменившему генерала Мерсье на посту военного министра. Вызвавшее столько толков досье Пикара никогда не было ничем иным, как досье Бийо, я хочу сказать, что речь идет о досье, подготовленном подчиненным для министра, которое и по сей день должно находиться в архиве военного ведомства. Следствие велось с мая по сентябрь 1896 года, и, надо сказать прямо, генерал Гонз был убежден в виновности Эстерхази, а генералы де Буадефр и Бийо не сомневались в том, что бордеро написано его рукою. Именно к сему неоспоримому выводу привело дознание Пикара. Ведомство было охвачено смятением, ибо осуждение Эстерхази неизбежно влекло за собой пересмотр решения по делу Дрейфуса, но как раз этого штаб не хотел допустить, чего бы то ни стоило.

Можно вообразить, какая мучительная нерешимость овладела на миг генералом Бийо. Свежий человек в Военном ведомстве, он ничем не был связан и мог свершить правосудие. Но он не посмел, вероятно, опасаясь общественного возмущения, а также, видимо, из страха выдать всю штабную братию, генерала де Буадефра, генерала Гонза, не считая их подчиненных. Это был в то же время краткий миг борьбы между его совестью и тем, в чем заключалось, как он полагал, служение интересам армии. И когда мгновение прошло, зло свершилось: генерал Бийо погрешил против совести, вступил в нечистую игру. С того дня он отягощал свою вину все новыми злоупотреблениями, покрывал своим именем преступные деяния подчиненных. На нем лежит такая же вина, как и на прочих, нет, он несет еще большую ответственность, потому что был волен отправить правосудие и не свершил его. Разум отказывается верить! Вот уже год, как генерал Бийо, генералы де Буадефр и Гонз знают, что Дрейфус невиновен, и хранят сию страшную тайну! И они спокойно спят, и у них есть жены и любимые дети!

Подполковник Пикар исполнил долг честного человека: во имя правосудия он настоятельно ходатайствовал перед начальниками, даже умолял их, указывал им на всю безрассудность проволочек, ибо тучи сгущались и гроза неминуемо должна была грянуть, когда бы правда вышла наружу. Позднее о том же предупреждал генерала Бийо г-н Шерер-Кестнер, взывая к его патриотическим чувствам и заклиная взять дело в свои руки, дабы предотвратить пагубные его последствия, грозившие обернуться общественным бедствием. Но нет! Злодейство совершилось, штаб не мог теперь сознаться в своих преступных кознях. И вот подполковника Пикара отправляют со служебным поручением, отсылают все дальше и дальше, пока он не очутился в Тунисе, где однажды, воздав должное его отваге, его направляют на дело, которое вполне могло стоить ему жизни, в те самые места, где сложил голову маркиз де Морес. То не была опала, генерал

Гонз поддерживал с подполковником дружескую переписку. Просто бывают такие тайны, в которые лучше не проникать.

А в Париже тем временем истина неуклонно прокладывала себе дорогу. Всем известно, как разразилась долгожданная гроза. В тот день, когда г-н Шерер-Кестнер готовился вручить хранителю печати прошение о пересмотре дела, г-н Матье Дрейфус изобличил майора Эстерхази как истинного автора бордеро. Так на сцене появляется майор Эстерхази. Очевидцы рассказывают, что в первую минуту он совершенно потерял голову, готов был наложить на себя руки или бежать. И вдруг он начинает держать себя с вызывающей самоуверенностью, поражает весь Париж наглостью повадки и речей. Что же случилось? А случилось то, что ему пришли на выручку: им получено было письмо без подписи, в коем его уведомляли о намерениях его врагов, а некая таинственная дама взяла на себя труд доставить ему среди ночи бумагу, выкраденную в штабе, которая должна была спасти его. И вновь я без труда угадываю руку подполковника Дюпати де Клама, изощренную изобретательность его гораздого на выдумки воображения. Дело его рук — мнимая виновность Дрейфуса — оказалось под угрозой, и он, несомненно, решил любой ценой спасти свое детище. Еще бы! Ведь пересмотр дела означал бы крушение столь причудливого и печального романа, ужасная развязка которого разыгрывается ныне на Чертовом острове! Но именно этого он и не мог допустить. И вот подполковник Пикар и подполковник Дюпати де Клам вступают в единоборство, один с поднятым забралом, другой — пряча лицо. В скорейшем времени мы увидим их обоих перед гражданским судом. По сути дела, защищается все тот же штаб, не желающий признать свою вину, час от часу все более погрязающий в подлости.

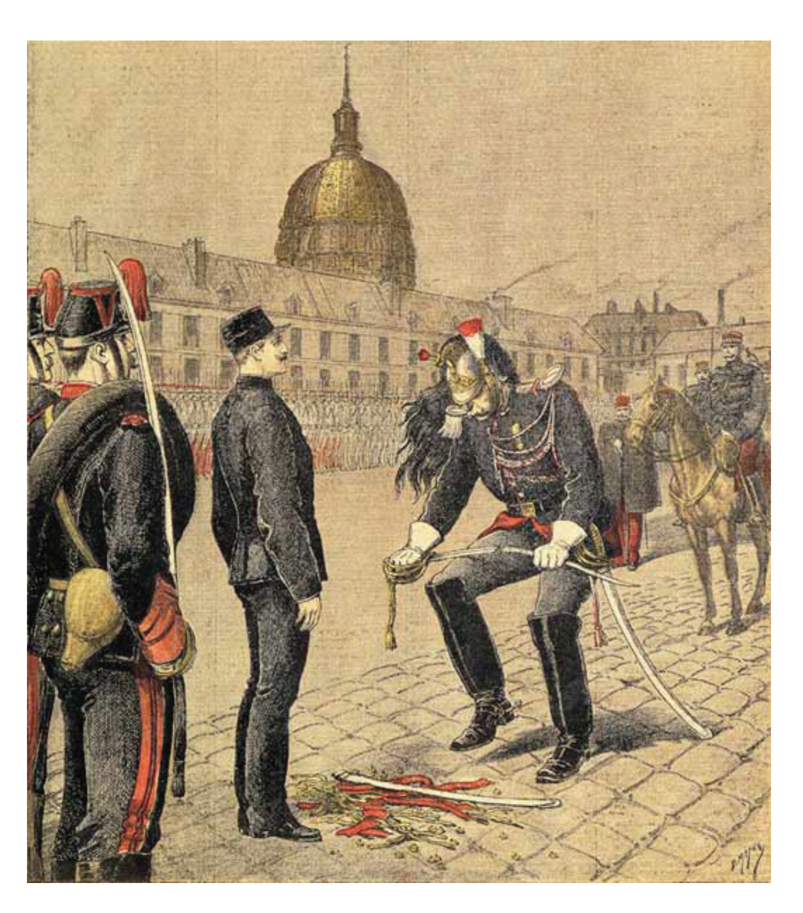
Потрясенные граждане задавали себе вопрос: кто же они, те люди, которые покрывали майора Эстерхази? Прежде всего подполковник Дюпати де Клам, неизменно держащийся в тени, — он все подстроил, всем заправлял. Его с головой выдают нелепые хитросплетения, о коих шла речь выше. Во-вторых, генерал де Буадефр, генерал Гонз и сам генерал Бийо, которые вынуждены добиваться оправдания майора, ибо, признав невиновность Дрейфуса, они не преминут навлечь всеобщее презрение на Военное ведомство. И вот вам дикая нелепость сложившегося положения: подполковник, единственный честный человек в этой среде, единственный, кто исполнил свой долг, пал жертвой лицедеев, принял поношение и неправое взыскание. О правосудие! Глухое отчаяние теснит мою грудь. Дошло до того, что злодеи обвиняют его в подлоге, в том, что он якобы сам сочинил телеграмму, чтобы погубить Эстерхази. Великий боже! Зачем? С какой стати? Назовите хоть какую-нибудь побудительную причину. Может быть, и он запродался евреям? Но вся соль в том, что подполковник Пикар был антисемитом. Да, мы стали свидетелями гнусного лицедейства, когда людей, погрязших в долгах и зле, выставляют невинными агнцами и поносят человека безупречной жизни, живое воплощение порядочности! Когда общество скатывается на столь низкую ступень падения, оно начинает разлагаться.

Итак, господин Президент, я представил Вам дело Эстерхази таким, каково оно есть. Речь идет о преступнике, для которого заведомо решили добиться оправдания. Вот уже в течение двух месяцев мы час за часом следим за сей отвратительной возней. Я передал Вам обстоятельства дела вкратце, здесь, в сущности, просто сжатое изложение событий, о которых когда-нибудь расскажут жгучие строки повести, где ничто не будет упущено. Мы видели уже, как генерал де Пелье, а вслед за ним майор Равари произвели злодейское дознание, в исходе коего подлецы

предстали достойнейшими мужами, а честные люди — мерзавцами. Засим собрался военный суд.

Разумно ли было надеяться, что военный суд упразднит решение, вынесенное другим военным судом?

Здесь можно даже пренебречь всегда возможными подтасовками в составе судей. Не исключает ли надежду на справедливый приговор уже одна слепая покорность дисциплине, вошедшая в плоть и кровь военнослужащих? Говоря «дисциплина», мы разумеем «повиновение». Раз уж военный министр, владыка живота их, во всеуслышание объявил о непререкаемости приговора, возможно ль, чтобы военный суд посмел отменить его? С точки зрения воинской субординации это вещь немыслимая. Заявление генерала Бийо произвело на судей действие завораживающее, и они судили обвиняемого, не рассуждая, как солдаты идут в сражение. Совершенно очевидно, что, занимая свои кресла в зале суда, они были в плену предвзятого мнения: «Дрейфус был осужден за измену военным судом, следственно, он виновен, и мы, военные судьи, не можем оправдать его; с другой стороны, мы знаем, что признать Эстерхази виновным значило бы оправдать Дрейфуса». Никакая сила не могла бы выбить их из этого круга мыслей.



М. Мейер. Унижение Альфреда Дрейфуса. 13 января 1895 г.

Они вынесли неправый приговор, навлекший вечный позор на военные суды, любое решение коих будет отныне встречаться с подозрением. Если допустить, что в первый раз судьи оказались бестолковыми, то во второй раз преступный умысел не оставляет никаких сомнений. Вину их смягчает лишь то обстоятельство, что высшее начальство объявило приговор суда не подлежащим обсуждению, божественным откровением, пред коим должны умолкнуть человеки. Как же могли подчиненные противиться верховной воле? Нам толкуют о чести войска, хотят, чтобы его любили и чтили. Разумеется, если речь идет о воинстве, которое при первой опасности возьмется за оружие, защитит французскую землю от врага — сие воинство есть весь народ наш, и мы не питаем к нему чувств иных, чем любовь и почитание. Но имеют в виду не сие воинство, о чести коего мы печемся, стремясь к торжеству правосудия. Радеют о золотопогонниках, в чью власть мы попадем, быть может, завтра. Другими словами, нам предлагают благоговейно лобзать эфес шашки? Не бывать тому!

Я уже показал, что дело Дрейфуса стало внутренним делом Военного ведомства, поелику штабной офицер был объявлен изменником своими сослуживцами из штаба и осужден по настоянию высших чинов штаба. Повторяю вновь, что его оправдание и возвращение из ссылки означает признание вины штабного

начальства. Вот почему Военное ведомство пустилось во все тяжкие, поднимая газетную шумиху, печатая ложные сообщения, пользуясь связями и влиянием, чтобы выгородить Эстерхази и тем самым вторично погубить Дрейфуса. Да, республиканскому правительству следовало бы устроить изрядную чистку в сем иезуитском приюте, как называет службы Военного ведомства сам генерал Бийо! Где же он, тот сильный, наделенный чувством разумного патриотизма кабинет министров, который найдет в себе смелость все там перестроить и обновить? Сколь многих из известных мне французов приводит в трепет мысль о возможной войне, потому что они знают, какие люди ведают обороной страны! В какой притон низких склочников, сплетников и мотов превратилась сия святая обитель, где вершится судьба отчизны! Ужас объял моих сограждан, когда дело Дрейфуса, «грязного еврея», принесенного в жертву страдальца, открыло им страшное чрево. Какая бездна полоумных затей, глупости и бредовых выдумок! Низкопробные полицейские приемы, ухватки инквизиторов и притеснителей, самоуправство горстки чинов, нагло попирающих сапожищами волю народа, кощунственно и лживо ссылающихся на высшие интересы государства, дабы заставить умолкнуть голоса, требующие истины и правосудия!

Они совершили злодеяние и тогда, когда прибегли к услугам продажных газет, когда позволили защищать себя всякому парижскому отребью. И вот ныне отребье нагло торжествует, а правосудие бездействует, и безмолвствует самая обыкновенная порядочность. Они совершили злодеяние, когда обвинили в намерении смутить совесть народа тех, кто жаждет возрождения Франции благородной, шествующей во главе свободных и справедливых народов, а сами тем временем вступили в гнусный сговор, дабы упорствовать в пагубной ошибке на глазах всего человечества. Они совершают злодеяние, отравляя общественное мнение, толкая на черное дело народ, который довели ложью до исступления. Они совершают злодеяние, когда одурманивают сознание простого люда и бедноты, потворствуют мракобесию и нетерпимости, пользуясь разгулом отвратительного антисемитизма, который погубит великую просвещенную Францию — родину «Прав человека», если она не положит ему конец. Они совершают злодеяние, играя на патриотических чувствах ради разжигания ненависти, они совершают, наконец, злодеяние, превращая военщину в современного идола, в то время как все лучшие умы трудятся ради скорейшего торжества истины и правосудия.

Великая скорбь сокрушает сердца наши, когда мы зрим эту истину и это правосудие, столь страстно призываемые нами, извращенными, попранными и оскверненными! Какое потрясение испытал, надо думать, г-н Шерер-Кестнер, и мне кажется, он неминуемо станет угрызаться, что не проявил должной решимости в тот день, когда делал запрос в сенате, не высказал всю правду до конца, не вырвал зло с корнем. Г-н Шерер-Кестнер, благородная личность, честнейший, порядочнейший человек, полагал, что истина не нуждается в доказательствах, тем более что она представлялась ему очевидной, как свет дня. Стоит ли все рубить под корень, раз и без того солнце скоро воссияет? За свою простодушную веру он и поплатился столь жестоко. То же случилось с подполковником Пикаром, который из чувства благородной порядочности не пожелал предать огласке письма генерала Гонза. Сия щепетильность тем более делает ему честь, что в то время, как он беспрекословно подчинялся воинской дисциплине, вышестоящие офицеры позволяли обливать его грязью и совершенно неожиданно сами повели против него в высшей степени оскорбительное следствие. Пред нами две жертвы, две чистые, доверчивые души, которые положились на бога, а дьявол тем временем

не сидел сложа руки. Более того, над подполковником Пикаром сотворили неслыханное беззаконие: французский суд сначала позволил публично напасть на свидетеля и обвинить его во всех смертных грехах, а затем, когда этот свидетель явился, дабы представить объяснения и защитить свою честь, назначил закрытое слушание. Я заявляю, что сие есть также злодеяние и что упомянутое беззаконие возбудит всеобщее возмущение. Положительно, военный суд имеет весьма странное представление о правосудии. Такова правда в ее неприкрашенном виде, господин Президент, и правда сия воистину ужасна, она бросает мрачную тень на годы Вашего пребывания во главе государства. Я догадываюсь, что не в Ваших силах было повлиять на ход дела, что Ваши руки были связаны конституцией и окружающими Вас людьми. И тем не менее человеческий долг требует Вашего вмешательства, долг, о котором Вы вспомните и который не преминете исполнить. Это отнюдь не значит, будто я хотя бы на миг усомнился в победе правого дела. Я вновь повторяю то, во что верую пламенно: истина шествует и никакие препоны не в силах остановить ее. Лишь теперь начинается настоящее дело Дрейфуса, ибо лишь теперь обозначились окончательно позиции противоборствующих сил: с одной стороны - злодеи, всеми неправдами стремящиеся похоронить истину, с другой стороны - правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосудия. И я вновь повторяю то, о чем говорил уже ранее: когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся. Преступники убедятся сами, что своими руками уготовали себе сокрушительное поражение. Однако письмо мое вышло длинным, господин Президент, пора его кончать.

Я обвиняю подполковника Дюпати де Клама в том, что он совершил тяжкий проступок, допустив — хочется верить, по неведению — судебную ошибку, и в течение трех лет упорствовал в сем пагубном заблуждении, пускаясь на самые нелепые и преступные ухищрения.

Я обвиняю генерала Мерсье в том, что он явился, в лучшем случае по слабости рассудка, пособником одного из величайших беззаконий нашего столетия.

Я обвиняю генерала Бийо в том, что он, располагая бесспорными доказательствами невиновности Дрейфуса, сокрыл их и нанес тем самым злостный ущерб обществу и правосудию, побуждаемый к тому политическими соображениями и помышляя спасти скомпрометировавшее себя верховное командование.

Я обвиняю генерала де Буадефра и генерала Гонза в том, что они стали соумышленниками того же преступления, один, несомненно, в силу своей приверженности церкви, другой — подчиняясь закону круговой поруки, благодаря которому Военное ведомство превратилось в непорочную, неприкасаемую святыню.

Я обвиняю генерала де Пелье и майора Равари в том, что они произвели злонамеренное расследование, то есть расследование, проникнутое духом возмутительного пристрастия, непревзойденным по бесхитростной дерзости шедевром коего является заключение упомянутого майора Равари.

Я обвиняю трех экспертов-графологов, сьёров Бельома, Варикара и Куара в том, что оные составили лживое и мошенническое заключение, если только врачебным освидетельствованием не будет установлено, что они страдают изъяном зрения и умственной неполноценностью.

Я обвиняю Военное ведомство в том, что оно вело на страницах газет, особенно таких, как «Эклер» и «Эко де Пари», грязную кампанию, направленную на то, чтобы ввести в заблуждение общественность и отвлечь внимание от преступной деятельности упомянутого ведомства.

Я обвиняю, наконец, военный суд первого созыва в том, что он нарушил закон, осудив обвиняемого на основании утаенной улики, и военный суд второго созыва в том, что он по приказу сверху покрыл оное беззаконие и умышленно оправдал заведомо виновного человека, нарушив, в свою очередь, правовые установления.

Выдвигая перечисленные обвинения, я отлично понимаю, что мне грозит[1] применение статей 30 и 31 Уложения о печати от 29 июля 1881 года, предусматривающего судебное преследование за распространение лжи и клеветы. Я сознательно отдаю себя в руки правосудия.

Что же касается людей, против коих направлены мои обвинения, я не знаком с ними, никогда их не видел и не питаю лично к ним никакого недоброго чувства либо ненависти. Для меня они всего лишь обобщенные понятия, воплощения общественного зла. И шаг, который я предпринял, поместив в газете это письмо, есть просто крайняя мера, долженствующая ускорить торжество истины и правосудия.

Правды – вот все, чего я жажду страстно ради человечества, столько страдавшего и заслужившего право на счастье. Негодующие строки моего послания – вопль души моей. Пусть же дерзнут вызвать меня в суд присяжных и пусть разбирательство состоится при широко открытых дверях!

Я жду.

Соблаговолите принять, господин Президент, уверения в совершенном моем почтении.

ИСТОЧНИК: Золя Эмиль. Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики//Собрание сочинений. В двадцати шести томах. - Т.26.- М.: Художественная Литература, 1967.- С. 216-232.

Дополнительная литература: Иван Кривушин. ДРЕЙФУСА ДЕЛО. http://www.krugosvet.ru/articles/115/1011539/print.htm

1 Понимаю, что мне грозит – 7 февраля 1898 г. Золя предстал перед судом присяжных; процесс тянулся две недели, здание суда было заполнено военными и националистами. Золя был приговорен к году тюрьмы и трем тысячам франков штрафа. По уговору друзей 19 июля Золя уехал в Англию.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

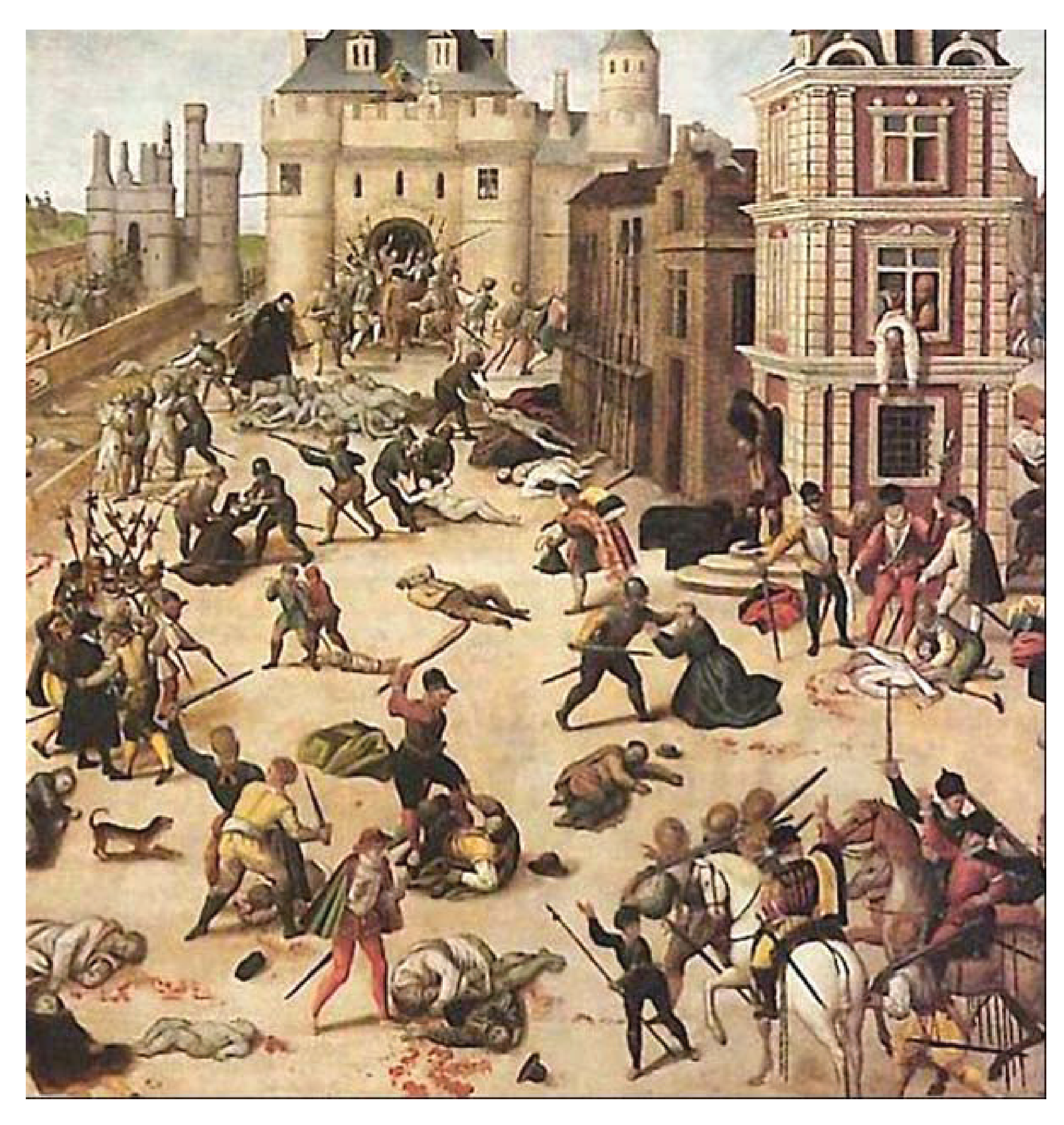
1. Был ли Золя уверен в справедливом вынесении приговора по делу Дрейфуса, когда он вступил в эту полемику?
2. Почему Золя выразил удивление относительно того, что могущественные люди и обычные люди со своими женами и детьми, скрывая правду, совершали зло?
3. Означает ли дисциплина подчинение? Почему да? Почему нет?
4. Что имел в виду Золя, когда утверждал: «... Когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся»? Согласны ли вы с этим высказыванием? Почему да? Почему нет?
5. Согласны ли вы с Эмилем Золя, когда он пишет: «Они совершают злодеяние, играя на патриотических чувствах ради разжигания ненависти, они совершают, наконец, злодеяние, превращая военщину в современного идола, в то время как все лучшие умы трудятся ради скорейшего торжества истины и правосудия»?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Сходны ли, с вашей точки зрения, взгляды Толстого и Золя относительно ценности справедливости? Почему да? Почему нет?
2. Насколько литературный подход облегчил или усложнил ваше понимание концепции справедливости? Как он облегчил ваше понимание? Или усложнил?
3. Существуют ли противоречия в идеях, предложенных Толстым и Золя? Каковы эти противоречия?
4. Верит ли кто-либо из них в добрую волю лидеров? Что это говорит о лидерстве в целом?
5. Согласно трем мыслителям, какие отношения существуют между лидерами и их последователями? С кем из них вы согласны?
6. Что такое антисемитизм, и почему он был так распространен в Европе в то время?
7. Сталкиваетесь ли вы со случаями антисемитизма сегодня? Если да, то какое чувство это у вас вызывает?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Emile Zola, Biography and Woks, www.en.wikipedia.org/wiki/Emile_Zola
- J’accuse by Emile Zola, www.chameleon-translations.com/sample-Zola.shtml
- World Art, Emile Zola, www.world-art.ru/people.php?id=18678
- The life of Emile Zola, www.imdb.com/title/tt0029146/



Франсуа Дюбуа. Варфоломеевская ночь

ГЛАВА ПЯТАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

С социологической точки зрения вопрос справедливости склоняется в сторону распределительной справедливости. Кому принадлежат власть и богатство, и какая существует степень классовых различий? Как это позволяет улучшить социальный статус в обществе? Произведения, представленные в этой главе, рассматривают вопрос мотивации для накопления богатства, общественных ценностей, которые поощряют развитие свободы и экономический рост, а также борьбу для достижения социального равенства.

В первом произведении мы находим основу для развития этики протестантизма, которая считается важнейшей для роста капитализма, развития демократии и рационализации человеческого и институционального поведения. По мере поворота протестантского движения к самоанализу и критическому пересмотру поведения каждого, десакрализация ритуала и «религиозная рационализация мира» позволили заложить основы для капитализма и демократии. Удивительно, но в корне капитализма лежит аскетизм. Труд и производство материальных ценностей переводятся в видимое свидетельство добродетели того или иного лица и милости Божьей. Справедливый мир – это тот, где труд ценится превыше всего, а накопление материальных благ считается праведным делом. Действительно, «буржуазная экономическая этика» была установлена. Как следствие, неравное распределение материальных благ было установлено провидением. Таким образом, поиск социальной справедливости мог быть только в ранние годы развития капитализма.

Второй текст рассматривает вопрос совместимости конфуцианства с демократией. В этом произведении поднимается не вопрос пропаганды конфуцианством личной свободы и равенства, а вопрос продвижения семьи в качестве основной ячейки общества в азиатском сознании. Именно относительная независимость семьи и ее труда продвигает развитие, как экономическое, так и образовательное. В тексте выдвигается аргумент, что образование, а не индивидуализм диктует большее участие в управлении (демократии).

В третьем произведении поднимается проблема социального равенства и социологии революции. В качестве основных причин революции отмечены голод и пищевой инстинкт, подавление импульса права собственности, подавление инстинкта самосохранения, полового инстинкта, подавление импульсов свободы, самовыражения и пр. Таким образом, поиск социальной справедливости может при определенных условиях приобрести насильственный характер. Читателю предлагается рассмотреть каждую из вышеуказанных причин в свете современных революций. Кроме того, читатель может попытаться ответить на вопрос о достижимости справедливости без революций и насилия.

Четвертое произведение вновь возвращает читателя к дискуссии о взаимосвязи духовных и нравственных ценностей с социально-экономическим развитием общества, но теперь в более глобальном масштабе, включая исламский контекст. Таким образом, какие ценности предшествовали развитию Запада? Какие ценности, традиции, привычки могут мешать нашему развитию сегодня?



Карл Оффтердингер. Робинзон Крузо и Пятница

МАКС ВЕБЕР.
ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА



Макс Вебер (1864-1920) – немецкий историк, экономист и юрист, основатель таких дисциплин, как социология и государственное управление. Наиболее известными его работами являются «Древний иудаизм», «Протестантская этика и дух капитализма», «Религия Китая: конфуцианство и даосизм», «Религия Индии: социология индуизма и буддизма», «Хозяйство и общество» и «Социология политики и правительства». Его идеи до сих пор продолжают воздействовать на социальные науки: концепция протестантской этики, теория идеальных типов, а также бюрократии и политики как призвания.

РЕЛИГИОЗНАЯ ОСНОВА МИРСКОГО АСКЕТИЗМА

[…] Пиетизм Европейского континента и методизм англосаксонских народов являются вторичными образованиями как по своему идейному содержанию, так и по своему историческому развитию. В отличие от них вторым оригинальным направлением протестантского **аскетизма** можно (наряду с **кальвинизмом**) считать перекрещенство и вышедшие из него в течение XVI—XVII вв. (непосредственно или путем восприятия форм его религиозного мышления) секты **баптистов**, **меннонитов** и прежде всего квакеров. Эти секты предстают перед нами в виде религиозных общин, этика которых основана на принципиально иной основе, чем реформатское учение. Последующий набросок, в котором рассматриваются лишь важные для нашего исследования черты, ни в коей степени не претендует на исчерпывающую характеристику этого сложного и многообразного явления. Основной интерес для нас и в данном случае представляет, конечно, эволюция названных сект в странах раннего развития капитализма. Выше мы уже касались в ее начатках той важнейшей для всех этих деноминаций, как в историческом, так и в теоретическом плане, идеи, все значение которой для развития культуры может быть вполне отчетливо понято лишь в другой связи. Мы имеем в виду «believers' church». Само это наименование означает, что религиозная община, «видимая церковь», по терминологии реформированных учений, рассматривается уже не как своего рода **фидеикомисс** по делам загробной жизни, не как учреждение, по самой природе своей призванное охватывать как праведников, так и грешников, будь то к вящей славе Божьей (как в кальвинизме) или в качестве посредника для передачи людям средств спасения (как в католичестве и лютеранстве), а исключительно как сообщество лично верующих и возрожденных, и только их одних. Другими словами, перед нами уже не «церковь», а «секта». Именно это должно было символизировать само по себе чисто внешнее требование — крестить только взрослых, внутренне сознательно воспринявших веру и исповедующих ее. «Оправдание» посредством этой веры, что постоянно подчеркивалось во всех религиозных беседах перекрещенцев, резко отличалось от идеи «внешнего» по-

аскетизм -
строгий образ жизни с отказом от жизненных благ и удовольствий

кальвинизм (пуританство) **-**
направление протестантизма, основанное французским теологом и проповедником Жаном Кальвином. Для кальвинизма особенно характерны: доктрина об абсолютном предопределении, проповедь «мирского аскетизма», республиканское устройство церкви

баптист -
последователь баптизма, одного из направлений протестантского христианства, отвергает крещение младенцев (не осознанное), признавая сознательное крещение по личной вере при наличии твердых христианских убеждений и отказа от греховного образа жизни

меннониты -
одна из протестантских деноминаций, получившая название от своего основателя Симониса Меннона (1496-1561), голландца по происхождению. Меннонитство отличается «миролюбивым и умеренным» характером, никогда не призывает к насилию и злу, заставляя задуматься о самосовершенствовании своей души

нимания заслуги Христа, господствовавшей в ортодоксальной догматике старого протестантизма. Для перекрещенцев оправдание верой состояло во внутреннем восприятии искупительной жертвы Христа. И достигалось оно лишь индивидуально, воспринятым откровением, то есть действием в отдельном человеке духа Господня, и только им. Откровение доступно каждому: для этого достаточно пребывать в готовности и не препятствовать приближению святого духа грешной приверженностью к мирской жизни.

[176]

Значение веры как знания церковного учения или как готовности покаянием обрести спасение тем самым отошло на второй план, вытесненное своего рода возрождением богодухновенной религиозности раннего христианства, возрождением, безусловно оказавшим большое преобразующее влияние. Так, например, секта, для которой Менно Симонс в своем «Fondarnent-boek» (1539) впервые создал некоторое подобие законченного учения, стремилась, подобно другим сектам, вышедшим из перекрещенства, к тому, чтобы быть истинной и незапятнанной Христовой церковью, поскольку она, подобно первой христианской общине, состояла исключительно из людей, пробужденных и призванных Богом. Возрожденные, и только они, — братья Христовы, потому что они, подобно ему, духовно непосредственно созданы Богом. Из этого для первых анабаптистских общин следовало отдаление от «мира», то есть отказ от всякого общения с мирянами вне рамок абсолютной необходимости, и строжайшее следование Библии на пути построения своей жизни по образцу первых поколений христиан. Это требование отдаления от мира не теряло своей силы, пока был жив дух учения первых общин. Баптистские секты восприняли из этих господствовавших на заре их истории идей принцип, известный нам с несколько иным обоснованием уже из анализа кальвинизма, фундаментальное значение которого станет очевидным в ходе дальнейшего изложения. Речь идет о полном отказе от «обожествления рукотворного», ибо оно обесценивает то благоговение, объектом которого может быть только Бог. Первые поколения швейцарских и верхненемецких анабаптистов полностью подчиняли свою жизнь требованиям Библии, которую они толковали столь же радикально, как некогда св. Франциск: в их понимании речь шла о полном забвении всех мирских радостей, о жизни по апостольскому образцу. И в самом деле, жизнь многих **анабаптистов** первых поколений возвращает нас ко временам св. Эгидия. Однако это строгое следование Библии не могло быть достаточно последовательным ввиду богодухновенного характера этой религиозности. То, что Бог открыл пророкам и апостолам, отнюдь не составляло всего того, что он вообще мог и хотел открыть. Напротив, как учил **Швенкфельд**, выступая против Лютера, а позже Фокс, выступая против просвитериан, единственным признаком истинной церкви, по свидетельству первых христианских общин, было продолжающееся действие слова не как письменного свидетельства, а как постоянно действующей в повседневной жизни верующих силы святого духа, который непосредственно обращается к каждому, готовому услышать его.

[177]

Из этой идеи продолжающегося откровения вышло известное учение, последовательно разработанное квакерами, о решающем значении внутреннего голоса, непосредственного свидетельства святого духа, познаваемого разумом и совестью. Тем самым устранялось если не значение, то абсолютное господство

фидеикомисс (от лат. fides - вера, доверие, добросовестность и committere - поручать) **-** поручение наследодателя наследнику выдать часть имущества третьему лицу, а также само это имущество

анабаптисты - участники радикального сектантского движения эпохи Реформации (16в.), в основном в Германии, Швейцарии, Нидерландах, призывавшие к повторному крещению в сознательном возрасте, введению общности имущества, жен, образовали Мюнстерскую коммуну (1524-1535), были разгромлены

Швенкфельд Каспар - основатель еще одного направления Реформации, которому был присущ необычный симбиоз «спиритуализма» и «рационализма», при котором человеческий дух превосходил по важности богодухновенное Слово Божье

Библии и одновременно было положено начало тому развитию, в ходе которого было полностью покончено с церковным учением о спасении души, а в конечном итоге у квакеров — и с крещением и причащением. Баптистские деноминации так же, как и сторонники учения о предопределении, прежде всего строгие кальвинисты, осуществили радикальное обесценение всех таинств в качестве средств спасения и тем самым произвели религиозное «расколдование» мира со всеми вытекающими отсюда последствиями. Лишь «внутренний свет» продолжающегося откровения ведет к подлинному пониманию того божественного откровения, которое дано в Библии. С другой стороны, действие внутреннего света могло, по крайней мере согласно учению квакеров, которые довели эту идею до ее логического конца, простираться и на людей, вообще не знавших божественного откровения, данного в Библии. Слова «**extra ecclesiam nulla salus**» это учение относило к невидимой церкви осененных божественной благодатью людей. Без внутреннего света природный человек, даже руководствующийся естественным разумом, остается лишь тварью, и его отдаленность от Бога ощущается баптистами всех типов и квакерами едва ли не острее, чем кальвинистами. С другой стороны, возрождение, которое творится духом, если мы ждем его и внутренне отдаем себя в его власть, может, поскольку оно от Бога, привести к состоянию столь полного преодоления греха, что возврат в прежнее состояние или даже утрата состояния благодати становятся фактически невозможными, хотя, как позже утверждали методисты, достижение подобного состояния не считалось правилом и степень совершенства отдельного человека рассматривалась скорее в некоем развитии. Все баптистские объединения хотели быть «чистыми» общинами в том смысле, что обращение их членов должно быть безупречным.

[178]

Внутреннее отъединение от мира и его интересов, безусловная покорность Богу, говорящему нам через посредство нашей совести, были единственно безошибочным признаком подлинного возрождения, а соответствующее ему поведение, следовательно, — необходимой предпосылкой спасения. Его нельзя было заслужить, это — дар божественной благодати. Однако считать себя возрожденным мог лишь тот, кто руководствовался внутренним голосом совести. В этом смысле «добрые дела» были **causa sine qua non**. Очевидно, что этот ход мыслей Барклея, который мы здесь излагали, практически ничем не отличался от реформатского учения; нет никакого сомнения в том, что эти идеи развивались под влиянием кальвинистской аскезы, которое баптистские секты испытали в Англии и Нидерландах; весь первый период миссионерской деятельности Фокса был посвящен проповеди о необходимости воспринять со всей серьезностью основные положения кальвинистской аскезы.

Поскольку учение о предопределении потеряло свое прежнее значение, психологической основой специфически методического характера баптистской

extra ecclesiam nulla salus (лат.) - вне церкви нет спасения

causa sine qua non (лат.) - обязательным условием

нравственности стало прежде всего «ожидание» воздействия святого духа — идея, и в наши дни еще накладывающая свой отпечаток на квакерский «meeting», сущность которого Барклей прекрасно определил следующим образом: цель этого молчаливого ожидания — преодоление всего инстинктивного и иррационального, страстей и субъективности «природного» человека. Он должен молчать для того, чтобы в душе его установилась та глубокая тишина, которая является необходимым условием для восприятия гласа Божьего. Правда, подобное «ожидание» могло привести к истерическому состоянию, пророчеству и, пока еще живы были **эсхатологические** чаяния, подчас и к взрыву **хилиастического** энтузиазма, что вполне возможно в рамках религиозных учений такого рода и действительно было свойственно уничтоженным в Мюнстере анабаптистским общинам. Однако по мере того, как баптизм входил в сферу светской профессиональной жизни, идея, согласно которой глас Божий слышен лишь там, где молчит тварь, стала содействовать воспитанию в человеке способности спокойно взвешивать свои поступки и анализировать их посредством постоянного обращения к своей совести.

[179]

Эти черты спокойствия, трезвости и исключительной совестливости в самом деле характеризуют жизненную практику позднейших баптистских общин, и в первую очередь квакеров. Радикальное расколдование мира внутренне не допускало иного пути, кроме мирской аскезы. Для общин, не желавших вступать в какие бы то ни было отношения с политической властью, формально оставалась лишь одна возможность — направить названные аскетические добродетели в колею профессиональной деятельности. Если основатели анабаптистских общин были в своем неприятии мира последовательны и радикальны, то уже для первого поколения анабаптистов строгая апостольская жизнь не была обязательным для всех условием возрождения. Уже в этом поколении к анабаптистам принадлежит ряд зажиточных **бюргеров**, и уже до Менно, полностью признававшего мирские профессиональные добродетели и частную собственность, суровая строгость анабаптистской нравственности практически пошла по пути, проложенному реформатской этикой, именно потому, что развитие монашеских форм внемирской аскезы со времен Лютера (которому в этом вопросе анабаптисты следовали) считалось противоречащим Библии и было объявлено **синергизмом**. Правда (даже если оставить в стороне некоторые полукоммунистические общины ранних периодов), следует указать на то, что отказ от образования и от всякого имущества сверх необходимого для существования не только вплоть до наших дней входит в программу баптистской секты так называемых «тункеров» (dom-pelaers, dunckgards), но и Барклей рассматривал верность человека своему призванию не в кальвинистском или хотя бы в лютеранском, а скорее в томистском духе как **naturali ratione** неизбежное следствие жизни верующих в миру. Несмотря на то что эти взгляды являли собой такое же ослабление кальвинистской теории профессионального призвания, как ряд высказываний Шпенера и немецких пиетистов, в силу ряда моментов интенсивность экономических профессиональных интересов в баптистских сектах усиливалась — отчасти из-за отказа занимать государственные должности, первоначально воспринимаемого как религиозный долг, связанный с уходом от мира. Из-за строгого запрещения носить оружие и приносить присягу, что неизбежно вело к невозможности занимать многие государственные должности, этот отказ сохранял, во всяком случае у меннонитов и квакеров, свою практическую действенность даже тогда, когда он утерял свое принципиальное значение.

эсхатология - религиозное учение о конце истории и конечной судьбе мира

хилиазм - вера в «тысячелетнее царство» бога и праведников на земле, т.е. в осуществление мистически понятого идеала справедливости еще до конца мира

бюргер - городской житель

синергизм (греч. «вместе действующий») - это комбинированное воздействие двух или более факторов, характеризующееся тем, что их объединенное биологическое действие существенно превосходит эффект отдельно взятого компонента и их суммы. Например, знания и усилия нескольких человек организуются таким образом, что они взаимно усиливаются

naturali ratione (лат.) - в силу естественных причин

[180]

Ему сопутствовала глубокая, непреодолимая антипатия всех баптистских деноминаций ко всему, что было связано с аристократическим образом жизни: это отчасти объяснялось тем, что баптизм (как и кальвинизм) запрещал восхваление рукотворного, отчасти же было следствием вышеупомянутых аполитичных или даже антиполитичных принципов. Тем самым трезвая и контролируемая голосом совести методичность жизненного поведения баптистов полностью направлялась в русло не связанной с политикой профессиональной деятельности. При этом громадное значение, которое баптистское учение о спасении души придавало контролированию своих действий совестью (воспринимаемому как акт божественного откровения индивида), накладывало на деловую практику баптистов глубокий отпечаток; с его ролью в развитии важных аспектов капиталистического духа мы познакомимся ближе в ходе дальнейшего изложения, да и то лишь постольку, поскольку это возможно в рамках данной работы, не затрагивающей область политической и социальной этики протестантской аскезы. Тогда мы увидим (мы несколько забегаем вперед), что специфическая форма, которую мирская аскеза принимает у баптистов, в частности у квакеров, уже по мнению людей XVII в., находила свое отражение в практическом утверждении важного принципа капиталистической «этики», согласно которому «**honesty is the best policy**», получившего свою классическую формулировку в цитированном выше трактате Франклина. Что же касается воздействия кальвинизма, то мы предполагаем, что оно сказывалось главным образом в освобождении частнохозяйственной энергии внутри предприятия, ибо, несмотря на формальную легальность практической деятельности «святых», и у кальвинистов часто возникало сомнение, которое Гёте выразил в следующих словах: «Действующий всегда бессовестен, совесть может быть лишь у наблюдающего».

[181]

Второй существенный момент, способствовавший росту интенсивности мирской аскезы баптистских деноминаций, также может быть охарактеризован в своем полном объеме лишь в другой связи. Однако и по этому пункту здесь уместно сделать несколько замечаний для пояснения избранного нами хода мыслей. До сих пор мы совершенно сознательно отправлялись не от объективно существующих социальных институтов старопротестантских церквей и их этических влияний и, в частности, оставили вне сферы нашего рассмотрения столь важный фактор, как церковная дисциплина, мы преднамеренно концентрировали свое внимание на том воздействии, которое способна оказывать на жизненный уклад верующего субъективно воспринятая им аскетическая религиозность. И не только потому, что эта сторона проблемы до сих пор оставалась малоизученной, но и по той причине, что воздействие церковной дисциплины отнюдь не всегда шло в одном направлении. Церковно-полицейский контроль над жизнью верующих в том виде,

honesty is the best policy (англ.) - честность - наилучшая политика

как он осуществлялся в сфере господства кальвинистских государственных церквей, мало чем отличаясь от методов **инквизиции**, мог в ряде случаев даже противодействовать (и при известных обстоятельствах действительно противодействовал) тому освобождению индивидуальных сил, которое было обусловлено аскетическим стремлением к методической разработке средств спасения. Подобно тому как меркантилистская регламентация со стороны государства могла содействовать развитию отдельных отраслей промышленности, но сама по себе не влияла на утверждение капиталистического «духа» (который она скорее парализовала там, где проявлялся ее полицейско-авторитарный характер), так и церковная регламентация аскезы могла приводить к обратным результатам в том случае, если в ходе ее развития начинали преобладать полицейские черты: тогда она принуждала верующих к соблюдению определенных внешних требований поведения, но подчас парализовала субъективные импульсы к методическому строю жизни. При изучении этого вопроса всегда следует иметь в виду коренное различие между воздействием авторитарной полиции нравов государственных церквей и основанной на добровольном подчинении полиции нравов сект. То обстоятельство, что баптистское движение во всех своих разновидностях принципиально создавало не «церкви», а «секты», в такой же мере способствовало росту интенсивности его аскезы, как это — в различной степени — имело место у тех кальвинистов, пиетистов и методистов, которые логикой вещей вынуждены были вступить на путь волюнтаристского образования общин.

[182]

Теперь, после того как мы попытались кратко рассмотреть религиозное обоснование пуританской идеи профессионального призвания, мы обратимся к изучению влияния, которое эта идея оказала в сфере предпринимательской деятельности. При всех отклонениях в каждом отдельном случае и при всем различии в степени акцентирования аскетическими религиозными общинами интересующих нас черт эти черты существовали во всех общинах такого рода и повсюду оказывали определенное воздействие. Решающим для нашей концепции является то обстоятельство, что во всех разновидностях изучаемых нами аскетических течений «состояние религиозной избранности» воспринималось как своего рода сословное качество (status), которое ограждает человека от скверны рукотворного, от «мира». Гарантией этого состояния независимо от того, каким образом оно достигается, в соответствии с догматическим учением данной деноминации, служит не какое-либо магически-сакраментальное средство, не отпущение грехов после исповеди, не отдельные благочестивые поступки, а одно лишь утверждение избранности посредством специфического по своему характеру поведения, коренным образом отличающего избранника от «природного» человека. На этой основе у отдельного человека возникал импульс к методическому контролированию своего поведения (для того, чтобы обрести уверенность в своем избранничестве) и тем самым к его аскетическому преобразованию. Этот аскетический стиль жизни сводился, как мы уже видели, к ориентированному на божественную волю рациональному преобразованию всего существования. Такая аскеза была уже не **opus supererogationis**, а задачей, которую мог выполнить каждый, кто стремился обрести уверенность в своем спасении. Решающим было то, что этот требуемый религией, отличный от «природного» существования, особый уклад жизни святых складывался теперь не вне мира в монашеских организациях, а внутри мирского устройства. Названная рационализация жизни в миру,

инквизиция (от лат . inquisitio - розыск) - судебно-полицейское учреждение католической церкви для борьбы с ересью

opus supererogationis (лат.) - избыточным делом

ориентированная на потустороннее блаженство, была следствием концепции профессионального призвания аскетического протестантизма.

[183]

Христианская аскеза, устремившаяся вначале из мирской жизни в затворничество, уже в стенах монастыря господствовала в лице церкви над миром, от которого она отреклась. При этом, однако, она не посягала на естественные, непосредственные черты мирской повседневной жизни. Теперь же она вышла на житейское торжище, захлопнула за собой монастырские врата и стала насыщать мирскую повседневную жизнь своей методикой, преобразуя ее в рациональную жизнь в миру, но не от мира сего и не для мира сего. Результаты этого мы попытаемся показать в нашем дальнейшем изложении.

АСКЕЗА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ДУХ

Для понимания связи между основными религиозными идеями аскетического протестантизма и правилами экономических будней необходимо прежде всего обратиться к тем богословским произведениям, которые выросли из повседневной душеспасительной практики. Ибо в те времена, когда мысли о потустороннем мире заполняли жизнь людей, а от допущения к причастию зависело социальное положение христианина, когда значение духовника в деле спасения души, в осуществлении церковной дисциплины и в качестве проповедника достигало такой степени, о которой мы, современные люди, просто не можем составить себе представления (для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к собраниям «**consilia**», «**casus conscientiae**» и т.п.), — в те времена движущие религиозные идеи, накладывавшие свой отпечаток на данную практику, решающим образом формировали «национальный характер».

В настоящем разделе в отличие от последующих мы можем рассматривать аскетический протестантизм как некое единство. Поскольку, однако, наиболее последовательное обоснование идее профессионального призвания дает выросший на почве кальвинизма английский пуританизм, мы в соответствии с нашей принципиальной установкой ставим одного из его представителей в центр нашего исследования. Ричард Бакстер отличается от многих других литературных представителей пуританской этики ярко выраженной практической и миролюбивой направленностью и вместе с тем всеобщим признанием — его работы постоянно переиздавались и переводились на другие языки.

[184]

Пресвитерианин и **апологет** Вестминстерского **синода**, он вместе с тем, как многие лучшие умы той эпохи, постепенно отходил от строгой кальвинистской догматики; противник в душе кромвелевской **узурпации** власти, как и вообще любой революции, чуждый сектантству и фанатическому рвению «святых», он

consilia (лат.) - советы

casus conscientiae (лат.) - вопросы совести

пресвитерианин - последователь пресвитерианства, религиозного протестантского вероучения

апологет - (от греч. apologetes – сторонник, защитник) - активный защитник какой-либо идеи, учения, порядков

синод (греч. synodos - собрание) - совещательный орган при главах католической и некоторых православных церквей; состоит из высших церковных чинов

узурпация (от лат. usurpatio - овладение) - насильственный захват власти или присвоение себе чужих прав на что-либо

вместе с тем проявлял большую широту взглядов в оценке внешних специфических особенностей и объективность по отношению к своим противникам. Сферу своей деятельности Бакстер стремился ограничить практическими проблемами церковно-нравственной жизни и, будучи одним из самых выдающихся среди всех известных духовников, он служил на этом поприще парламенту, Кромвелю и **Реставрации** вплоть до того момента, когда он одним из последних — уже незадолго до **дня св. Варфоломея** — ушел со своей должности. Его «**Christian directory**» — наиболее полный **компендиум** моральной теологии пуритан, полностью основанный на личном практическом опыте спасения души. Ввиду недостатка места мы переносим в примечания основные данные, необходимые для сопоставления «Теологических размышлений» Шпенера как образца немецкого пиетизма с «Апологией» Роберта Барклея (квакерство) и работами других представителей аскетической эпохи.

Если обратиться к «Вечному покою святых» Бакстера, к его «Christian directory» или к близким им работам других авторов, то в их суждениях о богатстве и способе его приобретения сразу же бросается в глаза акцент на эбионитические элементы новозаветного откровения. Богатство как таковое таит в себе страшную опасность, искушения его безграничны; стремление к богатству не только бессмысленно по сравнению с бесконечно превышающим его значением царства Божьего, но вызывает сомнения и нравственного порядка. Здесь аскеза направлена, по-видимому, против любого стремления к мирским благам, притом значительно более резко, чем у Кальвина. Кальвин не видел в богатстве духовных лиц препятствия для их деятельности; более того, он усматривал в богатстве средство для роста их влияния, разрешал им вкладывать имущество в выгодные предприятия при условии, что это не вызовет раздражения в окружающей среде.

[185]

Из пуританской литературы можно извлечь любое количество примеров того, как осуждалась жажда богатства и материальных благ, и противопоставить их значительно более наивной по своему характеру этической литературе средневековья. И все эти примеры свидетельствуют о вполне серьезных предостережениях; дело заключается, однако, в том, что подлинное их этическое значение и обусловленность выявляются лишь при более внимательном изучении этих свидетельств. Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия — бездействие и плотские утехи — и прежде всего ослабление стремления к «святой жизни». И только потому, что собственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. Ибо «вечный покой» ждет «святых» в потустороннем мире, в земной жизни человеку, для того чтобы увериться в своем спасении, должно делать дела пославшего его, доколе есть день. Не бездействие и наслаждение, а лишь деятельность служит приумножению славы Господней согласно недвусмысленно выраженной воле Его. Следовательно, главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для «подтверждения» своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, «пустую болтовню», роскошь, даже на превышающий необходимое время сон — не более шести, в крайнем случае восьми часов — морально совершенно недопустима. Здесь еще не вошло в употребление изречение «время — деньги», которое нашло себе место в трактате Бенджамина Франклина, однако в духовном

Реставрация - период вторичного правления династии Бурбонов в 1814-1815 (1-я Р.) и в 1815 -1830 (2-я Р.)

день св. Варфоломея (Варфоломеевская ночь) **-** 24 августа. В ночь на 24 августа 1572 года в Париже произошла массовая резня гугенотов (Варфоломеевская ночь), организованная Екатериной Медичи и Гизами

«**Christian directory**» (англ.) **-** «Напутствия христианам»

компендиум - здесь: сжатое, суммарное изложение основных положений какой-либо науки и т.п.

смысле эта идея в значительной степени утвердилась; время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан приумножению славы Его. Пустым, а иногда даже вредным занятием считается поэтому и созерцание, во всяком случае тогда, когда оно осуществляется в ущерб профессиональной деятельности. Ибо созерцание менее угодно Богу, чем активное выполнение его воли в рамках своей профессии. К тому же для занятий такого рода существует воскресенье. По мнению Бакстера, люди, бездеятельные в своей профессии, не находят времени и для Бога, когда приходит час Его.

[186]

Все основное произведение Бакстера пронизывает настойчивая, подчас едва ли не страстная проповедь упорного, постоянного физического или умственного труда. В этом обнаруживается влияние двух мотивов. Прежде всего труд издавна считался испытанным аскетическим средством: в качестве такового он с давних пор высоко ценился церковью Запада в отличие не только от Востока, но и от большинства монашеских уставов всего мира. Именно труд служит специфической превентивной мерой против всех тех — достаточно серьезных — искушений, которые пуританизм объединяет понятием «**unclean life**». Ведь сексуальная аскеза пуританизма отличается от монашеской лишь степенью, а не основополагающим принципом, а поскольку она простирается и на брачную жизнь, то сфера ее действия более обширна. Ибо половая жизнь в браке также допустима лишь как угодное Богу средство для приумножения славы Его согласно завету: «Плодитесь и множитесь». В качестве действенного средства против соблазнов плоти предлагается то же, что служит для преодоления религиозных сомнений и изощренного самоистязания: наряду с диетой, растительной пищей и холодными ваннами предписание: «Трудитесь в поте лица своего на стезе своей».

Однако труд выходит по своему значению за эти рамки, ибо он как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека. Слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» — становятся общезначимым и обязательным предписанием. Нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати.

Здесь отчетливо обнаруживается отличие от средневекового отношения к этой проблеме. Фома Аквинский тоже дал свое толкование этих слов апостола Павла. Однако в его истолковании труд лишь naturali ratione необходим для поддержания жизни как отдельного человека, так и человечества в целом. Там, где отсутствует эта цель, теряет свою силу и это предписание. Оно имеет в виду лишь род человеческий, а не каждого человека в отдельности.

[187]

На того, кто обладает необходимым имуществом и может существовать не работая, это предписание не распространяется; что же касается созерцания как духовной формы деятельности в царстве Божьем, то в средневековом понимании

unclean life (англ.) - нечистая жизнь

оно было, конечно, выше завета апостола Павла в его буквальном значении. Ведь для популярного богословия высшей формой монашеской «производительности» было умножение «**thesaurus ecclesiae**» молитвой и пением в хоре. У Бакстера же не только отсутствует подобная этическая интерпретация трудовых обязанностей, но всячески подчеркивается, что богатство не освобождает от этого безусловного требования апостола Павла. Имущий также да не ест, если он не работает, ибо, если он и не нуждается в работе для удовлетворения своих потребностей, это не меняет того, что заповедь Божья остается в силе, и он обязан блюсти ее так же, как соблюдает ее бедный. Провидение Господне дало каждому профессию (calling), которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться; это профессиональное призвание здесь не судьба, с которой надо примириться и которой надо покорно следовать (как в лютеранстве), а требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его. И такой как будто незначительный оттенок имел далеко идущие психологические последствия и способствовал дальнейшему утверждению того **провиденциального** толкования экономического космоса, которое было известно уже **схоластам**.

Фома Аквинский (от учения которого нам в данной связи наиболее уместно отправляться), подобно многим другим мыслителям, рассматривал разделение труда и деление общества по профессиям как прямое следствие божественного плана мирового устройства. Введение же человека в этот космос происходит **ex causis naturalibus** и случайно по своему характеру («contingent», по терминологии схоластов). Для Лютера распределение людей по существующим сословиям и профессиям в соответствии с объективным историческим устройством общества было, как мы уже видели, прямой эманацией божественной воли, а пребывание каждого человека на своем месте и его деятельность в рамках, установленных для него Богом, превращались, следовательно, в религиозный долг. Это еще усугублялось тем, что отношение лютеровской религиозности к «миру» с самого начала носило характер некоторой неопределенности и таковым оставалось и в дальнейшем.

[188]

Из круга идей Лютера, который полностью так и не освободился от влияния апостола Павла с его индифферентным отношением к мирской жизни, нельзя было вывести этические принципы мирового устройства, поэтому его приходилось просто принимать таким, как оно есть, преобразуя покорное приятие его в религиозный долг. Иначе трактуется провиденциальный характер взаимопереплетения частнохозяйственных интересов в пуританском учении. О значении провиденциальной цели, в соответствии с которой люди делятся по профессиям, мы, согласно пуританской схеме прагматического толкования, узнаем по плодам этого деления. По этому вопросу Бакстер высказывает взгляды, которые в ряде моментов прямо соприкасаются с известным апофеозом разделения труда у Адама Смита. Специализация ведет, способствуя выучке (skill) рабочего, к количественному повышению производительности труда и тем самым служит общему благу (common best), которое тождественно благу наибольшего числа людей. Если до этого момента мотивация Бакстера чисто утилитарна и близка многим хорошо известным взглядам, высказываемым в светской литературе того времени, то чисто пуританский оттенок его идей выступает сразу, как только Бакстер ставит во главу угла следующий мотив: «Вне определенной профессии всякая дополнительная деятельность не что иное, как случайная работа; выполняя ее, человек больше времени лентяйничает, чем

thesaurus ecclesiae (лат.) - сокровищницы церкви

провиденциальный (от лат . providentia - провидение) - обусловленный волей провидения (божества); предопределенный

схоласт - 1) последователь схоластики; 2) перен. тот, кто склонен к бесплодным умствованиям

ex causis naturalibus (лат.) - по законам природы

трудится». Это изречение Бакстер завершает следующим образом: «Он (работник определенной профессии) занят упорядоченной деятельностью, в отличие от тех, кто пребывает в вечном замешательстве, совершая свои действия вне постоянного места и времени ... поэтому определенная профессия («certain calling», в других местах говорится о «stated calling») является наивысшим благом для каждого человека». Случайную работу, которую часто вынужден выполнять рядовой поденщик, следует рассматривать как подчас неизбежное, но всегда нежелательное временное занятие. В жизни человека «без определенной профессии» отсутствует тот систематически-методический характер, который является, как мы видели, непременным требованием мирского аскетизма.

[189]

Квакерская этика также требует, чтобы профессиональная деятельность человека являла собой последовательное аскетическое воспитание добродетели, испытание его избранности; избранность воплощается в добросовестности, которая в свою очередь находит свое отражение в тщательном и методичном выполнении своих профессиональных обязанностей. Не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. В пуританском учении о профессиональном призвании ударение делается всегда на методическом характере профессиональной аскезы в отличие от интерпретации Лютера, который рассматривает профессиональную деятельность как покорность своей предрешенной Богом участи. Поэтому пуританское учение не только решительно высказывается в пользу сочетания нескольких callings при условии, что это будет способствовать общему и собственному благу и никому не принесет ущерба и что такое сочетание разных профессий не приведет к недобросовестному (unfaithful) выполнению своих обязанностей в рамках одной из них, но пуритане отнюдь не считают достойной порицания и перемену профессии, если только это не совершается легкомысленно и проистекает из желания заняться более угодной Богу — что, исходя из общей принципиальной направленности пуританства, означает более полезной — деятельностью. И еще одно, и это самое важное: полезность профессии и, следовательно, ее угодность Богу в первую очередь определяются с нравственной точки зрения, затем степенью важности, которую производимые в ее рамках блага имеют для «всего общества»; однако в качестве третьего и практически безусловно наиболее важного критерия выступает ее «доходность». Ибо если Бог, перст которого пуританин усматривает во всех обстоятельствах своей жизни, представляет кому-нибудь из своих избранников какой-либо шанс для извлечения прибыли, то он совершает это, руководствуясь вполне определенными намерениями. И верующий христианин должен следовать данному указанию свыше и использовать предоставленную ему возможность. «Если Бог указует вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином

пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает.

[190]

Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть». Богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству — лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано. Об этом как будто прямо говорится в притче о рабе, который впал в немилость за то, что не приумножил доверенную ему мину серебра. Желание быть бедным было бы равносильно, как часто указывается, желанию быть больным и достойно осуждения в качестве проявления синергизма, наносящего ущерб славе Божьей. Что же касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, то это не только грех бездеятельности, но и, по словам апостола, нарушение завета любить ближнего своего.

Подобно тому как акцентирование аскетического значения постоянной профессии служит этической идеализации современной профессиональной специализации, так провиденциальное истолкование стремления к наживе служит идеализации делового человека. Аскетически настроенным пуританам в равной степени претит как аристократическая небрежность знати, так и чванство выскочек. Полное этическое одобрение встречает трезвый буржуа — **selfmademan**. Слова «**God blessed his trade**» - принятое пожелание в адрес тех «святых», которые добивались успеха, следуя божественным предписаниям. С точки зрения пуританина, контролировавшего по совету Бакстера свою избранность посредством сравнения своего душевного состояния с душевным состоянием библейских героев и толковавшего при этом библейские изречения «как параграфы судебника», в том же направлении действовала вся мощь ветхозаветного Бога, который награждал своих избранных за их благочестие еще в этой жизни. Впрочем, изречения Ветхого завета не всегда были однозначны, мы уже знаем, что Лютер впервые применил понятие «Beruf» («призвание») в светском его значении при переводе одного места из *Книги Иисуса, сына Сирахова*. Между тем *Книга Иисуса, сына Сирахова* по всему своему настроению принадлежит, несмотря на сильно ощущаемое в ней эллинистическое влияние, к традиционалистским частям (расширенного) Ветхого завета.

[191]

Характерно, что эта книга пользуется вплоть до настоящего времени особой любовью большинства немецких крестьян лютеранского вероисповедания; лютеранская направленность широких слоев немецкого пиетизма также обычно находит свое выражение в особом предпочтении именно *Книги Иисуса, сына Сирахова*. Пуритане, основываясь на резком противопоставлении божественного рукотворному, отвергали **апокрифы** как небогодухновенные. Тем большим признанием пользовалась у них *Книга Иова* с ее величественным прославлением божественной воли, абсолютной по своей суверенности и несоизмеримости с человеческими масштабами (что было столь **конгениально** с кальвинистским

selfmademan (англ.) - человек, всем обязанный себе

God blessed his trade (англ.) - да благословит Бог дела его

апокриф (греч. apokryphos - тайный) - произведение иудейской и раннехристианской литературы, запрещенное церковью, так как его содержание не полностью совпадало с требованиями официального вероучения

конгениальный (от лат. con - вместе и genius - дух) - очень близкий, совпадающий по духу, образу мыслей, талантливости

воззрением), с одной стороны, и возникающей в конце Книги уверенностью (второстепенной для Кальвина, но чрезвычайно важной для пуритан) в том, что Всевышний осенит благодатью избранников своих еще в этой жизни (в *Книге Иова* - только в этой жизни!) и дарует им материальное благополучие, — с другой. Пуритане так же игнорировали восточный **квиетизм**, проступающий в ряде наиболее одухотворенных **псалмов** и Притчей Соломоновых, как Бакстер — традиционалистский оттенок важного для понятия «Beruf» места в *Первом послании к коринфянам*. Подчеркивались именно те места Ветхого завета, в которых восхвалялась формальная добропорядочность как признак угодного Богу поведения. Теория, устанавливающая, что законы Моисея лишь постольку потеряли свое значение с момента заключения нового союза, поскольку они содержат обрядовые или исторически обусловленные предписания иудаизма, в остальном же от века имели значение (и сохраняют его) в качестве выражения **lex naturae**, — эта теория позволила, с одной стороны, устранить все несовместимые с современной жизнью предписания, с другой — используя многочисленные родственные ей черты, расчистить путь для усиления того мощного духа легальности, трезвости и уверенности в своей правоте, который был свойствен мирской аскезе протестантизма. Поэтому если многие современники, а также и писатели последующего времени определяли этическую настроенность именно английских пуритан как «**english hebraism**», то это при правильном понимании вполне соответствует истине.

[192]

Надо только иметь в виду не палестинский иудаизм времени ветхозаветных книг, а иудаизм, постепенно формировавшийся под воздействием многовекового влияния Талмуда и формалистически воспринятых предписаний Закона, но и тогда проводить исторические параллели следует лишь с большой осторожностью. Непосредственное по своей сущности восприятие жизни древними иудеями в целом резко отличается от своеобразного духовного склада пуритан. Столь же чужда пуританизму, и это следует иметь в виду, и хозяйственная этика евреев средневекового и нового времени, причем различие это распространялось, в частности, на те черты, которые имели решающее значение при определении роли обоих религиозных учений в развитии капиталистического **этоса**. Еврейство находилось в сфере политически или спекулятивно ориентированного «авантюристического» капитализма: его этос был, если попытаться охарактеризовать его, этосом капиталистических париев; пуританизм же был носителем этоса рационального буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда. И из иудейской этики он взял лишь то, что соответствовало его направленности.

В данном очерке невозможно показать, какие характерологические последствия имело насыщение жизни ветхозаветными нормами, — эта чрезвычайно интересная задача до сих пор полностью не решена даже в рамках иудаизма. Для

псалмы -
песнопения, составляющие Псалтырь

квиетизм (от лат. quietus - спокойный, безмятежный) **-**
религиозное учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле бога до требования быть безразличным к собственному «спасению»; возникло в 17 в. внутри католицизма. *Перен.*- созерцательность, бездейственность.

этос (греч.) **-**
обозначение характера или явления в античной философии

lex naturae -
закон природы

english hebraism -
английский иудаизм

понимания внутренней настроенности пуритан следует наряду с указанной выше ролью в их жизни Ветхого завета прежде всего иметь в виду, что в пуританизме возродилась во всем ее величии вера в народ, избранный Богом. Даже кроткий Бакстер благодарит Бога за то, что он предназначил ему родиться в Англии и в лоне истинной церкви, а не в каком-либо другом месте; этим чувством благодарности за свою обусловленную Божьей милостью безупречность преисполнено все жизнеощущение пуританского бюргерства, определившее формально-корректный, жесткий характер, свойственный представителям героической эпохи капитализма.

[193]

Мы попытаемся теперь остановиться на ряде таких моментов в пуританском понимании профессионального призвания и требовании аскетической жизни, которые должны были оказать непосредственное влияние на развитие капиталистического стиля жизни. Всю силу удара аскетизм направляет, как мы уже видели, на непосредственное наслаждение жизнью и всеми ее радостями. Наиболее яркое выражение это нашло в борьбе, развернувшейся вокруг «**Book of sports**», которую **Яков I** и **Карл I** в их очевидном желании покончить с пуританством возвели в закон, причем Карл I повелел читать ее с кафедры во всех церквах. Если пуритане бешено сопротивлялись королевскому постановлению, объявлявшему обычные народные увеселения в воскресные дни вне времени богослужения дозволенными законом, то они тем самым выступали не только против нарушения субботнего покоя, но и против преднамеренного нарушения упорядоченного жизненного строя святых. И если король в свою очередь грозил строгой карой за попытки объявить эти развлечения незаконными, то целью его было сломить ту аскетическую направленность, которая по своему антиавторитарному характеру представляла собой опасность для государства. Феодальное общество монархического государства ограждало «склонных к развлечениям» людей от посягательств возникающей буржуазной морали и аскетических общин, враждебных властям, подобно тому как в настоящее время капиталистическое общество защищает «желающих работать» от классовой морали рабочих и враждебных властям профсоюзов. В этой борьбе пуритане отстаивали свою специфическую особенность — принцип аскетической жизни, ибо в остальном антипатия пуритан и даже квакеров к спортивным играм была отнюдь не принципиальной. Но они должны были служить определенной рациональной цели: отдыху, необходимому для сохранения физической работоспособности. В качестве средств для освобождения от избытка жизненных сил они вызывали у пуритан сомнения, а в той мере, в какой они превращались в чистое развлечение или даже способствовали пробуждению спортивного азарта, грубых инстинктов или рационального стремления к соперничеству,- они безусловно отвергались. Инстинктивное стремление к наслаждению жизнью, отвлекавшее и от профессиональной деятельности, и от религиозного долга, было по самой своей природе враждебно рациональной аскезе, независимо от того, находило ли оно свое выражение в спортивных играх «сеньоров» или в посещении рядовым обывателем танцевальных вечеров и таверн.

«Book of sports» (англ.) - «Книга об увеселениях»

Яков I (1566-1625) – король Шотландии (с 1567г.) и первый король Англии из династии Стюартов (с 1603г.)

Карл I (1600-1649) - король Англии, Шотландии и Ирландии (1625-1649) из династии Стюартов. Его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнен 30 января 1649 г. в Лондоне

[194]

Недоверие и враждебность проявляли пуритане и по отношению ко всем тем культурным ценностям, которые не были непосредственно связаны с религией. Из этого не следует, что жизненный идеал пуританина включает в себя в качестве своего компонента мрачный, презирающий культуру фанатизм невежества.

Можно — во всяком случае, поскольку речь идет о науке — с полным основанием утверждать обратное (за исключением ненавистной пуританам схоластики). Крупнейшие представители пуританизма глубоко восприняли идейное богатство Возрождения — проповеди представителей пресвитерианского крыла этого движения пестрят классицизмами. Не пренебрегали в полемике по богословским вопросам такого рода ученостью и радикалы, хотя они именно ее и порицали. Вероятно, нигде не было такого количества «**graduates**» как в Новой Англии в первом поколении ее жителей. В основу сатирического изображения пуритан, например, в «Гудибрасе» Сэмюэля Батлера положена прежде всего именно их кабинетная ученость и изощренная диалектика. Это отчасти связано с религиозной оценкой знания, сложившейся в результате неприятия «**fides implicita**» католицизма. Иначе обстоит дело, как только мы переходим в область литературы ненаучного характера и изобразительного искусства. Здесь аскетизм действительно заключил в оковы жизнь веселой старой Англии. И это касалось не только светских празднеств. Гнев и ненависть пуритан, направленные против всего того, в чем можно было усмотреть оттенок «**superstition**», против всех реминисценций магических и церковных обрядов сообщения благодати, распространялись на христианский праздник Рождества так же, как и на праздник **Майского дерева**, и на всю ту непосредственную радость, которую доставляло верующим церковное искусство. То обстоятельство, что в Голландии это не помешало развитию великого, подчас откровенно реалистического искусства, свидетельствует лишь о том, сколь малоэффективными были все усилия тамошних ревнителей строгой регламентации нравов по сравнению с влиянием двора и **регентов** (слоя **рантье**), а также с жизнерадостностью разбогатевших бюргеров, после того как кратковременное господство кальвинистской теократии .растворилось в рамках трезвой государственной церкви, а кальвинистская аскеза тем самым в значительной степени утеряла свою притягательную силу.

[195]

Театр пуритане отвергали, а полное исключение всех элементов эротики и любого изображения нагого человеческого тела из сферы искусства сделало невозможным появление радикальных взглядов в литературе или живописи. Такие понятия, как «**idle talk**», «**superfluities**», «**vain ostentation**», а ими пуритане клеймили всякую иррациональную деятельность, лишенную определенной цели и тем самым направленную не на достижение аскетических идеалов и не на приумножение славы Господней, а на служение человеку, неизменно фигурировали всякий раз, когда надо было подчеркнуть значение трезвости и целесообразности и противопоставить их чисто художественным мотивам. И особой силы это противопоставление достигало тогда, когда речь шла о личной склонности к роскоши, например в одежде. Идейной основой ярко выраженной тенденции к унифицированию стиля жизни, которая в настоящее время служит

graduates -
дипломированные выпускники учебных заведений, имеющие ученую степень

fides implicita (лат.) **-**
сокровенная вера

superstition (англ.) **-**
суеверия

Майское дерево -
символ обновления жизни и воскресения природы

регент (от лат. regens - правящий) **-**
1) в монархических государствах - временный правитель, назначаемый в случае вакантности престола, а также длительного отсутствия, болезни или несовершеннолетия монарха; 2)руководитель хора, преимущественно церковного

рантье (от франц. rente - рента) **-**
человек, живущий на проценты отдаваемого в ссуду капитала, от доходов с ценных бумаг

idle talk (англ.) **-**
пустая болтовня

superfluities (англ.) **-**
излишества

vain ostentation (англ.) **-**
суетное тщеславие

капиталистическим интересам стандартизации продукции, является отказ от «обожествления рукотворного». При этом не следует, конечно, забывать, что в пуританизме была заключена бездна противоречий, что инстинктивное стремление к вневременному высокому искусству было значительно более свойственно ведущим мыслителям пуританизма, чем «кавалерам», и что на творчество такого неповторимого гения, каким был Рембрандт, наложила несомненный отпечаток и его сектантская среда, как ни мало его «поведение» соответствовало требованиям пуританского Бога. Однако в целом это не изменяет общей картины, ибо то глубокое погружение личности в свой внутренний мир, к которому могло привести дальнейшее развитие пуританского мироощущения и одним из факторов которого оно действительно стало, оказало свое влияние главным образом на литературу, да и то более позднего времени.

[196]

Мы не можем здесь более подробно останавливаться на влиянии пуританизма в разных областях культуры: укажем лишь на то, что радость, доставляемая чисто эстетическим восприятием культурных ценностей или спортом, всегда имела одно характерное ограничение: она должна была быть бесплатной. Ведь человек — лишь управляющий благами, доверенными ему милостью Божьей, он, подобно рабу в библейской притче, обязан отчитываться в каждом доверенном ему пфенниге, и если он истратит что-либо не во славу Божью, а для собственного удовольствия, то это по меньшей мере вызывает сомнение в богоугодности его поступка. Кому из беспристрастных людей не известны сторонники подобной точки зрения и в наши дни? Мысль об обязательстве человека по отношению к доверенному ему имуществу, которому он подчинен в качестве управителя или даже своего рода «машины для получения дохода», ложится тяжелым грузом на всю его жизнь и замораживает ее. Чем больше имущество, тем сильнее, если аскетическое жизнеощущение выдержит искус богатства, чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом во славу Божью. Генетически отдельные элементы этого образа жизни, как и многие другие компоненты современного капиталистического духа, уходят в средневековье, однако свою действительную этическую основу этот жизненный уклад находит лишь в этике аскетического протестантизма. Значение его для развития капитализма очевидно.

Подводя итог сказанному выше, мы считаем возможным утверждать, что мирская аскеза протестантизма со всей решительностью отвергала непосредственное наслаждение богатством и стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества. Вместе с тем она освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу (в указанном выше смысле) занятие. Борьба с плотью и приверженностью к материальным благам была, как наряду с пуританами настойчиво подчеркивает и великий апологет квакерского учения Барклей, борьбой не с рациональным приобретательством, а с иррациональным использованием имущества. Оно прежде всего находило свое выражение в привязанности к показной роскоши (проклинаемой пуританами в качестве обожествления рукотворного), столь свойственной феодальной жизни, тогда как Богу угодно рациональное и утилитарное использование богатства на благо каждого отдельного человека и общества в целом.

[197]

Аскеза требовала от богатых людей не умерщвления плоти, а такого употребления богатства, которое служило бы необходимым и практически полезным целям. Понятие «comfort» характерным образом охватывает круг этих этически дозволенных способов пользования своим имуществом, и, разумеется, не случайно связанный с этим понятием строй жизни прежде всего и наиболее отчетливо обнаруживается у самых последовательных сторонников этого мировоззрения, у квакеров. Мишурному блеску рыцарского великолепия с его весьма шаткой экономической основой и предпочтением сомнительной элегантности трезвой и простой жизни они противопоставляли в качестве идеала уют буржуазного «home» с его безупречной чистотой и солидностью.

Борясь за производительность частнохозяйственного богатства, аскеза ратовала как против недобросовестности, так и против инстинктивной жадности, ибо именно ее она порицала как «**covetousness**», «мамонизм» и т.п., другими словами, против стремления к богатству как самоцели. Ибо имущество само по себе, несомненно, является искусом. Однако тут-то аскеза превращалась в силу, «что без числа творит добро, всему желая зла» (зло в ее понимании — это имущество со всеми его соблазнами). Дело заключалось не только в том, что в полном соответствии с Ветхим заветом и с этической оценкой «добрых дел» эта сила видела в стремлении к богатству как самоцели вершину порочности, а в богатстве как результате профессиональной деятельности — Божье благословение; еще важнее было другое: религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма.

[198]

Если же ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала. Конечно, степень этого воздействия не может быть исчислена в точных цифрах. В Новой Англии эта связь ощущается очень сильно, она не ускользнула от взора такого выдающегося историка, каким является Джон Дойл. Однако и в Голландии, где действительное господство кальвинизма продолжалось лишь семь лет, простота жизненного уклада, утвердившегося в подлинно религиозных кругах, привела при наличии громадных состояний к ярко выраженному импульсу накопления капитала. Само собой разумеется, что пуританизм с его антипатией к феодальному образу жизни должен был заметно ослабить широко распространенную

covetousness (англ.) - алчность, скупость

повсюду и во все времена тенденцию (сильную у нас и поныне) приобретать на нажитый капитал дворянские земли. Английские писатели-меркантилисты XVII в. видели причину превосходства голландского капитала над английским в том, что в Голландии (в отличие от Англии) нажитые состояния не вкладывались в землю и, что гораздо важнее — ибо именно это, а не приобретение земли как таковой здесь существенно, — владельцы крупных капиталов не стремились воспринять аристократический образ жизни и превратить свою собственность в феодальное владение, что вывело бы ее из сферы капиталистического предпринимательства. Распространенная и в пуританских кругах высокая оценка сельского хозяйства как особо важной и способствующей благосостоянию отрасли имеет в виду (например, у Бакстера) отнюдь не лендлордов, а иоменов и фермеров; в XVIII в. — не юнкеров, а «рационального» сельского хозяина. Начиная с XVII в. в английском обществе намечается водораздел между «**сквайрами**», представлявшими «веселую старую Англию», и пуританскими кругами, социальное влияние которых резко колебалось. Вплоть до настоящего времени в «национальном характере» англичан сохранились противоречивые черты: с одной стороны, несокрушимая наивная жизнерадостность, с другой — строго контролируемая сдержанность, самообладание и безусловное подчинение принятым этическим нормам.

[199]

Через всю раннюю историю североамериканской колонизации проходит это противоречие: с одной стороны, «**adventurers**», обрабатывающие плантации с помощью **indentured servants** в качестве рабочей силы и склонные к аристократическому образу жизни, с другой — пуритане с их специфической буржуазной настроенностью.

Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного рационального с экономической точки зрения образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений. Именно пуританское отношение к жизни было главной опорой этой тенденции, а пуритане — ее единственно последовательными сторонниками. Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека». Правда, и пуританские жизненные идеалы подчас не выдерживали натиска слишком сильных «искушений», которые, как хорошо было известно и пуританам, таило в себе богатство. Мы постоянно встречаем искренних сторонников пуританской веры в рядах поднимающихся слоев мелкой буржуазии и фермеров; и даже «**beati possidentes**» среди квакеров весьма часто склонялись к отказу от своих прежних идеалов. Здесь все тот же рок, который постоянно преследовал и предшествующую мирской аскезе средневековую «монашескую аскезу»: как только в обители строго регулируемой жизни и ограниченного потребления рациональное ведение хозяйства достигало полного расцвета, приобретенное имущество либо сразу феодализировалось, как это происходило до Реформации, либо складывалась такая ситуация, которая ставила под угрозу монастырскую дисциплину, и тогда наступал момент для проведения одного из многочисленных «реформирований» монастырских уставов. Вся история уставов монашеских орденов в определенном смысле не что иное, как непрестанная борьба с **секуляризирующим** влиянием собственности. То же в безгранично большей степени относится к мирской аскезе пуританизма. Могучее «**revival**» методизма, предшествовавшее расцвету английской промышленности в XVIII в., можно уподобить такой монастырской реформе. Здесь уместно привести отрывок из Джона

сквайр (англ.) - сокращенная форма английского дворянского титула эсквайр

indentured servants (англ.) - эксплуатируемые рабы

adventurers (англ.)- искатели приключений, авантюристы

beati possidentes (лат.) - благословенные собственностью

секуляризирующий (от позднелат. saecularis - мирской светский) - делающий светским, мирским

revival (англ.) - оживление, возрождение

Уэсли, который вполне мог бы служить эпиграфом ко всему вышесказанному.

[200]

Слова Уэсли свидетельствуют о том, что главы аскетических движений полностью (и совершенно в духе нашего толкования) отдавали себе отчет в изложенной выше, на первый взгляд парадоксальной, взаимосвязи. Уэсли пишет: «Я опасаюсь того, что там, где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение. Поэтому, исходя из логики вещей, я не вижу возможности, чтобы возрождение подлинного благочестия где бы то ни было могло быть продолжительным. Ибо религия неминуемо должна порождать как трудолюбие (industry), так и бережливость (frugality), а эти свойства в свою очередь обязательно ведут к богатству. Там же, где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях. Как же можно рассчитывать на то, что методизм, эта религия сердца, сохранит свой первоначальный облик, пусть даже теперь эта религия подобна древу с пышной листвой? Повсеместно методисты становятся прилежными и бережливыми. Их имущество, следовательно, растет. Вместе с тем растут и их гордыня, страсти, любовь к плотским мирским утехам и высокомерие. В результате этого сохраняется лишь форма религии, но дух ее постепенно исчезает. Неужели же нет такого средства, которое могло бы предотвратить этот непрекращающийся упадок чистой религии? Мы не можем препятствовать тому, чтобы люди были радивыми и бережливыми. Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, то есть стремились к богатству». (За этим следует увещевание, чтобы «наживающие сколько могут и сберегающие сколько могут» были готовы и «отдать все, что могут», дабы сохранить милосердие Господне и скопить сокровища на небесах.) Очевидно, что в этих словах вплоть до мельчайших нюансов обнаруживается тот же ход мыслей, который был предложен нами вниманию читателей.

[201]

Как указывает Уэсли, великие религиозные движения, чье значение для хозяйственного развития коренилось прежде всего в их аскетическом воспитательном влиянии, оказывали наибольшее экономическое воздействие, как правило, тогда, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда судорожные попытки обрести царство Божье постепенно растворялись в трезвой профессиональной добродетели и корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посюсторонности; в это время, пользуясь определением Доудена, «Робинзон Крузо», изолированный от мира экономический человек, занимающийся отчасти и миссионерством, вытеснил в народной фантазии «пилигрима» Беньяна, этого одинокого человека, все усилия которого направлены на то, чтобы поскорее миновать «ярмарку тщеславия» в поисках царства Божьего. Если вслед за тем утверждается принцип «**to make the best of both Worlds**», то

to make the best of both Worlds (англ.) - использовать наилучшим образом возможности обоих миров

в конечном итоге, как указал уже Доуден, спокойная совесть становилась одним из компонентов комфортабельного буржуазного существования. Это хорошо выражено немецкой пословицей о «мягкой подушке». И если та полная интенсивной религиозной жизни эпоха XVII в. что-то и завещала своей утилитаристки настроенной наследнице, то прежде всего безупречно чистую совесть (которую с полным основанием можно назвать **фарисейской**), сопутствующую наживе, если только эта нажива не выходит за рамки легальности. От «**Deo placere vix potest**» не осталось и следа. Так возникает специфически буржуазный профессиональный этос. В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, который не преступал границ формальной корректности (чья нравственность не вызывала сомнения, а то, как он распоряжался своим богатством, не встречало порицания), мог и даже обязан был соблюдать свои деловые интересы. Более того, религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни. Аскеза создавала и спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же как и предназначение к спасению лишь немногих, — дело божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные, нам не известные цели.

[202]

Уже Кальвину принадлежит часто цитируемое впоследствии изречение, что «народ» (то есть рабочие и ремесленники) послушен воле Божьей лишь до той поры, пока он беден. Нидерландцы (Питер де ля Кур и др.) «секуляризировали» это положение следующим образом: люди в своем большинстве работают лишь тогда, когда их заставляет нужда. Сформулированный таким образом лейтмотив капиталистического хозяйства вошел затем в теорию «производительности» низкой заработной платы в качестве одного из ее компонентов. И здесь в полном соответствии с той эволюцией, которую мы нередко обнаруживали, идее по мере отмирания ее религиозных корней был незаметно придан утилитарный оттенок. Средневековая этика не только допускала нищенство, но даже возвела его в идеал в нищенствующих орденах. И в миру нищие подчас определялись как некое «сословие», значение которого заключается в том, что оно создает для имущих благоприятную возможность творить добрые дела, подавая милостыню. Еще англиканская социальная этика эпохи Стюартов была внутренне очень близка к этой точке зрения. И лишь пуританская аскеза сыграла известную роль в том жестком английском законодательстве о бедных, которое полностью преобразовало сложившееся положение дел. И она сделала это с той большей легкостью, что протестантские секты и строго пуританские общины действительно не знали нищенства в своей среде.

С другой стороны, если мы обратимся к рабочим, то в **цинцендорфовской** разновидности пиетизма, например, идеалом служит верный профессиональному долгу рабочий, который не стремится к наживе, — именно он уподобляется в своей жизни апостолам и, следовательно, обладает **харизмой** учеников Христа. Еще более радикальными были сначала подобные воззрения в баптистских кругах. И конечно, аскетическая литература почти всех вероисповеданий исходит из представления, что добросовестная работа, даже при низкой ее оплате, выполняемая теми, кому жизнь не предоставила иных возможностей, является делом, чрезвычайно угодным Богу. В этом отношении протестантская аскеза сама по себе не создала ничего нового. Однако она не только бесконечно углубила это

фарисеи - представители общественно-религиозного течения в Иудее во 2 в. до н.э. - 2в. н.э.; выражали интересы преимущественно средних слоев населения. В евангелиях фарисеев называют лицемерами. Отсюда переносное значение слова «фарисей» - лицемер, ханжа.

Deo placere vix potest (лат.) **-** едва ли будет угодным Богу

Цинцендорф Николаус Людвиг (1700- 1760) **-** граф, немецкий протестантский священник, основатель Моравской церкви

харизма (греч. charisma - милость, божественный дар) **-** исключительная одаренность

представление, но и присоединила к существующей норме то, что, собственно говоря, только и определяло силу ее воздействия, — психологический импульс, который возникал в результате отношения к своей работе как к призванию, как к самому верному, в конечном итоге единственному, средству увериться в своем избранничестве. Вместе с тем аскеза легализовала также эсплуатацию этой специфической склонности к труду, объявив «призванием» и стремление приобретателя к наживе.

[203]

Совершенно очевидно, в какой сильной степени устремленность исключительно к тому, чтобы обрести спасение в загробной жизни посредством выполнения своих профессиональных обязанностей в качестве своего призвания, и строгая аскеза, которой церковь подчиняла в первую очередь, конечно, неимущие классы, способствовали увеличению «производительности» труда в капиталистическом значении этого понятия. Отношение к труду как к призванию стало для современного рабочего столь же характерным, как и аналогичное отношение предпринимателя к наживе. Столь проницательный англиканский наблюдатель, как сэр Уильям Петти, отразил эту новую для того времени ситуацию в своем указании на то, что экономическая мощь Голландии XVII в. объясняется наличием там многочисленных «**dissenters**» (кальвинистов и баптистов), людей, которые видят «в труде и интенсивном предпринимательстве свой долг перед Богом». «Органическому» социальному устройству в том фискально-монополистическом его варианте, который оно получило в **англиканстве** при Стюартах, в частности в концепции Уильяма Лода, — этому союзу церкви и государства с «монополистами» на почве христианского социализма — пуританизм, все сторонники которого были решительными противниками такого, пользовавшегося государственными привилегиями капитализма торговцев, скупщиков и колониалистов, противопоставлял индивидуалистические импульсы рационального легального предпринимательства, основанного на личных качествах, на инициативе. И если пользовавшаяся государственными привилегиями монополистическая промышленность Англии скоро пришла в упадок, то рациональное предпринимательство пуритан сыграло решающую роль в развитии тех промышленных отраслей, которые возникали без какой-либо поддержки со стороны государства, а подчас и несмотря на недовольство властей и вопреки ему. Пуритане (Принн, Паркер) решительно отказывались от сотрудничества с «придворными прожектерами» крупнокапиталистического типа, считая, что они вызывают сомнения в этическом отношении.

[204]

Пуритане гордились превосходством своей буржуазной морали и деловых качеств, усматривая в них подлинную причину тех преследований, которым они подвергались со стороны придворных кругов. Уже Даниэль Дефо предлагал при-

dissenters (англ.) - сектанты; диссентеры (распространенное в 16-17 вв. в Англии название лиц, не согласных с вероучением и культом англиканской церкви)

англиканство - одна из основных разновидностей протестантизма

бегнуть в борьбе с диссентерами к бойкоту банковских векселей и к денонсации вкладов. Противоположность этих двух видов капиталистической деятельности во многом соответствует различиям религиозных учений их представителей. Нонконформисты еще в XVIII в. постоянно подвергались издевательствам за то, что они являли собой носителей «**spirit of shopkeepers**», и преследовались за искажение идеалов старой Англии. В этом коренилась и противоположность между пуританским и еврейским хозяйственным этосом — уже современникам (Принн) было ясно, что первый, а не второй был буржуазным хозяйственным этосом.

Один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, — рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания — возник (и настоящая работа посвящена доказательству этого) из духа христианской аскезы. Достаточно вспомнить приведенный в начале нашего исследования трактат Франклина, чтобы обнаружить, насколько существенные элементы того образа мыслей, который мы определили как «дух капитализма», соответствуют тому, что (мы показали это выше) составляет содержание пуританской профессиональной аскезы, только без ее религиозного обоснования — ко времени Франклина оно уже отмерло. Впрочем, мысль, что современная профессиональная деятельность носит отпечаток аскетизма, сама по себе не нова. Что ограничение человеческой деятельности рамками профессии вместе с отказом от фаустовской многосторонности (который, естественно, вытекает из этого ограничения) является в современном мире обязательной предпосылкой плодотворного труда, что, следовательно, «дело» и «отречение» в настоящее время взаимосвязаны — этот основной аскетический мотив буржуазного стиля жизни (при условии, что речь идет именно о стиле, а не об отсутствии его) хотел довести до нашего сознания уже Гёте на вершине своей жизненной мудрости, о чем свидетельствуют его «Годы странствий» и то, как он завершил жизненный путь Фауста.

[205]

Для Гёте осознание этого факта означало отречение и прощание с эпохой гармоничного, прекрасного человека, с эпохой, повторение которой для нашей культуры столь же невозможно, как для древности невозможен был возврат к эпохе расцвета афинской демократии. Пуританин хотел быть профессионалом, мы должны быть таковыми. Но по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской **кельи** в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения. И это принуждение сохранится, вероятно, до той поры, пока не прогорит последний центнер горючего. По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем «тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить». Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь. По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее вре-

spirit of shopkeepers (англ.) - дух лавочников

келья - жилище монаха в монастыре

мя дух аскезы — кто знает, навсегда ли? — ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о «профессиональном долге» бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. В тех случаях, когда «выполнение профессионального долга» не может быть непосредственно соотнесено с высшими духовными ценностями или наоборот, когда оно субъективно не ощущается как непосредственное экономическое принуждение, современный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия.

[206]

В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к «последним людям» этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития».

Однако тем самым мы вторгаемся в область оценочных и религиозных суждений, которые не должны отягощать это чисто историческое исследование. Наша задача сводится к следующему: показать значение аскетического рационализма (лишь намеченное в предыдущем очерке) и для социально-политической этики, следовательно, для организации и функций социальных сообществ — от религиозных собраний до государства. Далее мы предполагали исследовать отношение аскетического рационализма к рационализму гуманистическому, его жизненным идеалам и культурным влияниям. Затем — к развитию философского и научного эмпиризма, к развитию техники и духовных ценностей культуры. И, наконец, следовало бы проследить историческое становление аскетического рационализма, начиная от его средневековых истоков до его преобразования в чистый утилитаризм во всех областях распространения аскетической религиозности. Только таким путем можно было бы установить степень культурного значения аскетического протестантизма в его отношении к другим пластическим элементам современной культуры. Здесь же мы лишь попытались свести влияние аскетического протестантизма и характер этого влияния к их мотивам в одном, хотя и немаловажном пункте.

[207]

Далее следовало бы также установить, в какой степени протестантская аскеза в процессе своего становления и формирования в свою очередь подвергалась воздействию со стороны всей совокупности общественных и культурных факторов, прежде всего экономических. Ибо несмотря на то, что современный человек при всем желании обычно неспособен представить себе всю степень того влияния, которое религиозные идеи оказывали на образ жизни людей, их культуру и национальный характер, это, конечно, отнюдь не означает, что мы намерены заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Та и другая допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования.

ИСТОЧНИК: Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. <http://www.kara-murza.ru/books/Veber/index.html>

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА:

1. Считает ли Вебер, что «видимая церковь» больше не рассматривается как фидеикомисс по делам загробной жизни? Можно ли сказать, что значение веры, в смысле знания доктрин церкви, уменьшается?
2. Как вы понимаете христианские понятия “спасение” и “благодать”? Согласны ли вы с выражением “Extra Ecclesiam nulla salus” – “Нет спасения вне церкви”?
3. Почему для Макса Вебера важно найти связь между фундаментальными религиозными идеями аскетического протестантизма и его максимами для повседневной экономической жизни? Согласны ли вы с теорией власти и роли веры в повседневной жизни?
4. Как протестантизм изменил религиозное отношение к богатству? Как богатство было оправдано с духовной точки зрения? Как, по Веберу, христианский подход к бизнесу трансформировал общества в Европе и Америке?
5. Можете ли вы описать жизнь Мартина Лютера как религиозного лидера? Какая разница существует между этикой католицизма и учением Лютера?
6. В чем сходство и различие между текстами Толстого и Золя, представленными в предыдущей главе?
7. Знакомы ли вы с подобными элементами в учении суфизма, особенно у Накшбанди, относительно взгляда на богатство, деловую общину и работу?

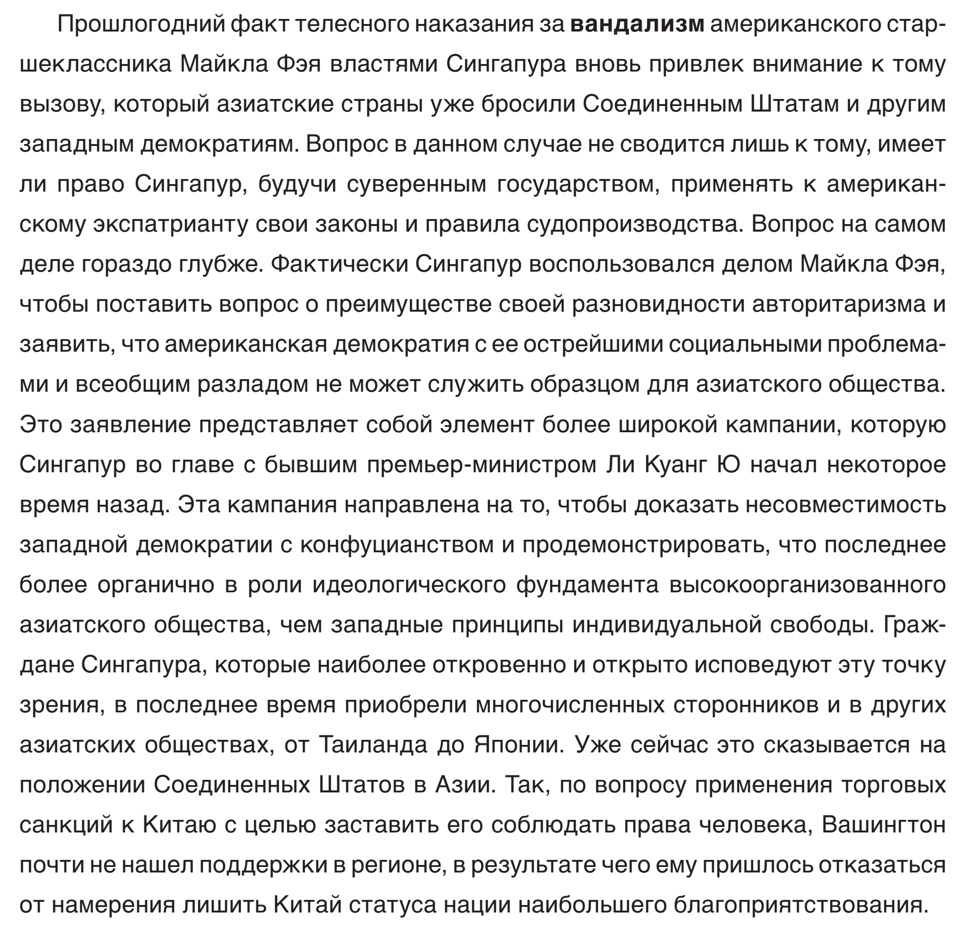
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, www.en.wikipedia.org/wiki/The_Protestant_Ethic_and_the_Spirit_of_Capitalism
- Max Weber, Biography and Works, www.en.wikipedia.org/wiki/Max_Weber
- The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism by Max Weber, www.faculty.rsu.edu/~felwell/TheoryWeb/readings/WeberProtestform.html
- Sociology and Religion, Max Weber, www.ne.jp/asahi/moriyuki/abukuma/

ФРЭНСИС ФУКУЯМА. КОНФУЦИАНИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ



Фрэнсис Фукуяма (род. в 1952 г.) – американский политический экономист, мыслитель, известный такими своими работами, как «Конец истории и последний человек» (1992), «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» (1995), «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» (2002), «Америка на перепутье: демократия, власть и наследие неоконсерваторов» (2006).



Прошлогодний факт телесного наказания за **вандализм** американского старшеклассника Майкла Фэя властями Сингапура вновь привлек внимание к тому вызову, который азиатские страны уже бросили Соединенным Штатам и другим западным демократиям. Вопрос в данном случае не сводится лишь к тому, имеет ли право Сингапур, будучи суверенным государством, применять к американскому экспатрианту свои законы и правила судопроизводства. Вопрос на самом деле гораздо глубже. Фактически Сингапур воспользовался делом Майкла Фэя, чтобы поставить вопрос о преимуществе своей разновидности авторитаризма и заявить, что американская демократия с ее острейшими социальными проблемами и всеобщим разладом не может служить образцом для азиатского общества. Это заявление представляет собой элемент более широкой кампании, которую Сингапур во главе с бывшим премьер-министром Ли Куанг Ю начал некоторое время назад. Эта кампания направлена на то, чтобы доказать несовместимость западной демократии с конфуцианством и продемонстрировать, что последнее более органично в роли идеологического фундамента высокоорганизованного азиатского общества, чем западные принципы индивидуальной свободы. Граждане Сингапура, которые наиболее откровенно и открыто исповедуют эту точку зрения, в последнее время приобрели многочисленных сторонников и в других азиатских обществах, от Таиланда до Японии. Уже сейчас это сказывается на положении Соединенных Штатов в Азии. Так, по вопросу применения торговых санкций к Китаю с целью заставить его соблюдать права человека, Вашингтон почти не нашел поддержки в регионе, в результате чего ему пришлось отказаться от намерения лишить Китай статуса нации наибольшего благоприятствования.

Действительно ли существует изначальная природная несовместимость конфуцианства и западной демократии? Действительно ли Азия способна выработать новый тип политико-экономического устройства, которое будет принципиально отличаться от западной капиталистической демократии? На самом деле у конфуцианства и демократии меньше несовместимых черт, чем думают многие, как в Азии, так и на Западе. Суть послевоенной «теории **модернизации**» правильно отражает действительность: экономическое развитие, как правило, сопровождается политической либерализацией. Если сохранятся высокие темпы экономиче-

вандализм -
варварское разрушение культурных ценностей

модернизация -
изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям

ского роста, наблюдавшиеся в Азии в последние годы, процесс демократизации в регионе также будет продолжаться. Однако окончательный результат, возможно, будет значительно отличаться от современной американской демократии, которая испытывала и испытывает серьезные трудности в деле согласования индивидуальных прав и свобод с интересами социальной общности.

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ

Хотя в последнее время стало «политически некорректным» защищать теорию модернизации, можно считать, что она относительно неплохо выдержала испытание временем. В основополагающей статье, вышедшей в свет в 1959 году, Сеймур Мартин Липсет отмечал очевидную, эмпирически наблюдаемую взаимосвязь между высоким уровнем экономического развития и прочной демократией. Хотя тезис о том, что экономическое развитие влечет политическую либерализацию, до сих пор вызывает бесконечные споры, он получил тем не менее серьезное подтверждение в середине семидесятых, когда начались демократические преобразования в ряде стран. Сегодня его можно считать более убедительным, чем когда он был впервые сформулирован.

Связь между развитием и демократией наиболее наглядна в Азии. В государствах региона созданы постоянно действующие демократические институты, причем приблизительно в той же последовательности, в какой эти государства начинали свой экономический подъем - от Японии и до Южной Кореи (где первые действительно свободные выборы состоялись в 1992) и Тайваня (где свободные парламентские выборы запланированы на конец этого года). Кроме того, в Китае, Таиланде и Бирме ряд демократических движений потерпел поражение, однако даже эти примеры свидетельствуют о существующей связи между развитием и демократией. Так, например, в Китае и в Таиланде лидеры продемократических движений, как правило, были относительно высокообразованными, космополитически ориентированными представителями «среднего класса» - тип личности, который начал возникать на ранних этапах ускорения экономического роста. Единственным исключением являются Филиппины - страна, где несмотря на самый низкий доход на душу населения из всех некоммунистических государств Юго-Восточной Азии, демократия утвердилась еще со времен выборов Корасон Акино в 1986 году. С другой стороны, не следует забывать, что демократии на Филиппинах не было бы, если бы не прямое влияние Соединенных Штатов. Кроме того, демократическая практика там не закреплена в стабильных демократических институтах, а сельские районы страны, где сохраняются полуфеодальные отношения, представляют собой один из немногих оставшихся в Азии очагов коммунистического сопротивления.

В общем, было бы неудивительно, если бы демократия на Филиппинах внезапно рухнула, - ситуация, практически невозможная в Южной Корее или Японии.

Хотя теория модернизации сформулировала предположение о взаимозависимости между развитием и демократией, она не дала четкого анализа причинных связей между этими двумя явлениями. Некоторые сторонники теории модернизации, такие как Талкотт Парсонс, считали, что для современного индустриального общества демократия более «функциональна», чем авторитаризм. В других своих работах я отмечал, что связь между этими двумя явлениями не выражается в экономических терминах. То есть первоначальный порыв в направлении либеральной демократии возникает из внеэкономического стремления к «признанию». Таким

образом, экономическая модернизация и демократия находятся в опосредованных взаимоотношениях: экономическая модернизация ведет к повышению жизненного и образовательного уровня населения и освобождает людей от определенной разновидности страха, вызываемой существованием на грани физического выживания. Это позволяет людям расширить свой диапазон целей, актуализировав те цели, которые оставались в **латентном** состоянии на более ранних этапах экономического развития. Одним из таких ранее потенциальных побуждений является желание получить признание своего человеческого достоинства как полноценной личности - признание, достигаемое путем участия в работе политической системы. На Филиппинах или в Сальвадоре помещикам удается уговорить бедных крестьян взяться за оружие и объединиться в эскадроны смерти, потому что ими сравнительно легко управлять, играя на их элементарных потребностях выживания и привычке подчиняться традиционным источникам власти. Гораздо труднее убедить образованных обеспеченных представителей среднего класса и квалифицированных специалистов, которые не готовы признавать авторитет лидера только на том основании, что на нем униформа.

Ситуация в Японии, по всей вероятности, также подтверждает существование связи между развитием и демократией. Конечно, формально Япония являлась демократическим государством с момента, когда генерал Макартур насильственно ввел в действие демократическую конституцию во время оккупации Японии войсками США. Тем не менее многие исследователи и наблюдатели как в самой Японии, так и за ее границами, отмечают, что западная демократия, с ее упором на публичное соперничество и индивидуализм, не очень хорошо согласуется с традиционной японской культурой. Некоторые даже утверждают, что несмотря на свой формально демократический строй Япония вовсе не является демократией в западном смысле этого слова, а скорее мягко авторитарным государством, управляемым союзом бюрократии, руководства Либерально-демократической партии (ЛДП) и финансово-промышленных магнатов.

Однако резкие политические сдвиги, произошедшие в Японии со времени падения правительства ЛДП в июле 1993 года, по-видимому, могут служить подтверждением некоторых посылок теории модернизации. Почти весь послевоенный период японский народ подчинялся власти треугольника: чиновничество - ЛДП - бизнес, потому что этот альянс обеспечивал высокие темпы экономического роста для нации, раздавленной и обескровленной в результате поражения в войне на Тихом океане. Однако, как это часто случается с авторитарным руководством, оно в конечном итоге перестало соответствовать своей роли и потеряло доверие общества. Оно председательствовало при создании «дутой экономики», лопнувшей в восьмидесятых, а кроме того, его разъедала глубочайшая и повсеместная коррупция. Если отсутствует налаженная «обратная связь» с населением, нет гарантии, что система будет самокорректироваться. Более того, по мере роста благосостояния и уверенности в завтрашнем у японского населения уменьшалась

латентный - скрытый, внешне не проявляющийся

готовность доверять и подчиняться политическому руководству и смотреть сквозь пальцы на злоупотребления. Сейчас, конечно, весьма сложно предсказать результаты разворачивающейся в настоящий момент в Японии политической борьбы, однако представляется маловероятным, что старый правящий треугольник сможет сохранить свою власть в неприкосновенности в следующем поколении.

В шестидесятые и семидесятые годы теория модернизация подвергалась жестоким нападкам в основном с двух сторон. Во-первых, марксисты утверждали, что капиталистическая демократия не может считаться достойной целью политического и экономического развития и что сторонники теории модернизации являются апологетами несправедливого мирового экономического порядка. Другая группа критиков, которых можно было бы назвать «культурными **релятивистами**», доказывала, что теория модернизации евроцентрична и не принимает во внимание разнообразие целей, диктуемых различными мировыми культурами. Сегодня марксистская критика стала менее слышной в связи с крахом коммунистической системы, однако критика релятивистов сохраняет свою силу и убедительность, в результате чего многие люди отошли от защиты единого пути развития для всего человечества, ведущего к демократическому обществу, основанному на экономике свободного рынка.

Некоторые критические замечания, высказываемые в адрес теории модернизации, имеют под собой определенные основания. Очевидно, чтобы теория сохраняла свою действенность, необходимо вносить в нее поправки в свете последующего опыта. История развития Англии или Соединенных Штатов не может считаться эталоном и критерием оценки более поздних преобразований в других странах. Не вызывает сомнений, что в современное общество ведет не один-единственный путь: страны, которые проходили через процесс модернизации недавно, шли совершенно иным путем (более заметная и существенная роль государства), чем их предшественники. Поистине трудно предложить универсальное правило порядка следования политической и экономической либерализации. Действительно, многие государства, в особенности в Азии, успешно перешли к демократии «авторитарным» путем, однако было бы нелепо предлагать бывшим коммунистическим режимам в Восточной Европе отложить демократические преобразования до осуществления рыночных реформ в экономике. Более того, наблюдается существенное разнообразие способов осуществления капиталистических и демократических преобразований: японские корпорации и рынки труда в корне отличаются от своих собратьев в Соединенных Штатах, и нет никаких оснований полагать, что в ближайшем будущем мы можем стать свидетелями **конвергенции** японского и американского опыта. И, наконец, оказалось, что для того, чтобы экономическое развитие привело к созданию условий, благоприятных для стабилизации демократии, требуется более длительный временной промежуток, чем полагали сорок лет назад: устойчивый экономический рост трудно достижим, а еще труднее создать демократические институты.

Тем не менее, существование важной взаимозависимости между развитием и демократией подтвердилось за последние пятьдесят лет. Из основоположников теории модернизации мало кто сегодня может или хочет встать на ее защиту. Но они сдались слишком легко. Если определять демократию и капитализм достаточно широко и не проявлять догматизма в отношении способов и средств их достижения, тогда опыт азиатских государств может служить доказательством основного положения теории модернизации.

релятивист - человек, придерживающийся учения об относительности, условности и субъективности человеческого познания, отрицающего объективное содержание знания

конвергенция - (convergere приближаться, сходиться) - схождение, сближение

АЗИАТСКИЕ ТРАДИЦИИ КОНФУЦИАНСТВА

Несмотря на прямую взаимозависимость, существовавшую в прошлом между развитием и демократией, многие наблюдатели сегодня считают, что в будущем процессы демократизации в Азии прекратятся, или что конкретные формы, которые там принимает демократия, настолько тесно связаны с местными традициями, что западный человек не опознает в них демократических элементов.

Самым видным поборником азиатской альтернативы демократии является бывший премьер-министр Сингапура Ли Куанг Ю. В Сингапуре в период его премьерства сложилась система, которую можно было бы назвать «мягкой» или патерналистской формой авторитаризма, в которой капиталистическая экономика сочеталась с авторитарной политической системой, подавлявшей свободу слова и политическое инакомыслие, а также вмешивавшейся, зачастую довольно грубо, в частную жизнь граждан. Ли утверждал, что эта модель лучше соответствует конфуцианским культурным традициям Восточной Азии, чем демократия западного образца. Он откровенно говорил, что западная демократия должна оказать разрушительное воздействие на общество, подобное Сингапуру, потворствуя вседозволенности, вызывая социальную нестабильность и экономически нерациональное принятие решений.

Многие западные авторитетные авторы по вопросам демократии согласны с оценкой отношений между конфуцианством и демократией. Сэмюэл Филипс Хантингтон, например, написал, что «конфуцианская демократия» является внутренне противоречивым понятием: «Среди ученых наблюдается почти единодушное признание того факта, что традиционное конфуцианство следует считать либо недемократичным, либо антидемократичным... В классическом китайском конфуцианстве и его производных в Корее, Вьетнаме, Сингапуре, Тайване и (менее ярко и однозначно) в Японии интересы коллектива ставятся выше интересов личности, власть имеет приоритет перед свободой, а обязанности считаются более важными, чем права. В конфуцианских обществах недостает традиции противостояния права государству; те немногочисленные права и свободы, которые все же имелись, исходили от самого государства. Предпочтение отдается согласию и сотрудничеству, а не разнообразию мнений и конкуренции. Главными ценностями являются поддержание порядка и уважение иерархических отношений. Конфликт идей, групп и партий рассматривается как вредный и незаконный. Самое важное, конфуцианство осуществило слияние общества и государства и поставило вне закона автономные общественные институты на общегосударственном уровне».

Хантингтон полагает, что единственными азиатскими государствами, где можно говорить о демократии до 1990 года, были Япония и Филиппины, причем демократические преобразования стали возможны в этих странах только благодаря непосредственному влиянию Соединенных Штатов, а также благодаря тому факту, что конфуцианство имело там менее сильные позиции, чем в других азиатских обществах.

Мне представляется, что и Хантингтон, и Ли в значительной степени преувеличивают те препятствия, которые представляет конфуцианство для распространения демократической политической системы в западном понимании. Наиболее очевидная сфера несовместимости демократии и конфуцианства проявляется в том, что в последнем отсутствует как поддержка индивидуализма, так и трансцендентный закон, стоящий над наличными общественными отношениями и обосновывающий возможность обращения к личной совести как к верховному судье. Однако представляется, что даже этот важный момент еще не означает неспособность конфуцианского общества создать жизнеспособные демократические институты, удовлетворяющие основным требованиям демократии.

Давайте сначала рассмотрим области, где конфуцианство явно не противоречит демократии. Во-первых, традиционная конфуцианская система государственных экзаменов для отбора претендентов на должности в госаппарате представляла собой **меритократический** институт, обладающий в потенции **эгалитарным** смыслом. В традиционном Китае экзаменационная система не была - в силу ряда причин - по-настоящему открытой для всех достойных (естественно, точно так же не вполне открыты Гарвардский и Йельский университеты). Однако, в своем современном виде экзаменационные системы, служащие во многих конфуцианских обществах пропускным пунктом для выхода на уровень высшего образования и государственной бюрократии, являются важными инструментами восходящей социальной мобильности. Они подкрепляют относительно эгалитарное распределение дохода, действующее во многих странах Азии. Во-вторых, само внимание к образованию, столь характерное для конфуцианства, можно рассматривать как вторую общую черту. Хотя высокий уровень образованности населения редко упоминается в качестве необходимого формального признака демократии, фактически общий уровень образования общества является важной опорой для демократических институтов. Не имея достаточного образования, люди не могут следить за демократической дискуссией и участвовать в ней; более того, как отмечалось выше, уровень образования, как правило, напрямую связан с благосостоянием людей, а также с их озабоченностью внеэкономическими вопросами, такими как признание правосубъективности и политическое участие. И, наконец, как большинство этических систем Азии, конфуцианство отличается относительной терпимостью. В прошлом конфуцианство сосуществовало с другими религиями, в особенности с буддизмом и христианством; и хотя конфуцианство не без греха в этом отношении (достаточно вспомнить периодические преследования буддистов в Китае), его, очевидно, все же следует признать более терпимым, чем ислам или христианство.

Более того, совместимость конфуцианства с современной демократией еще глубже, причем это не всегда признается. Хантингтон ставит рядом конфуцианство и ислам, представляя конфуцианство как учение, которое объединило политическую и социальную сферы и узаконило власть государства во всех областях жизни. Представляется, однако, что ограничивать воздействие конфуцианства лишь утверждением приоритета коллектива перед личностью, а государства перед всеми подчиненными институтами - значит грубо упрощать подлинное влияние учения. Исследователь конфуцианства Ту Вэй-минг (Tu Wei-ming) проводит разграничение между «политическим конфуцианством», **легитимирующим** иерархическую политическую систему, на вершине которой находится император, и «личной этикой конфуцианства», регулирующей повседневную жизнь человека. В Китае политическое конфуцианство было тесно связано с имперской системой и ее бюрократией, состоящей из благородных и ученых мужей. Эта система была отменена с падением династии Цин в 1911 году.

меритократия (от лат . meritus - достойный и греч. kratos – власть) - *букв.:* власть наиболее одаренных. Термин введен английским социологом М. Янгом в книге «Возвышение меритократии: 1870-2033» (1958)

эгалитарный (фр. egalitaire < egalite равенство) - уравнительный

легитимация (< лат.legitimus законный) – признание или подтверждение законности какого-либо права, полномочия

Несмотря на попытки коммунистов в Пекине и некоторых заграничных правительств в странах с китайским этническим преобладанием (например, в Сингапуре), присвоить наследие имперской системы, о подлинной преемственности политического конфуцианства говорить не приходится - эта традиция оказалась прерванной. Ту (Tu) утверждает, что в действительности более важным наследием традиционного конфуцианства является не его политическое учение, а личная этика, формирующая отношение к семье, работе, образованию и другим элементам повседневной жизни, наделяемым особым значением и важностью в китайском обществе. Именно эти отношения, а не унаследованные идеи относительно политической власти, лежат в основе экономического успеха китайцев за границами Китая.

Можно даже утверждать, что сутью традиционного китайского конфуцианства всегда было не политическое конфуцианство, а ярко выраженная семейственность, которая ставилась выше всех прочих социальных отношений, в том числе отношений с политическими властями. То есть конфуцианство строит высокоорганизованное общество снизу вверх, а не сверху вниз, уделяя особое внимание моральным обязательствам семейной жизни как основной ячейки общества. За традиционной китайской семьей следует род и более крупные родственные группы. Государство и другие политические власти рассматриваются как некая семья семей, объединяющая всех китайцев в единую социальную общность. Но кровные семейные узы считаются важнее, чем более опосредованные связи, в том числе обязательства перед императором. В классическом китайском конфуцианстве долг перед собственным отцом важнее, чем долг перед полицией. Так, в известном предании о Конфуции говорится о правителе, который «хвастался Конфуцию состоянием добродетели в его стране. Он сказал, что если отец украдет, сын донесет на него властям. На что Конфуций ответил, что в его стране добродетель гораздо выше, поскольку сын и помыслить не посмеет так поступить со своим отцом». (Китайские коммунисты попытались изменить это положение дел, но это уже другая история). Естественно, в высокоорганизованном конфуцианском обществе не должно быть подобных конфликтов между конкурирующими обязательствами. Однако они случаются, и в классических китайских драмах эти разнонаправленные обязательства выступают как источник невыносимых душевных мук героя, но в конце все же совершенно однозначно выводится мораль о приоритете семьи. В этом отношении китайское конфуцианство весьма отлично от варианта, который сложился в Японии, когда после падения китайской династии Сун (960-1279) в страну было импортировано неоконфуцианство. Японцы внесли некоторые стратегически важные изменения в китайское конфуцианство, чтобы приспособить его к своей имперской системе. В Китае даже власть императора не была абсолютной. Китайский император мог лишиться власти, если в результате своего поведения, противоречащего существующим морально-этическим нормам, он терял «мандат неба». Смена китайских династий на протяжении многовековой истории Китая является свидетельством преходящего характера китайской политической власти. Япония, напротив, ха-

рактеризуется единой неразрывной династической традицией со времени мифологического основания страны, и не было в ее истории ничего похожего на утрату «мандата неба», в результате чего японский император мог бы лишиться трона. Японцы постарались не позволить политическим предписаниям конфуцианства ущемить прерогативы императора и правящего политического класса. И поэтому в Японии обязательства перед императором считались важнее обязательств перед отцом, а сын, стоящий перед выбором, донести ли на собственного отца, должен был прежде всего думать об интересах государства. В китайском конфуцианстве семья (или род) выступает неким бастионом, крепостью, в которой можно укрыться от произвола государства. В Японии семья - гораздо более слабый соперник политической власти. Следовательно, характеристика, данная Хантингтоном конфуцианству как системе, где неизбежно государственная власть занимает главенствующее положение по отношению к подчиненным социальным группам, скорее относится к японскому, чем к китайскому конфуцианству. Но, несмотря на это, не Китай, а Япония вот уже сорок пять лет имеет демократические институты.

ГРАНИТ И ПЕСОК

Это различие между китайским и японским конфуцианством привело к возникновению нескольких важных различий в политических культурах этих двух стран - различий, которые необходимо учитывать, размышляя о перспективах западной демократии в данных странах. При наличии прочных внутрисемейных связей в традиционном китайском обществе, связи между людьми, не находящимися друг с другом в родственных отношениях, относительно слабы. Другими словами, в китайском обществе наблюдается относительно высокая степень недоверия между людьми, которые не являются родственниками. Китайцев можно назвать ориентированными на семью, но нельзя назвать ориентированными на коллектив, как часто говорят о японцах. Из-за конкуренции между семьями западным наблюдателям китайское общество часто кажется более индивидуалистическим, чем японское общество. На этом наблюдении основывается известное сравнение: в то время как японцы похожи на гранитную глыбу, китайцы - как лоток с песком, где каждая песчинка представляет отдельную семью.

Из-за верховенства семьи в Китае политическая власть там всегда была слабее, чем в Японии, и более часто и легко проявлялась политическая нестабильность. Китайские семьи традиционно недоверчиво относились к властям, и многие китайские семейные предприятия - как в Китайской Народной Республике, так и среди китайцев, живущих за границей (Nanyang) - изобретают изощренные уловки, чтобы скрыть состояние своих дел от налоговых властей и других чиновников. Национализм и национальное самосознание традиционно были слабее выражены в Китае, чем в Японии: менталитет «мы против них», столь ярко выражавшийся временами в Японии, Китаю почти незнаком. В деловых отношениях и даже в политических связях преданность семье, роду и своей провинции часто перевешивает сам факт принадлежности к китайской национальности. Часто отмечалось, что степень гражданственности в Китае ниже, чем во многих других социумах: если государство оставляет их в покое, большинство китайцев не чувствуют никаких особенных обязательств по отношению к обществу, в котором живут. И, конечно же, китайцам чуждо абстрактное чувство морального долга по отношению к чужакам. Они не считают себя обязанными, как это свойственно христианам, поступать с ними справедливо только потому, что они

люди. Поскольку у китайцев отсутствует глубокое и сильное чувство природной общности, как у японцев, для китайцев политическая нестабильность в некотором смысле представляет более серьезную психологическую угрозу.

Парадоксальным образом более слабо выраженное в китайском социуме почитание власти обусловливает более сильную потребность в авторитарной политической системе. Именно потому, что государственная власть пользуется меньшим уважением в Китае, опасность социального хаоса, который может возникнуть в отсутствие откровенно репрессивной государственной машины, более велика, чем в Японии. Именно осознание опасности фрагментации и дестабилизации Китая, по всей очевидности, явилось одним из факторов, заставивших коммунистическое руководство страны жестоко подавить продемократическое движение на площади Тяньаньмынь в июне 1989 года. Страх перед распадом страны - вот что удерживает правителей Китая от кардинальных шагов по либерализации политической системы. Невольно напрашивается мысль, что жесткие авторитарные меры, применяющиеся в политической системе Сингапура и других государств Юго-Восточной Азии отражают не столько самодисциплину этих социумов - как им хотелось бы представить дело иностранцам, - сколько их достаточно низкий уровень природной гражданственности и вызываемый этим страх дезинтеграции в отсутствие сильной политической власти и аппарата принуждения. В Японии, напротив, государству нет необходимости принимать законы о мерах ответственности за неспускание воды в общественных туалетах или надписи на стенах, потому что эти правила стали второй натурой общества.

[…]

Государственническое, коллективистское отношение к власти, которое, по мнению Хантингтона, характерно для конфуцианства как такового, на самом деле более свойственно Японии и японскому конфуцианству. В своей крайней форме оно проявилось в Японии в тридцатые годы двадцатого века. В результате катастрофического опыта Второй мировой войны национализм и **этатизм** утратили легитимность и были заменены некой рабочей моделью демократии. Однако традиционно уважительное отношение к политической власти продолжало проявляться в долгом спокойном правлении треугольника: бюрократия - ЛДП - бизнес в послевоенный период. Тем не менее, как отмечалось выше, не вполне ясно, будут ли эти мировоззренческие и поведенческие установки и в дальнейшем представлять непреодолимый барьер для более присущей Западу формы демократии участия с многопартийной борьбой за власть.

Основное отличие конфуцианской культуры - и китайской, и японской - от христианской и демократической культуры Запада прежде всего связано со статусом личности. Хотя может показаться, что китайская семейственность проявляет некоторые черты индивидуализма, это не тот индивидуализм, на котором зиждется западный идеал. То есть отдельный человек в Китае не имеет безусловно авторитетного источника, дающего ему право бунтовать против семьи и паутины

этатизм (от франц. etat - государство) - активное участие государства в экономической жизни общества

социальных связей и отношений, в которую он попадает с рождения. В христианстве есть понятие трансцендентного Бога, чье Слово представляет собой высший источник истины и права. Божий закон главнее всех остальных обязанностей и обязательств - достаточно вспомнить, как Бог потребовал от Авраама принести в жертву своего сына - и именно этот трансцендентный источник морали позволяет личности на Западе пренебрегать всеми формами социального долга, начиная с семьи и кончая государством. В современном либерализме христианское понятие универсального Бога заменено понятием основополагающей человеческой природы, которая и служит универсальным основанием справедливости. Либеральные права распространяются на всех людей как таковых, точно так же как Божий закон в христианстве, перекрывая любые конкретные социальные обязательства. Хотя и не все американские защитники прав человека, работающие в таких организациях как Asia Watch или Amnesty International причисляют себя к верующим христианам, все они разделяют зацикленность своей христианской культуры на универсальных правах, а следовательно, верят, что индивидуальное сознание является главным судией и высшей инстанцией. Можно с уверенностью утверждать, что ничего подобного нет в конфуцианском обществе. Именно это различие является первопричиной современных расхождений между американцами и азиатами по вопросу политики в области прав человека.

Анализируя утверждения о коренной несовместимости конфуцианства и либеральной демократии, необходимо помнить, что ранее весьма распространено было мнение, что конфуцианство представляет непреодолимые преграды и для капиталистической экономической модернизации. И, прислушиваясь к совершенно справедливым утверждениям Хантингтона, что современная либеральная демократия выросла из христианской культуры, следует помнить, что демократия появилась только после целой череды инкарнаций христианства, враждебных и неблагоприятных для либеральной толерантности и демократической конкуренции. В целом, преграды, выставляемые конфуцианством, не представляются более непреодолимыми, чем преграды, связанные с другими культурами. Более того, если сравнивать конфуцианство с индуизмом или исламом, они кажутся гораздо менее безнадежными.

УСТАНОВОЧНЫЙ СДВИГ

Из всего вышесказанного следует вывод, что конфуцианство ни в коем случае не санкционирует авторитарную политическую систему. В Сингапуре нынешнее политическое руководство не совсем честно апеллирует к конфуцианским традициям с целью оправдания вторгающейся в частную жизнь и излишне патерналистской политической системы. Другие конфуцианские социумы, такие как Япония и Южная Корея, сумели обеспечить большую степень политического участия и индивидуальной свободы, чем Сингапур, не поступившись ни в малой степени своими основополагающими культурными ценностями. В этом же направлении быстро движется Тайвань. Я не вижу, почему бы и Сингапуру не последовать по этому пути. Если экономическая модернизация действительно влечет за собой потребность в повышении статуса личности, то уже следующее поколение граждан Сингапура должно начать активно выступать за расширение политического участия и личной свободы - не потому, что это западные ценности, а потому, что они отвечают интересам образованного среднего класса.

С другой стороны, практически никто сегодня в Азии не считает возможным, чтобы азиатские общества в конечном итоге конвергировали в конкретную модель либеральной демократии, представленную современными Соединенными Штатами. Более того, никто даже отдаленно не считает такую возможность желательной. Это положение дел в корне отличается от послевоенного времени, когда многие - и не только в Азии - считали, что Соединенные Штаты являются примером современного демократического государства, достойным восхищения и подражания. Этот установочный сдвиг вызван двумя взаимосвязанными факторами. Первым фактором является сенсационный экономический рост в Юго-Восточной Азии, которые многие отнесли за счет конфуцианских традиций, господствующих в данном регионе. Второй фактор - ощутимое падение уровня жизни в Америке, если измерять его не в **ВВП** на душу населения, а в терминах роста преступности, разрушения семьи, расовых конфликтов и незаконной иммиграции - проблем, которые пока только усугубляются. С точки зрения многих азиатов, индивидуализм слишком бурным цветом расцвел в американском обществе и привел в результате к социальному хаосу, чреватому катастрофическими экономическими и политическими последствиями. Поэтому стали раздаваться голоса в пользу «мягкой» авторитарной системы - основанной на принципах конфуцианства и характеризующейся меньшей степенью индивидуальной свободы и большей степенью социальной дисциплины, - которая должна привести не только к более быстрым темпам экономического роста, но также обеспечить гораздо более удовлетворительный общий уровень жизни.

В этом азиатском анализе сегодняшних недомоганий американского общества есть как элемент истины, так и сильное преувеличение. Действительно, ничего похожего на тот индивидуализм, который пронизывает теоретические принципы, лежащие в основе Конституции и правовой системы США, в азиатской культуре нет. Поэтому неслучайно американский политический дискурс в значительной степени складывается вокруг вопроса конфликтующих индивидуальных прав. Однако, как отметила Мэри Энн Глендон, этот «разговор о правах» представляет собой лишь диалект, свойственный только Соединенным Штатам, с их локковскими и джефферсоновскими традициями. В большинстве конституций современных европейских стран индивидуальные права человека уравновешиваются обязанностями по отношению к обществу. Кроме того, даже в американской традиции индивидуализм, заложенный в конституционно-правовой системе, всегда на практике уравновешивался мощными коллективистскими социальными стереотипами. Источником такой высокой степени участия человека в общественной жизни является религия (то есть сектантская форма протестантизма, преобладавшая в Соединенных Штатах), а также, позднее - коллективистские поведенческие стереотипы различных американских этнических групп. В тридцатых годах девятнадцатого века Алексис де Токвиль заметил, что американцы очень хорошо вступают в контакты друг с другом и подчиняют свой индивидуализм различным добровольным обществам и ассоциациям.

ВВП - валовой внутренний продукт; показатель, выражающий совокупную стоимость конечных товаров и услуг, произведенных на территории данной страны, в рыночных ценах

И только на протяжении жизни двух последних поколений равновесие между индивидуализмом и коллективизмом-общинностью в Соединенных Штатах явно сместилось в сторону первого. Целый ряд разнообразных исторических причин привел к тому, что общинные институты ослабели - либо намеренно были ослаблены государством - в то время как число и объем основных индивидуальных прав, которые американцы считают своими неотъемлемыми правами, постоянно увеличиваются. Источник этой проблемы - и возможное ее решение - далеко выходят за рамки данного эссе, однако в результате такого положения дел американская модель демократии потеряла в своей привлекательности для азиатов. И азиаты не одиноки в своем сегодняшнем отношении к ней; если судить по положительной реакции, продемонстрированной многими американцами по отношению к телесному наказанию Майкла Фэя в Сингапуре, эта модель потеряла свою привлекательность и для самих американцев.

В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ

Многие в Азии считают, что социальные проблемы, одолевающие в настоящее время Соединенные Штаты, являются проблемами самой либеральной демократии **per se.** И пока это представление будет иметь место, будущее демократии в Азии будет зависеть не столько от теоретической совместимости или несовместимости конфуцианства с демократическими принципами, сколько от желания или нежелания людей в Азии, чтобы их общество напоминало Соединенные Штаты.

Таким образом, Азия сейчас находится на очень интересном перепутье. Вполне возможно, что модернизационная гипотеза и в будущем будет подтверждаться и что растущие доходы на душу населения и образовательный уровень в регионе будет сопровождаться усилением демократизации политической системы. Как отмечалось выше, этот прогноз основывается на побуждении, свойственном всем людям, стремиться к признанию своего достоинства посредством участия в политической системе в качестве взрослых самостоятельных людей. С другой стороны, на выбор людей в значительной мере влияет наличие очевидных альтернатив, и если Юго-Восточная Азия продолжает процветать, а Соединенным Штатам плохо удается справляться со своими экономическими и социальными проблемами, западная модель демократии будет все больше терять свою привлекательность. Критическим здесь окажется опыт Японии. Если после выхода Японии из нынешнего спада японский народ будет считать, что экономические проблемы страны стали результатом накопившихся неэффективных решений периода господства ЛДП, тогда появится стабильный стимул к реформе политической системы и расширятся перспективы для подлинно демократической Японии. Однако остается реальная возможность, что попытка реформ может оказаться в роли козла отпущения по отношению к японским экономическим неурядицам, благодаря чему могут укорениться настроения в пользу более авторитарного типа политической системы. Я не могу и не хочу делать сейчас конкретных предсказаний относительно Японии или Азии в целом. Тем не менее, надеюсь, мне удалось показать, что не существует никакого фундаментального препятствия в культуре для демократизации современных конфуцианских социумов, и есть некоторые основания полагать, что эти социумы будут двигаться в направлении большей политической либерализации по мере роста их богатства и благосостояния. Нам необходимо относиться с определенной долей **скептицизма** к утверждениям,

Per se (лат.) - сама по себе

скептицизм - критическое, недоверчивое отношение к чему-либо, сомнение в возможности, правильности или истинности чего-либо

что авторитарные политические системы обязательно более конфуцианские, чем демократические системы. На самом деле, конфуцианские ценности могут прекрасно служить и в либеральном обществе (как это и происходит в среде иммигрантов из Азии в Соединенных Штатах), где они играют роль противовеса к атомизации общества в целом. С другой стороны, конкретная форма, которую примет в конечном итоге азиатская демократия, вряд ли будет идентична модели, которую представляют Соединенные Штаты. Если конфуцианские традиции в Азии помогут ей найти точный и стабильный баланс между свободой и коллективизмом, то Азия поистине станет политическим раем на Земле.

ИСТОЧНИК: Фрэнсис Фукуяма. Конфуцианство и демократия. Русский Журнал. 25.12.1997. <www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama03.html - 55k>

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему так важно различать совместимость или несовместимость цивилизаций? Что означает фраза о том, что культуры сравнимы друг с другом?
2. Важно ли уравновешивать традиционные азиатские ценности западным стилем демократии? Правда ли, что в разных странах демократия меняется из-за культурных представлений?
3. Служит ли западная демократия моделью для развивающейся азиатской демократии? Что значит жить по законам демократии?
4. Западные ученые заявляют, что экономическое развитие и политическая свобода важны для стабильной демократии. Является ли это ценностью для всех развитых и развивающихся стран?
5. Согласны ли вы с утверждением Фукуямы, что «первоначальный порыв в направлении либеральной демократии возникает из внеэкономического стремления к “признанию”»?
6. Понимаете ли вы важность демократического опыта для азиатских обществ?
7. Почему Фукуяма утверждает, что «в будущем процессы демократизации в Азии прекратятся»?
8. Азиатская альтернатива демократии была выдвинута бывшим премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю. Обсудите существование этой альтернативы. Возможно ли создать демократию, основанную на жестком азиатском законодательстве?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Confucianism and Democracy, www.muse.jhu.edu/journals/journal_of_democracy/v006/6.2fukuyama.html
- Francis Fukuyama, the Primacy of Culture, www.muse.jhu.edu/journals/journal_of_democracy/v006/6.1fukuyama.html
- Confucianism and Democracy by Francis Fukuyama, www.asianbarometer.org/newenglish/publications/workingpapers/no.1.pdf
- Is Liberalism the only way of toward Democracy? www.geocities.com/mllora3/Democracy_in_Confucianism.pdf
- Social Capital and Civil Society, www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm



В.Г. Перов. Суд Пугачева

ПИТИРИМ СОРОКИН. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА



Питирим Сорокин (1889-1968) – американский социолог российского происхождения, основатель Отдела социологии в Гарвардском университете. Его работы включены в четырехтомник, в том числе «Социальная и культурная динамика» (1937-1941), «Кризис нашего времени» и «Власть и мораль: кто будет сторожить сторожей» (1959).

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА И СОЦИАЛИЗМ

§1

Стертые монеты обращаются не только на денежном рынке. Есть они и на бирже духовных ценностей. И их немало. Все ими пользуются, все их употребляют, а подлинную ценность их — увы! — знают очень немногие, а иногда, быть может, и никто. К числу таких же «стертых монет» принадлежит и понятие социального равенства. Оно постоянно котируется на духовной бирже, но многие ли пытались отдать себе отчет в его содержании? Да и те, кто пытались, сумели ли вполне ясно решить, что, собственно, должно мыслиться под этим лозунгом нашей эпохи? Дали ли нам точную формулу этой основы демократии и социализма?

Несмотря на почтенный возраст этого лозунга, легализировавшегося еще задолго до триады революции 1789 года, гласящей: «свобода, равенство, братство», и «Декларации прав человека и гражданина», подлинное лицо его, к сожалению, до сих пор вполне не раскрыто.

Кратко коснуться некоторых сторон этой проблемы и не столько решить их, сколько поставить — такова задача данного очерка. Вопрос выдвинут самим временем, и, стало быть, рано или поздно он должен быть поставлен.

§2

Не вдаваясь в детали, социальное равенство можно мыслить двояко: в смысле абсолютного равенства одного индивида другому во всех отношениях: и в смысле прав и обязанностей, и в смысле умственном, нравственном, экономическом и т.д. Коротко говоря, равенство в этом понимании означает полное тождество одной личности другой! Каждый индивид должен быть таким же, как и все остальные, ни больше, ни меньше. Все должны быть одинаково умными, одинаково нравственными, обладать равной долей экономических благ (богатства), в равной мере работать, в одинаковой степени быть счастливыми, пользоваться равным количеством уважения, признательности, любви, таланта и т. д. и т. д.

При последовательном проведении равенства этого типа не должно быть терпимо никакое неравенство в каком бы то ни было отношении. Идеалом его

является стрижка всех людей под одну гребёнку и посильное стремление сделать их совершенно сходными друг с другом, своего рода стереотипными изданиями с одного и того же экземпляра. Общество, построенное по такому плану, похоже было бы на то общество, которое описывается в одном из рассказов Джерома; все индивиды в нем и по одежде, и по росту, и по форме носа или губ были бы похожи друг на друга как две капли воды. Само собой очевидно, что такое равенство - чистая **утопия**. Оно невозможно, неосуществимо, да едва ли и желательно с точки зрения большинства людей. Что оно невозможно - это не требует доказательств. Что оно не желательно, это тоже ясно, ясно потому, что оно ведет к морали: «стыдно быть хорошим», морали, едва ли приемлемой кем-нибудь. В самом деле, раз все должны быть равны друг другу, то нельзя быть умным, ибо есть глупые, нельзя быть честным, ибо есть преступники, нельзя быть здоровым и сытым, ибо есть сифилитики и голодные, нельзя быть красивым, ибо есть безобразные и т.д. «Равенство, так уж равенство во всем!» «Справедливость, так уж справедливость до конца!» При таком понимании равенства не было бы места на жизненном пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микеланджело, ни кому бы то ни было из великих. Царили бы одни посредственности и невежды. Иными словами, мораль этого равенства является раздачей премий невежеству, болезни, преступности и т.д. и ведет к полному застою культуры и ее приобретений.

Сказанного достаточно, чтобы отбросить это понимание социального равенства. Оно утопично, неосуществимо, **ретроградно** и социально вредно.

§3

Но тогда остается только одна возможность: равенство приходится понимать уже не в смысле тождества, а в смысле пропорциональности социальных благ заслугам того или иного индивида. Согласно этой формуле пропорциональности, права на социальные блага (богатство, любовь, слава, уважение и т. д.) не могут и не должны быть равны у простого маляра и Рембрандта, у рядового работника науки и гения, у чернорабочего и Эдиссона и т. д. и т. д. «Каждому — по заслугам», «каждому — по мере выявленных сил и способностей», «каждому — по мере таланта» - вот краткие формулы, выдвигаемые этой концепцией равенства. Таково в основных чертах второе понимание равенства, распадающееся, как увидим ниже, на ряд подразделений. Кроме этих двух типов третьего не существует. Либо то, либо другое. Первое оказалось безнадежно негодным, остается обратиться ко второму.

§4

Равенство в этом втором смысле многие авторы считают чем-то более или менее новым. Однако взятый в своем общем виде принцип пропорциональности заслуг и благ (прав и привилегий), гласящий: «Каждому — по его заслугам», стар, как старо человечество.

В известном смысле И. Тэн прав, говоря: «Нельзя думать, чтобы человек стал давать много благ без достаточных побудительных причин и мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке». Стоит развернуть историю привилегий или неравенства, и с первых ее страниц мы уже найдем эту пропорциональность заслуг и привилегий или благ. В первобытном обществе наиболее привилегированными людьми являются полновозрастные мужчины, а среди них - чародеи и вожди. Почему? Потому что они — носители силы, стражи и защитники группы

утопия - здесь: фантазия, несбыточная мечта

ретроградно - отстало, не прогрессивно

и наиболее опытные личности. Чародеи же и вожди, по верованию этих групп, — лица, одаренные необычными способностями и оказывающие громадные услуги. Отсюда они — и наиболее полноправные индивиды. Пусть эти заслуги с нашей точки зрения только мнимые заслуги, фактически бесполезные, каковыми нередко они и были, но с точки зрения общества того времени, в силу его неразвитости и малого знания, они казались ценными и полезными. Перейдите к кастовому обществу и встретите то же. Если каста жрецов, в частности браминов, наиболее полноправна, а **шудр** или **вайшиев** — бесправна, то опять-таки недаром. По воззрениям того времени (фактически, конечно, ошибочным), **брамины** оказывали необычные услуги — они могли управлять силами природы, вызывать дождь, лечить от болезней, указывали путь к небу, отвращали врагов, одним словом, совершали величайшие подвиги, отсюда они получали и исключительные права и преимущества. А несчастный судра или вайсий, что могли они сделать? Очень мало, по мнению того времени, а потому не много благ и выпадало на их долю (несмотря на фактическую пользу их работы). Возьмите историю сословий: дворянства и буржуазии, или историю католической церкви или просто лиц, пользующихся «популярностью» в том или ином обществе, и здесь вы увидите, что в каждом обществе объем прав и преимуществ того или иного сословия в общем пропорционален их заслугам по оценке этого общества…

§5

Следует ли, однако, из сказанного, что все разговоры о равенстве как знамении нашей и грядущей культуры, о его росте, о его неразрывности с социализмом представляют одно недоразумение? Значит ли сказанное, что рост равенства - миф, что все остается и должно остаться по-старому? Или, как говорит **Экклезиаст**, «так было, так будет, и нет ничего нового под солнцем»?

Нет, не значит. Вышесказанное говорит лишь о том, что нельзя в таких важных вопросах ограничиваться общими формулировками, вроде: «каждому — по его заслугам», а необходимо идти дальше — детализировать и точнее выявлять эти общие фразы. В противном случае неизбежны недоразумения. Да, несомненно, принцип: «каждому — по его заслугам» не нов, верно, что он стар, как человечество, что он действовал во все времена и, вероятно, будет действовать в грядущем. Не в его общей формулировке кроется сущность современного равенства и его новизна. Для выявления природы последнего нужно идти дальше и поставить ряд дальнейших вопросов. Только тогда возможно «выловить» «святая святых» современного равенства. Иначе — оно ускользнет через широкую сеть этой общей формулы, и мы останемся у «разбитого корыта». Попробуем (конечно, кратко) сделать эти дальнейшие шаги.

Несомненно, формула: «каждому — по его заслугам» стара, но ново то содержание, которое вкладывается в эту формулу, или, точнее, нов тот критерий, тот аршин, по которому измеряются эти заслуги и устанавливается эта пропор-

шудры (санскр.) - в Др.Индии - низшая (неполноправная) из четырех варн (так называемые «слуги»), в которую входили потомки покоренного местного арийского населения, мелкие ремесленники и пр.

вайшии (санскр.) - в Др.Индии - третья из четырех варн, в которую входили торговцы, земледельцы, скотоводы

брамины (браманы, брахманы) - в Др.Индии - высшая из четырех варн (сословных групп; из древних варн впоследствии развились касты)

Экклезиаст - одна из самых поздних частей Ветхого Завета, которая в русской Библии помещается среди Соломоновых книг, а в еврейской Библии - между «Плачем Иеремии» и Книгой Есфирь

циональность заслуг группы или индивида и соответственной доли социальных благ (прав и привилегий), причитающихся им за эти заслуги или, говоря шире, за те общественные функции, которые они выполняют.

[…]

Обращаясь к нашему образу, можно сказать, что современная общественная дифференциация похожа на казенный дом с казенными квартирами. Но отличие от предыдущей картины здесь в том, что эти квартиры сообщаются друг с другом, и нет, по существу, ни религиозных, ни правовых барьеров. Сегодня роскошную квартиру занимает один, а завтра ее же может занять «обитатель подвала», если он выполнил ряд условий и сделал ряд «подвигов». Рождающиеся в пышных апартаментах теперь могут перейти в подвалы, и наоборот — из подвалов попасть во дворцы и замки. Все, в принципе, зависит от индивидуальности и личных качеств.

А отсюда само собой следует: 1. Исчезновение наследственности привилегий или бесправия (падение каст, сословий и вообще правовых статусов). 2. Падение религиозно-юридической основы общественной дифференциации.

В силу первого сын тайного советника может (в принципе) оказаться человеком без чина, и наоборот — сын прачки — министром и тайным советником. В силу второго — грань между группами (сословиями или классами) теперь только фактическая, а не юридическая. Переход из одной в другую не запрещен и возможен. Общественно-государственные должности не наследственны и не являются монополией избранного сословия. Доступ к ним в принципе открыт для всех.

А все это означает, что личность освободилась от опеки группы, рода, племени, касты, сословия и мало-помалу сбросила с себя все эти пеленки. Теперь она — самоцель, выступает таковой и оценивается как таковая же.

Таково первое основное отличие старого порядка от нового. Основа оценки заслуг из неравной и неиндивидуальной стала единообразной и индивидуальной.

Лозунг «Каждому - по его заслугам» и теперь тот же, но содержание его изменилось, и в современном своем виде он призывает к распределению социальных благ совсем иначе, чем раньше.

§6

Выше я кратко очертил лишь отличие современного «оценочного механизма» от старого, так сказать, самый аршин распределения благ и установления пропорциональности заслуг и наград. Теперь поставим иной вопрос. Спросим себя, а не изменилось ли также и то, за что давали раньше и дают теперь «награды»? Не утратили ли своей ценности в ходе истории многие поступки и качества, раньше считавшиеся «подвигами» и высоко награждавшиеся, и наоборот, не стало ли теперь высоко цениться многое, что раньше «ни в грош не ставилось».

[…]

Краткий ответ на этот вопрос гласит: в древности ни личность, ни даже группа сами по себе не были высшими ценностями, «самоценностью» или «самоцелью», а таковой было «божество» или «божественная сила», как бы она ни называлась (**тотем**, мана, позже божество, бог и т. д.).

тотем - животное, растение, предмет или явление природы, которые у родовых групп служили объектом религиозного почитания; каждый род носил имя своего тотема

И индивид, и группа (каста, сословие и т. д.) были тем выше, чем они ближе стояли к божеству, чем более они были сопричастны божественной силе, чем более участвовали в ней. Лозунг «Каждому - по его заслугам» в эти эпохи получает толкование: «каждому - по степени божественной благодати, почиющей на нем».

Это первая историческая форма этого лозунга.[…]

Переходя от него к нашему времени, нельзя не заметить громадного сдвига, уже вполне отчетливо сказавшегося в XVII и XVIII веках в работах мыслителей того времени и приведшего к формуле: «Высшая ценность — человеческая личность». «Человек — самоцель и ни для чего, и ни для кого средством быть не может». Таков основной критерий ценности нашего времени, слышимый всюду и везде, под его знаком стоят все современные системы и морали, и права. Таков второй характерный сдвиг, совершившийся в пределах той же формулы «каждому - по заслугам». А это значит: радикально изменились и сами взгляды на ценность и заслуги. Из религиозной основная ценность стала человеческой, светской. Религиозные действия и функции **шамана** и жреца, в силу их религиозности, были святы, велики и ценны для общества того времени, верившего в их силу и оценивавшего все с точки зрения божественной ценности; для современного же общества эти действия — бесполезная и неумная трата сил, не заслуживающая никаких привилегий или прав. [...]

На место святости и касты жрецов, сначала наряду с ними, а затем уже и самостоятельно, приходят воины, служилое сословие — феодальная знать и дворянство — защитники целости и безопасности страны. Социальный курс их общественной роли быстро растет — растут поэтому и их привилегии. Лозунг «Каждому - по его заслугам» получает форму: «каждому - по мере его участия в обороне страны от врага, по мере его ратной службы и участия в ее управлении».

Приходит дворянин, «высокое сословие», «белая кость», постепенно становится на вершине общественной лестницы и берет себе полноту власти и прав.

Но идут времена. Растут города. Растет и роль капитала. Феодальное ополчение сменяется наемной армией или народным войском на основе всеобщей воинской повинности, рост расходов для государственного управления увеличивается, одним словом, деньги становятся великой силой, определяющей собой и военное могущество государства.

[...]

Лозунг «каждому - по его заслугам» приобретает форму «каждому - по его капиталу». Таковы те типические содержания, которыми история наполняла эту «вечную» формулу. Мы сейчас стоим как раз в середине того процесса, когда капитал достиг своей высшей оценки и намечаются уже признаки замены этой ценности — новой, иной, грядущей.

§8

[…]

Рост прав трудовых классов в течение указанного периода проявился: 1) в провозглашении равенства всех граждан перед законом, в противоположность юридическому неравенству старого права; 2) в уничтожении сословий

шаман - колдун-знахарь, наделённый особыми способностями общаться с духами и сверхъестественными силами

и сословных привилегий и в провозглашении принципа, согласно которому представители трудовых классов имеют право, равное с привилегированными классами, на занятие любой общественной должности, чего раньше не было и не могло быть; 3) в равенстве политическом, в уравнении трудящихся классов с привилегированными классами в пользовании публичными правами человека и гражданина (избирательное право; свобода слова, печати, союзов, верований; неприкосновенность личности и т. д.) и в их объеме; 4) в ряде фактов, направленных на то, чтобы равномерно распределить между всеми классами основное духовное богатство — знание (отсюда: недопускавшееся раньше всеобщее бесплатное обучение, бесплатные курсы, лекции, библиотеки), тенденция интеллектуального равенства; 5) в стремлении к равенству экономических благ, проявляющемуся в постепенном повышении заработной платы, в создании союзов рабочих для борьбы за ее повышение, в страхованиях государства от безработицы, старости, болезни. Естественным завершением этого процесса служит обобществление средств и орудий производства, вполне логично и правильно провозглашенное социалистами.

Не указывая других фактов, и сказанного достаточно для того, чтобы считать доказанным тезис, согласно которому рост ценности труда как основной заслуги в глазах общества действительно влек и неизбежно должен был повлечь и рост прав и доли социальных благ для тех, кто является в обществе представителем труда.

§9

Было бы, однако, ошибкой думать, что этот процесс уравнения прав трудовых масс с нетрудовыми, с одной стороны, и процесс установления пропорциональности труда и вытекающих из него прав на социальные блага — с другой, закончен. Нет! Он только еще начинается. Вышеуказанные факты роста прав труда в XIX и XX веках — это только начало процесса. Правда, граждане объявлены равными перед законом, равными в своих публичных правах и т.д. Но разве до сих пор это равенство не остается почти исключительно словесным равенством? Разве фактически количество жизненных благ, приходящихся на долю капиталиста и рабочего, аристократа и крестьянина, равно? Разве мы не видим с одной стороны роскошные дворцы, а с другой — подвалы нищеты? Пресыщение и ничегонеделание одних, голод и работу до изнеможения других? Разве и до сих пор жизнь для одних не является сплошным пиром, а для других — Голгофой, пыткой, беспрерывным трудом и нищетой?

Короче говоря, равенство экономических благ далеко еще не достигнуто. Как общее правило, трудовые классы остаются обделенными до наших дней, а львиная доля благ приходится классам «празднующим» и мало работающим.

И это относится не только к экономическим благам. То же видим мы и касательно благ почета, уважения, общественного почитания и благ знания. Все эти ценности до нашего времени выпадают носителям труда в малой дозе. Верхи общественной лестницы по-прежнему занимают привилегированные классы.

Процесс уравнения идет, но он далеко еще не закончен. […]

§10

Спросим себя теперь: «Как же должно мыслиться социальное равенство в своем идеальном завершении?» Означает ли оно только установление известной пропорциональности между заслугами индивида или группы и социальными цен-

ностями (благами) за эти заслуги? Или же оно может мыслиться как равенство благ одной личности с благами всех остальных?

Выше мы отвергли так называемое абсолютное равенство. Отвергаем его и теперь. Но это не означает, что сам принцип «пропорционального равенства» при надлежащем развитии не может привести и не приводит к равенству абсолютному.

Поясним сказанное. Из краткого исторического рассмотрения формулы «каждому - по его заслугам» мы видели, что 1) сам аршин, которым измеряются эти заслуги, стал равным, превратившись из неравного, группового в индивидуальный, личный; 2) видели, как изменялось и само содержание социальной заслуги, пройдя через этапы: общественная заслуга — это близость к божеству, это ратная служба и управление, это обладание капиталом и выполнение торгово-промышленных функций, наконец, это социально полезный труд. Каждая замена одной формы другою влекла за собой и расширение количества лиц, правомочных получать правовые и социальные блага. Формула «каждому - по его труду» означает, по существу, распространение полноты прав и благ почти на весь народ, на большую часть человечества. Мало того, так как занятие тем или иным социально полезным трудом доступно почти всем, никому оно не воспрещено, а, напротив, рекомендуется, в наши же дни начинает даже принудительно вводиться («трудовая повинность»); так как, далее, лентяйничанье, праздношатательство и тунеядство все резче и резче порицаются общественным сознанием, то можно и должно ожидать, что процент трудящихся будет все более и более расти с ходом истории, а процент бездельников — уменьшаться. Пределом его может и должно быть общество, где все (исключая, конечно, абсолютно неспособных, вроде младенцев, калек) будут трудиться и где не будет «ничего не делающих».

Если же это так и если теорема пропорциональности заслуг и привилегий правильна, то отсюда вывод: в обществе будущего полнота прав и социальных благ будет принадлежать всем, то есть каждый будет иметь право и возможность на получение полной доли и экономических, и духовных, и всяких других благ. Если же такое предположение о том, что все будут трудиться, не осуществится, тогда не может быть и указанного следствия.

Таков первый вывод. Но он еще не предопределяет, что доля этих благ будет равной для всех. Скажут: труд всех далеко не будет одинаковым. Один будет трудиться над созданием новой машины, а другой - бить булыжники, один создаст прекрасное произведение искусства, другой будет выполнять чисто механическую работу. Неужели же все эти виды труда будут оцениваться одинаково?

Далее, в одно и то же время один, более искусный, работник будет работать продуктивнее, чем другой, менее искусный. Как же уравнивать их и как измерять их работоспособность?

Ответить категорически на эти вопросы едва ли кто-нибудь в состоянии. Воз-

можно, что общество будущего, исходя из положения, что самые простые формы труда не менее необходимы и полезны, чем самые сложные (изобретение и т.п.), найдет вполне справедливым уравнять их ценность и соответственно и долю социальных благ.[...]

Возможна, однако, и иная расценка. Ряд произведений труда, для создания которых потребуется особый талант и одаренность (например, произведение искусства, науки), могут оцениваться выше, чем рядовые продукты труда, а посему и авторы таких произведений будут получать долю социальных благ (экономические блага, слава, уважение, восхищение и т. п.) более высокую, чем доля рядовых работников. Такое положение дел будет более вероятным в ближайшее к нам время. Только в конце этого пути оно может превратиться в предыдущую картину равной оценки всех форм социально полезного труда.

[…]

§11

Возможность равного распределения экономических благ (экономическое равенство) допускается и в принципе не оспаривается. Оно кладется во главу угла социализма. И сам социализм мыслится обычно как система обобществления средств и орудий производства. Фридрих Энгельс в своем «Анти-Дюринге» указывает, что содержанием пролетарского равенства является исключительно социальное равенство, понимаемое в смысле уничтожения классов. «Всякое же требование равенства, переходящее эти пределы, неизбежно является нелепостью», - говорит он. Этим самым система марксизма значительно ограничивает и суживает характер равного распределения социальных благ, а тем самым и само понятие равенства. С ее точки зрения допустимо лишь более или менее равное право на экономические блага, но не может быть речи о более или менее равном распределении благ иного рода: права на знание (интеллектуальное равенство), права на честь, уважение и признание, права на максимум моральности (моральное равенство) и т. д. С точки зрения догмы марксизма подобное равенство немыслимо и абсурдно.

Так ли то, однако? Действительно ли социализм может говорить только о равном распределении жизненных экономических благ и не может требовать равенства иного: морального, интеллектуального и т. д.? Действительно ли абсурдно по своей сущности требование, например, интеллектуального равенства?

Я бы не ответил на эти вопросы так категорично, как Энгельс. Напротив, я склонен был бы думать, что социализм должен требовать все эти формы равенства, и не считал бы такое требование абсолютно утопическим.

Социализм, основным элементом которого является принцип равенства, не должен и не может ограничиваться требованием одного экономического равенства (равное распределение экономических, имущественных благ) потому, что тогда он означал бы учение половинчатое, не требующее равного распределения самых ценных видов социального блага. Разве благо знания, или благо общественного признания, или благо добра стоят меньше, чем экономическое благо и имущественная обеспеченность? Разве первые виды социальных благ не более или, по крайней мере, не столь же ценны, как и благо имущественной обеспеченности, комфорта, довольства и другие материальные блага?

Мало того, разве само имущественное равенство мыслимо и возможно без равномерного распределения знания, моральных и правовых благ? Разве возможно равенство личностей, их взаимная свобода и обеспеченность в обществе, где



ВОССТАНИЕ ЧАРТИСТОВ. Гравюра из книги Корнелиуса Брауна «Правдивые рассказы об истории правления королевы Виктории». 1886 г.

будут умные и глупые, ученые и невежды, моральные люди и преступники? Разве в таком умственно и морально дифференцированном обществе есть гарантии, что умники под новыми формами не обманут снова невежд? Разве в таком обществе «добропорядочные» не будут снова упекать в тюрьмы преступников, а преступники убивать первых; иными словами, разве в таком обществе возможна подлинная свобода, и не появятся снова эксплуататоры и эксплуатируемые, хищники и жертвы, тюрьмы и преступления, короче - все зло современного общества?

Такую возможность едва ли можно отрицать. А потому - раз социализм объявляет войну всем этим бичам человечества, он неизбежно должен выставить и требование равенства не только экономического, но и интеллектуального и морально-правового.

История XIX—XX веков показывает, что блага последнего рода человечество ценит не ниже, если не выше благ чисто экономических. Если бы было иначе, то мы не были бы свидетелями той упорной борьбы трудовых масс, которой полна история XIX и XX веков, за блага правовые и интеллектуальные (равенство перед законом, равенство для занятия публичных должностей, право на равные политические блага — избирательное право, свобода слова, печати, союзов, совести и т. д., борьба за всеобщее и бесплатное обучение, борьба за равное уважение доброго имени каждого и т. д. и т. д.), которые ценились не только как средство для достижения других благ, но и как самоценности. Мыслимо ли, чтобы человечество и в будущем перестало ценить эти блага и отказалось от борьбы за полноту наделения ими каждого? Нет, немыслимо. Социализм волей-неволей должен добиваться и этих форм социального равенства. Иначе он будет ублюдочным, отсталым идеалом, а не высшим воплощением высочайших постижений и завтрашних чаяний.

Это значит, содержание социализма понималось Энгельсом узко и неполно.

Но в ответ мне скажут: «Допустим, что вы правы. Согласимся, что социализм должен требовать равного распределения не только имущественных, но и интеллектуально-правовых благ. Но ведь нельзя же требовать невозможного! А такое требование явно абсурдно и утопично. Оно возвращает нас к тому «абсолютному равенству», которое вы рассмотрели раньше и сами же признали абсурдным». Отвечаю на это. Прежде всего, такое требование равного распределения интеллектуально-моральных благ вовсе не равносильно требованию «абсолютного равенства». Последнее было бы дано, если бы я сказал, что раз X знает санскрит, его должны знать и все остальные, раз У знает теорию дифференциалов, ее должны знать и все сочеловеки. Интеллектуальное равенство мыслится как обладание более или менее одинаково развитым логико-мыслительным аппаратом, а не обладание одинаковыми познаниями. Познания могут быть различны. [...]

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

...Раз мы не можем предвосхитить революцию, то по крайней мере мы должны знать, что она из себя представляет. Ведь мы, по сути, живем внутри нее и, подобно натуралистам, вполне можем исследовать, анализировать и наблюдать революцию.

Пять лет кряду автору этих строк довелось прожить в круге русской революции. День за днем он наблюдал за всем происходящим. Результатом этих наблюдений является эта книга. Читатель не найдет в ней идеографического описания русской революции. Скорее это социологическое эссе, в котором анализируются само явление и его черты, так или иначе присущие всем значительным и великим революциям. Задача историка - обрисовать портрет, дать строгое описание конкретного исторического события во всем его своеобразии и неповторимой уникальности. Задача социолога совершенно иная: в совокупности социальных феноменов его интересуют лишь те черты, которые схожи во всех однотипных явлениях, когда бы и где бы они ни происходили. […]

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Основные причины революций. Анализируя предпосылки революций, правильнее было бы начать с причин, порождающих революционные отклонения в поведении людей. Если поведение членов некоего общества демонстрирует такие отклонения, то и все общество должно быть подвержено подобным изменениям, поскольку оно представляет собой сумму взаимодействующих друг с другом индивидов.

Каковы же тогда те причины, которые приводят к быстрым и всеобщим отклонениям в поведении людей?

Вопрос о причинах, поставленный в наиболее общей форме, всегда **аморфен** и имеет некоторый метафизический душок. А потому, видимо, мне необходимо как-то дополнительно квалифицировать свой вопрос. Под причинами я в данном случае разумею комплекс условий, связь событий, обрамленных в причинную цепочку, начало которой теряется в вечности прошлого, а конец — в бесконечности будущего. В этом смысле можно дать предварительный ответ на поставленный вопрос. Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства насе-

аморфный - бесформенный

ления, а также невозможность даже минимального их удовлетворения.

Таково в общих чертах суммарное утверждение о причинности революций, которая, конечно же, проявляется во множестве конкретных реалий разных времен и мест действия. Если пищеварительный рефлекс доброй части населения «подавляется» голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если «подавляется» инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций. Если «подавляется» рефлекс коллективного самосохранения (к примеру, семьи, религиозной секты, партии), оскверняются их святыни, совершаются измывательства над их членами в виде арестов и т.п., то мы имеем уже третью причину революций. Если потребность в жилище, одежде и т.п. не удовлетворяется по крайней мере в минимальном объеме, то налицо дополнительная причина революций. Если у большинства населения «подавляется» половой рефлекс во всех его проявлениях (в виде ревности или желания обладать предметом любви) и отсутствуют условия его удовлетворения, распространены похищения, насилие жен и дочерей, принудительное замужество или разводы и т.п. — налицо пятая причина революций. Если «подавляется» собственнический инстинкт масс, господствуют бедность и лишения, и в особенности, если это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем уже шестую причину революций. Если «подавляется» инстинкт самовыражения (по Э. Россу) или индивидуальности (по Н. Михайловскому), а люди сталкиваются, с одной стороны, с оскорблениями, пренебрежением, перманентным и несправедливым игнорированием их достоинств и достижений, а с другой — с преувеличением достоинств людей, не заслуживающих того, то мы имеем еще одну причину революций.

Если подавляются у большинства людей их импульс к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе (в смысле свободы речи и действия или прочих неопределяемых манифестаций их врожденных наклонностей), порождаемая чересчур уж мирной жизнью, монотонной средой обитания и работой, которая не дает ничего ни мозгу, ни сердцу, постоянными ограничениями в свободе общения, слова и действий, то мы имеем вспомогательные условия — слагаемые революционного взрыва. И все это лишь неполный список причин. Мы обозначили наиболее значимые импульсы, которые подвергаются «репрессии» и которые ведут к революционным катаклизмам, а также лишь основные «репрессированные» группы, руками которых свергаются старые режимы и воздвигается знамение революции.

Причем и сила «подавления» наиболее значимых инстинктов, и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва. Во всех исторически значимых революциях «репрессии» дают о себе знать особенно на второй их стадии. Необходимо также, чтобы «репрессии» распространялись как можно

более широко, и если не среди подавляющего числа людей, то по крайней мере среди достаточно весомой группы населения. Подавление меньшинства существует повсеместно; оно приводит к индивидуальным нарушениям порядка, обычно именуемым преступлениями. Но когда репрессии становятся всеобщими, то это приводит уже к «рутинности» нарушений и свержению режима. Акт этот по сути тождествен тем, которые совершаются индивидами, то есть преступлениям, но, став универсальным, он именуется высокопарно - «революция».

Рост репрессий, как и все остальное в этом мире, — вещь сугубо относительная. Бедность или благоденствие одного человека измеряется не тем, чем он обладает в данный момент, а тем, что у него было ранее и в сравнении с остальными членами сообщества. Полумиллионер сегодня, который был мультимиллионером еще вчера, чувствует себя бедняком по сравнению со своим былым состоянием и другими миллионерами. Рабочий, зарабатывающий 100 долларов в месяц, — бедняк в Америке, но богач в России. То же можно сказать и о возрастании или сокращении «репрессий». Они возрастают не только с ростом трудностей на пути удовлетворения инстинктов, но и тогда, когда возрастает разница в темпах у разных индивидов и групп. При виде прекрасно сервированного обеденного стола человек, физиологически вполне сытый, почувствует голод и подавленность. Человек, увидев роскошные одежды и фешенебельные апартаменты, чувствует себя плохо одетым и бездомным, хотя с разумной точки зрения он одет вполне прилично и имеет приличные жилищные условия. И это вновь — пример подавления определенных инстинктов. Человек, объем прав которого достаточно обширен, чувствует себя ущемленным перед лицом более существенных привилегий у других.

Эти примеры могут послужить в качестве иллюстрации к моему тезису и объяснить, почему в таком значительном числе случаев «подавление» инстинктов определенных групп в дореволюционные периоды возрастает не столько абсолютно, сколько относительно, первым долгом благодаря росту правовой собственности, социальной дифференциации и неравенству. Следует постоянно помнить об этой релятивности «репрессий».

В этом суть первичной и всеобщей причины революций. Но достаточно ли было бы такого объяснения? Ведь для революционного взрыва необходимо также, чтобы социальные группы, выступающие на страже существующего порядка, не обладали бы достаточным арсеналом средств для подавления разрушительных поползновений снизу. Когда растущим революционным силам «репрессированных» инстинктов группы обороны способны противопоставить контрсилу подавления, а тем самым создать баланс давления, революция отнюдь уже не является столь неизбежной. Возможен сериал спонтанных выступлений, но не более. Когда же силы порядка уже не способны проводить в жизнь практику подавления, революция становится делом времени.

Таким образом, необходимо вновь подчеркнуть, что 1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) бессилие групп порядка в адекватном описании являются тремя необходимыми составными всякого революционного взрыва.

Почему подавление импульсов всегда ведет к революциям? Почему рост репрессий базовых инстинктов масс приводит к всеобщим революционным отклонениям в поведении людей? Да потому, что подавление основных импульсов неизбежно вынуждает людей искать пути выхода, так же как и любой другой живой организм ищет спасения от несвойственной ему окружающей среды. Старые формы поведе-

ния нетерпимы, следовательно, необходим поиск новых форм. Репрессированный рефлекс вначале старается найти выход в подавлении в свою очередь других инстинктов, которые препятствуют его удовлетворению. К примеру, репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи, поедания запретной пищи и т. п. И тот, кто никогда не крал, становится вором и бандитом; тот, кто стыдился протянуть руку, становится попрошайкой; верующий прекращает поститься; тот, кто всегда соблюдал закон, порывает с ним; аристократ, поборов в себе чувство позора, отправляется на рынок, дабы продать пару штанов; тот, кто стеснялся есть на улице, теперь делает это запросто; тот, кто ранее презирал людей, теперь попросту льстит им, лишь бы заполучить ломоть хлеба, и т. п. Исчезновение большинства привычек, препятствующих удовлетворению репрессированных врожденных инстинктов, означает освобождение их от множества тормозов и способствует высвобождению их. В то же время это означает и ослабление условных рефлексов, которые ранее сдерживали все же человека от совершения определенных актов насилия, подобно воровству, убийствам, святотатству и т. п.

Человеческое поведение отныне развивается по биологическим законам. Репрессированные инстинкты, разрушившие условные фильтры поведения, начинают оказывать давление на все остальные инстинкты. Баланс равновесия между ними исчезает, а инстинкты, на которые оказывается давление, смещаются. Это приводит к новой серии сдвигов в условных рефлексах и вызывает еще большую «биологизацию» поведения людей, дальнейшую расторможенность в совершении антисоциальных актов. Если правительство и группы, стоящие на страже порядка, не способны предотвратить распад, «революция» в поведении людей наступает незамедлительно: условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, а на смену социуму на волю выпускается «бестия». Но как только видоизменяется тип поведения масс, то неизбежно с этим меняется и весь социальный порядок.

Любопытно было рассмотреть этот вопрос, проанализировав один за другим действие репрессированных базовых инстинктов.

1. Исследования показывают, что громадную роль в человеческой истории играет голод и пищеварительный инстинкт. Периоды революций и восстаний в Афинах и Спарте, в Риме конца Республики, в Византийской империи, истории Англии (1257—1258 годы, начало XIV века, перед восстанием 1381 года, кануна и в первый период английской буржуазной революции середины XVII века, конца XVIII — начала XIX века, непосредственно перед чартистским движением и, наконец, в 1919—1921 годах) были периодами не просто обнищания, но и крайнего голода и подавления пищеварительного рефлекса. То же можно сказать и о времени, предшествующем французской Жакерии 1358 года, революций конца XIV и начала XV века, годах, предшествующих французским революциям (1788-1789, 1830-1831, 1847-1848 и, наконец, 1919-1921 годы).

Известна также и причинная связь между массовыми движениями на Руси (я имею в виду восстания и революции 1024, 1070, 1230—1231, 1279, 1291, 1600—1603, 1648—1650 годов, восстание Пугачева, народные движения XIX века, наконец, революции 1905—1906, 1917 годов) и голодом и обнищанием, что также иллюстрирует подавление пищеварительного инстинкта накануне революций. В любом случае для провоцирования революционной ситуации подавление голода не должно доходить до крайней степени чрезвычайного истощения людей, ибо в противном случае массы попросту физически будут неспособными на революционную активность. С другой стороны, экономический прогресс, сопровождаемый неравным распределением продуктов, делает население достаточно мощным и в высочайшей степени опасным в плане потенциального крушения социальных препятствий и препон на пути к революции.

То, что верно относительно связи между подавлением пищеварительных инстинктов и революционными взрывами в прошлом, можно с соответствующими модификациями отнести и на счет всех остальных базовых рефлексов человека. Причинные отношения между их «репрессией» и ростом революционных всплесков не подлежат сомнению. Обратимся лишь к некоторым примерам.

2. Подавление импульса собственности, результируемого из экономической дифференциации, всегда приводит к революционным взрывам. Это положение подтверждается многочисленными фактами. Почему пролетариат — равно как работники физического, так и умственного труда — суть наиболее революционный класс общества? Да потому, что его собственнический инстинкт подавляется больше, чем у любого другого класса: он почти ничем не владеет, если и вообще владеет чем-либо; дома, в которых живут рабочие, принадлежат не им; орудия труда не являются его собственностью; его настоящее, не говоря о будущем, социально не гарантировано; короче, он беден как церковная крыса. Зато со всех сторон он окружен непомерными богатствами. На фоне этого контраста его собственнический инстинкт подвергается значительным раздражениям, подобно инстинкту материнства у женщин, не имеющих детей. А отсюда его революционность, его непрестанное ворчанье на «кровати из гвоздей», на которую взгромоздила его история. Его идеалы социализма, диктатуры, экспроприации богачей, экономического равенства, коммунизации есть прямое проявление этой репрессии. Но как только собственнический инстинкт удовлетворен, идеалы социализма и коммунизма растворяются, а сами пролетарии становятся ярыми поборниками священного права собственности.

Из кого чаще всего составляются революционные армии? Из **пауперизированных** слоев, людей, которым «нечего терять, но которые могут приобрести все», — словом, из людей с репрессированным рефлексом собственности. «Голодные и рабы» - к ним в первую очередь апеллирует революция, и среди них она находит самых жарких **адептов**. Так было в греческой и римской античности, в Древнем Египте и Персии, в средневековых и современных революциях. Их революционные легионы всегда составлялись из бедняков. Последние были главным инструментом достижения революционных целей. Не достаточно ли этого для подтверждения выдвинутого выше тезиса о связи между собственническим инстинктом и революционностью?

Не подтверждается ли эта закономерность всем ходом истории европейских стран последних лет? Не сотрясался ли общественный строй от голода, нищеты и безработицы? Не связан ли успех коммунистической идеологии с социальными потрясениями и стачками? Не ощущаем ли мы эффект этой связи в современной

пауперизированный - обнищавший

адепт - ревностный приверженец какого-либо учения, идеи

Германии, самой нереволюционной из всех стран мира, которая пару лет назад стояла на краю революционной бездны? Этих рассуждений достаточно, чтобы отчетливо обрисовать социальное действие этой связки явлений.

3. Обратимся теперь к подавлению инстинкта самосохранения, который служит целям выживания индивида, а также к подавлению инстинкта коллективного самосохранения, который служит целям выживания социальной группы: семьи, нации, племени, государства, церкви, то есть любого кумулятивного образования, соорганизованного вокруг общности интересов. «Зерна» обоих инстинктов наследуемы и достаточно могущественны. Их подавление, особенно если это происходит одновременно, очень часто приводит к революциям. В качестве яркого примера подобного подавления можно обратиться к опыту неудачных войн.

Война есть инструмент смерти. Она сурово подавляет инстинкт самосохранения, ибо принуждает человека поступать против его воли и перебарывает его неискоренимо протестующий стимул к жизни. В то же время она подавляет и инстинкт коллективного самосохранения, принуждая людей к уничтожению и оскорблению друг друга, подвергая опасностям и лишениям целостные социальные группы.

Следует ли удивляться после этого, что ужасающие войны зачастую приводят к социальным взрывам? Репрессированный импульс самосохранения приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизованные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших. Именно это произошло с русской армией в 1917 году, а позже с немецкими солдатами в 1918 году. Люди, ставшие рабами своего инстинкта самосохранения, бросают все и с яростью набрасываются на правительство, переворачивают существующий социальный порядок, воздвигают знамя революции.

Это объясняет, почему многие революции происходят сразу после или во время неудачных войн. Вспомним, что революции нашего времени — русская, венгерская, немецкая, турецкая, греческая, болгарская — были совершены при этих обстоятельствах. Применимо это и к русской революции 1905 года. Турецкая революция смела режим Абдул-хамида после неудачной войны. А Парижская коммуна 1870—1871 годов — разве не результат поражения в войне с немцами? Французская Жакерия 1358 года и революционные движения конца XIV века произошли в результате неудач в **Столетней войне** и пленения короля Иоанна II после битвы при Пуату в 1356 году. В равной мере это относится и к английскому восстанию 1381 года Уота Тайлера: волнения начались после поражения английской армии при **Ла-Рошеле**, собственно восстание разгорелось после неудачных военных действий против Ковенантеров. Вспомним и о революционных движениях в Германии и Италии конца XVIII-начала XIX века, вспыхнувших после серии поражений этих стран от наполеоновской армии.

Даже этого далеко не полного списка революций, разразившихся под непосредственным влиянием военных неудач, достаточно, чтобы убедиться в истинности приведенного выше утверждения.

Столетняя война (1337 -1453) - война, которая была между Англией и Францией за Гиень, Нормандию, Анжу, Фландрию

Ла-Рошель - город и порт во Франции

Конечно же, войны приводят к революциям не только благодаря «репрессии» упомянутого инстинкта, но и в результате подавления других инстинктов людей (рост бедности, голод и дезорганизации структур, вызванные войнами, и т. п.). Но все же революционный эффект войны в первую очередь осуществляется через подавление упомянутого инстинкта. Люди, заинтересованные в войнах, вовсе не жаждут революций. Однако кто посеет ветер, тот пожнет бурю.

Сказанное можно отнести и на счет режимов диктаторской власти — режимов бесконечных арестов, преследований и наказаний. Они также представляют комплекс актов, подавляющих инстинкты самосохранения и самовыражения личности. Постоянный риск и отсутствие гарантий в условиях деспотических режимов приводят к «репрессиям» известного толка: страх, неудовлетворенность, негодование, наконец, попытки свержения «репрессирующего» режима.

Опосредованно подобные режимы репрессируют также инстинкт группового самосохранения, поскольку каждый очередной арест или убийство одного человека есть одновременно и покушение на всю группу - семью, друзей, ближайшее окружение. Нередко подобные режимы подавляют этот инстинкт, подвергая гонениям символы групп, их ценности (особенно это относится к преследованиям религиозных, политических, национальных и им подобных групп). В результате резко возрастает потенциальная возможность революционного взрыва благодаря количественному росту «репрессированных» индивидов. Пожалуй, отсюда становится ясным, почему подобные общества постоянно «беременны» революционностью, в их социальном фундаменте заложены мины, готовые вот-вот разорваться при условии даже малейшего послабления контроля сверху. Все это проясняет революционизирующий эффект войн и деспотических режимов.

4. Нетрудно вообразить, что подавление других инстинктов, как, к примеру, полового, способно сыграть известную роль. Легенда, согласно которой римская революция, положившая конец монархическому строю, была вызвана сексуальными преследованиями римлянок со стороны последнего римского царя, по-видимому, не так уж и далека от действительности.

Подавление полового инстинкта может вызываться разными способами и обстоятельствами: в одном случае простой невозможностью его удовлетворения, в другом — за счет растущей распущенности привилегированных классов, подавления инстинкта «ревности», из-за искушений, деморализирующих жен и дочерей граждан. Роли подобных «репрессий» зачастую не придается большого внимания. На первый взгляд их роль может показаться непримечательной, хотя в серьезности самого инстинкта вряд ли кто будет сомневаться. Для того чтобы убедиться в обратном, достаточно присмотреться к многочисленным революционным речам и **прокламациям**, в которых негодование масс искусственно разжигалось за счет гипертрофированного акцентирования репрессий этой группы инстинктов. В то же самое время эти речи бессознательно отражают революционный характер этого фактора.

«Рабочие, если вы не желаете, чтобы ваши дочери стали предметом наслаждения богачей... восстаньте!» Призыв Парижской коммуны может послужить одним из ярких образцов прокламаций подобного толка. Кто станет утверждать, что указанный здесь мотив не был также среди базовых причин и других революций? Любому мало-мальски знакомому с историей известно, что среди революционных вызовов правителям всегда были обвинения в безнравственности, распущенности, соблазнении жен и дочерей низкого происхождения. Да

прокламация (лат. proclamation - воззвание) - листовка; печатное воззвание агитационного характера

в общем и сам антураж повседневной жизни большинства свергнутых правительств недвусмысленно свидетельствует о сексуальной «жизни» правителей, репрессирующих половой инстинкт масс. Аморальный тип поведения папской курии и римской католической верхушки был одним из поводов, почему церковь начали именовать вавилонской блудницей, почему она утратила свой былой престиж и влияние над массами. Ненависть к епископату среди чехов накануне гуситских войн, а также среди населения других европейских стран накануне Реформации вселял сам епископат своим безнравственным поведением, «деморализуя» своих прихожан. Многим из них предъявлялось обвинение в распущенности, сожительстве (нередко в содержании целых гаремов), половой связи с матерями и сестрами, в превращении монастырей в бордели и т. п.

Все это не могло не привести к подавлению ревности и других сексуальных рефлексов масс, с одной стороны, а с другой — к падению морального престижа епископата. Наконец, в один прекрасный день **ореол** власти испарился, а в ее сохранении возникают законные сомнения.

Обратимся к России кануна революции 1917 года. Что было роковым фактором, окончательно погубившим царизм? Распутинщина. Обвинение императрицы и ее двора в сексуальном распутстве (сейчас не принципиально, насколько оно было справедливым), распутинщина были одним из факторов русской революции. То же самое мы наблюдаем накануне Великой французской революции, я имею в виду все то же обвинение Марии Антуанетты и ее окружения. Собственно, и в нашей повседневной жизни престиж и репутация человека могут незамедлительно пошатнуться под воздействием обвинения в аморализме или в результате скандала на этой почве.

Вообразим на мгновение, что правительство некой современной цивилизованной державы заявит о своих плотских претензиях в отношении всех женщин государства и попытается провести эти претензии в жизнь. Нужно ли говорить, что результатом такого поворота событий может быть лишь революция. Одного лишь упоминания о подобном **experimentum crucis** достаточно, чтобы осознать всю полноту социальной значимости этой группы инстинктов.

5. Тот же эффект легко пронаблюдать, если обратиться теперь к подавлению импульсов свободы.

Всякие строгие ограничения в миграциях, коммуникациях и действиях людей приводят к подавлению этого импульса. Только тогда, когда репрессии перекрывают все границы возможного (так же как и в случае неимоверного голода) и полностью «растворяют» этот инстинкт (в павловских экспериментах собака с вытравленным инстинктом свободы была обречена на длительную голодную смерть), то есть когда люди превращаются в «биологизированных рабов», это подавление может и не провоцировать революционной контрреакции. Вплоть до этого предела рост репрессии должен сопровождаться ростом воли к сопротивлению и стимулировать переворот существующего режима. Вот почему режимы

ореол – здесь: слава, почёт

experimentum crucis (лат.) - «опыт креста», то есть решающий эксперимент, определяющий путь дальнейших исследований

«подавления» и «деспотии» неизбежно приводят к социальному взрыву, если не противодействие сил контроля, которые могут временно отодвинуть срок взрыва, анигилируя инстинкт свободы. Связь между ростом репрессии рефлекса свободы и дезорганизующими взрывами присуща всей многовековой человеческой истории, и, видимо, нет надобности в каких-либо конкретизирующих примерах.

То же самое можно сказать и о подавлении других врожденных или приобретенных инстинктов. Хотя каждый из них, взятый сам по себе, - лишь элемент в системе сущностных составляющих необходимого бытия индивида (вспомним поговорку: **primum vivere deinde philosophare**), все же их роль не столь жизненно важна.

6. Возьмем далее группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей. Различие в наследуемых способностях суть факт установленный; но он лежит в основе профессионального выбора людей. Предположим, что механизм социальной селекции и распределения перестал должно функционировать, а индивиды начинают занимать те позиции, которые и подавно не соответствуют их талантам: прирожденный правитель или «**Цицерон**» становится обыкновенным работником, который так ничем и не отличится, а прирожденный организатор — портным или чем-либо в этом роде. Что же тогда приключится с подобным обществом?

Подавление инстинкта самовыражения всех этих людей проявится крайне остро. Никто из них не будет удовлетворен занимаемой общественной позицией, и все будут проклинать узы, связывающие их, мечтая не о чем другом, как об их разрушении. В то же время каждый из них предпочтет вкладывать минимум усилий в не интересующую их профессию. В результате группа людей с репрессированным инстинктом, помышляя об эмансипирующей их революции, восстанет. «Прирожденный» правитель, ставший простым рабочим, обернется лидером конспиративной организации; «Цицерон» станет пропагандистом; организатор создаст нелегальную партию; «поэт» восславит революцию, да и все остальные индивиды-«перевертыши» составят революционные армии, и, таким образом, революционная ситуация будет создана.

Мы лишь немного пофантазировали о возможном неадекватном репрессивном распределении индивидов в обществе, но наша гипербола недалеко унесла нас от реальности. Нетрудно увидеть нечто подобное в любом обществе в предреволюционный период, когда соответствие социальных позиций способностям людей, особенно врожденным талантам, попросту не соблюдалось. Вот почему столь часто в такие периоды встречаются группы людей с подавленным инстинктом самовыражения, который вдобавок подавляется со стороны искусственно созданной славы и привилегий ни к чему не способных индивидов, так сказать, «прирожденных рабов», но взобравшихся на вершину общественной лестницы. А отсюда революционные настроения многих репрессированных индивидов — писателей, мыслителей, журналистов, поэтов, общественных деятелей, ученых, предпринимателей и буржуазии, а также массы других людей, находящихся у подножия социального конуса, которые негодуют по поводу своих социальных позиций и жаждут восхождения, а потому готовых приветствовать любого, кто высвободит их из «лап» репрессирующего режима.

7. То же можно сказать и о подавлении других инстинктов, которое приводит к более или менее схожим последствиям. Удивительно, что революционизирующее влияние репрессированных инстинктов обычно остается не примеченным.

А вот зримый предлог к революционным событиям бывает совершенно иным.

primum vivere deinde philosophare (лат.) - прежде выжить, а потом философствовать

Цицерон - древнеримский политический деятель, блестящий оратор, писатель

Скажем, введение нового навигационного закона, учреждение молитвенной книги, созыв **Генеральных Штатов**, борьба за создание ответственного кабинета министров или ссора вокруг ряда религиозных догм, да и вообще что-нибудь в этом роде. Полагать, что подобные конкретные поводы могут сами по себе провоцировать революционные движения, если не предварительное подавление базовых инстинктов людей, по меньшей мере наивно. Все это не более чем искра в пороховом погребе. Функция их — роль повода, своего рода предохранительного клапана, через который выплескивается все накопившееся недовольство. Их внутренний революционный потенциал невелик и сам по себе не вызывает революционного урагана. Но когда подавление инстинктов аккумулировано, то любое мало-мальски значимое событие провоцирует прямо или косвенно революционный эффект репрессий и приводит к взрыву.

Иными словами, постановка грандиозной драмы, комедии или трагедии революции на исторических подмостках предопределена первым долгом репрессированными врожденными рефлексами. Только от них зависит, будет ли разыгрываемая пьеса именоваться «революцией» или нет. Если «да», то пьеса будет иметь успех, а в актерах недостатка не будет. Значение безусловных импульсов гораздо существеннее, чем вся совокупность бесчисленных условных рефлексов. Последние могут определять мизансцену, прически и гардероб героев и событий. «Идеологические» факторы детерминируют скорее конкретные формы, монологи, диалоги и случайные реплики участников революции. От них же зависит, что будет написано на знаменах - «Святая земля», «Истинная вера», «Конституция», «Правовое государство», «Демократия», «Республика», «Социализм» или что-либо другое. Они определяют также выбор популярных героев революционных движений, будь то Христос, Гус, Руссо, Лютер, Маркс, Толстой или Либкнехт; а также выбор дискурсивной идеи - Библия, толкование Евангелия, национальная идея, теория прибавочной стоимости и капиталистическая эксплуатация; выбор эмблемы - «фригийский колпак», «зеленый сыр», «черная рубаха», «пятиконечная звезда» и т. п.; выбор места действия — катакомбы, церковь, городская ратуша, современный парламент; способ распространения революционных идей — при помощи пергамента, манускрипта, печатного станка; наконец, орудия революционного правосудия — булава, топор, меч или **гаубица**, динамит, танки и **дредноуты**. То есть их роль в целом сводится к выяснению конкретных форм революционности. Но было бы тем не менее несправедливым сделать из этого вывод, что, единожды появившись на революционной сцене, «идеологические факторы» не могут превратиться в эффективную движущую силу революций.

ИСТОЧНИК: Сорокин Питирим. Проблема социального равенства. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю.Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. -С. 252-255, 257-266, 272-281.

Генеральные штаты - во Франции высшее сословно-представит. учреждение в 1302-1789 гг., состоявшее из депутатов духовенства, дворянства и 3-го сословия. Созывались королями гл. образом для получения от них согласия на сбор налогов. Депутаты 3-го сословия Ген. штатов 1789 г. объявили себя Нац. собранием

гаубица - артиллерийское орудие с коротким стволом, стреляющее навесным огнем

дредноут (англ. dreadnought - *букв.* бесстрашный) - в первые десятилетия 20в. - крупный броненосец с мощной дальнобойной артиллерией

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Что вы можете сказать относительно положений: «каждому - по заслугам», «каждому - по мере выявленных сил и способностей», «каждому - по мере таланта»?
2. Способен ли социализм с его принципом отказа от частной собственности решить проблему социального равенства? Можете ли вы привести примеры из жизни людей, живших при социализме, которые пользовались благами социального равенства? Что вы знаете о пагубном значении принципа уравниловки, практиковавшегося в социалистических странах?
3. Считаете ли вы, что принципы, предлагаемые Сорокиным, являются достаточными для реализации социального равенства? В чем, по Сорокину, заключается специфика и особенность экономического, правового и интеллектуального равенства? Насколько возможно интеллектуальное равенство между людьми?
4. Имеет ли идея равенства отрицательное значение? Если да, то в чем это выражается? Как связана идея равенства с социальным детерминизмом? Насколько крайнее применение идеи равенства может иметь негативные последствия для общества? Каково взаимоотношение идеи социального равенства и концепции плюрализма?
5. Как вы думаете, что такое революция? Почему происходят революции и каковы их причины? Существуют ли другие причины революции, о которых не говорит автор текста?
6. Согласны ли вы с точкой зрения автора о том, что причины всех революций заключены в подавлении базовых инстинктов людей: чувства голода, чувства собственности, полового влечения и т.д.? Почему подавление импульсов всегда ведет к революциям?
7. Как подавление импульсов свободы и потребность в самовыражении и самореализации приводят к революциям? Как в обществе реализуются импульсы свободы и самовыражения?
8. Связаны ли революции с нарушением социальной справедливости, равенства? В состоянии ли революция обеспечить социальное равенство?

ВОПРОСЫ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ И АНАЛИЗА:

1. Чем отличается концепция социальной справедливости социализма от платоновской («Апология Сократа»), конфуцианской, аврамических религий (Тора, Библия и Коран)? В чем вы видите отличие подходов позитивизма и **бихевиоризма** в двух предложенных текстах Сорокина?
2. Генри Дэвид Торо мечтает о более совершенном государстве, чем демократическое, где уважение к личности стояло бы на первом месте. Как вы думаете, имел ли или имеет ли такой потенциал социалистическое государство?
3. Для Низам ал-Мулька все экономические, социально-политические, интеллектуальные проблемы общества разрешимы с помощью добродетельного правителя, который придает огромное значение этике и образованности. Почему социалистические системы позаимствовали элементы восточного деспотизма и тоталитарного управления для достижения, пусть даже

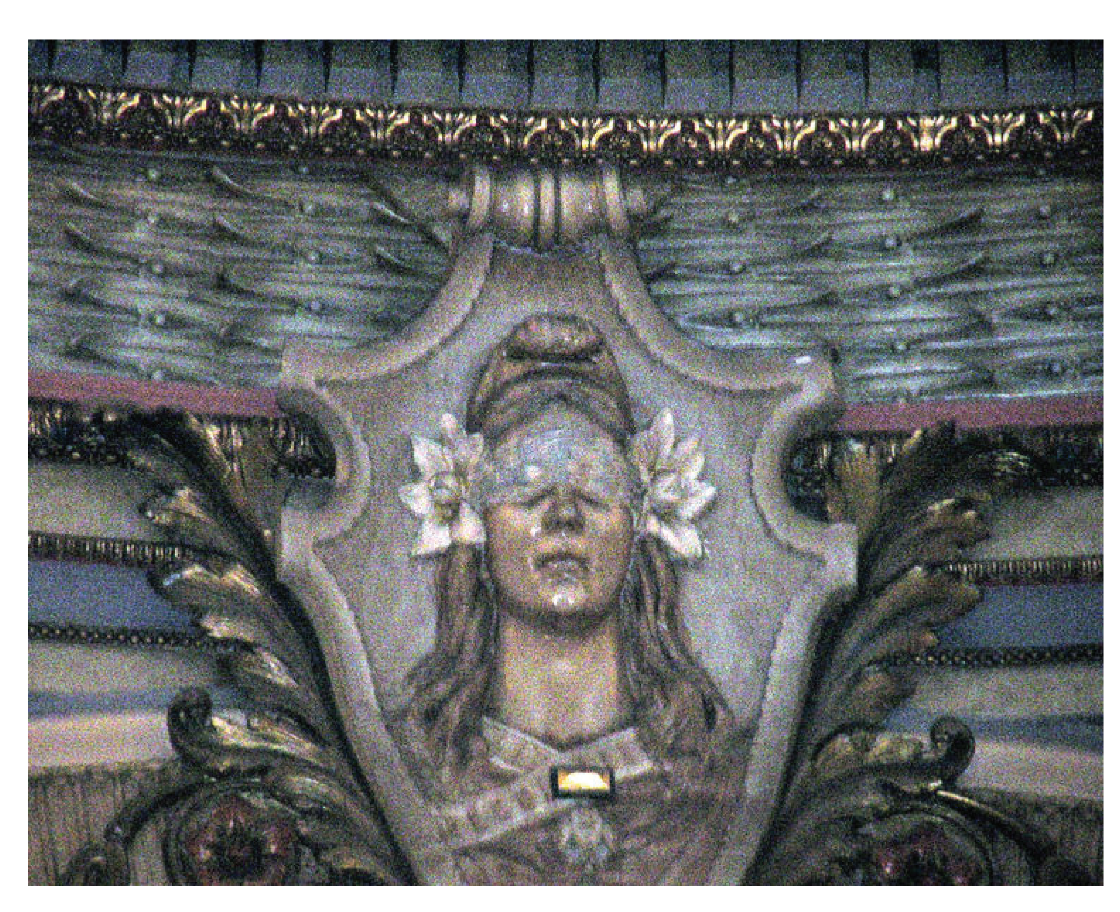
бихевиоризм (от англ. behavior - поведение) - направление в психологии, основанное Джоном Уотсоном (1878-1958), считавшим, что психологи должны изучать исключительно поведение, а не интеллект или психическую деятельность

благих, целей? Почему вопреки желаниям теоретиков индивидуальная значимость стоит ниже общественной? Чем объясняется культивирование «культа личности» правителя, и может ли оно способствовать социальной справедливости?

4. Насколько революции объективны, исторически закономерны и не зависят от воли народа? Могут ли революции решить проблемы социальной справедливости? Всегда ли цель оправдывает средство?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. N.Y., 1959; Sorokin P.A. The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook. N.Y.,1957; Sorokin P.A. Society, Culture, and Personality: There Structure and Dynamics. New York,1969; Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. N.Y.,1967; Sorokin P.A. A long Journey . New Haven, 1963; <http://www.bolender.com/Sociological%20Theory/Sorokin,%20Pitirim%20A/sorokin,_pitirim_a_.htm ;>



СЛЕПОЕ ПРАВОСУДИЕ.
Фотография фрагмента Капитолия в штате Миссисипи.
Фотограф Шон Ли

АБДУЛКАРИМ СУРУШ. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ И ЭТИКОЙ



Родившийся в Тегеране в 1945 году, Абдулкарим Суруш считается выдающимся иранским ученым, изучающим ислам. В 1990-е гг. он получил мировое признание за свое либеральное и неоднородное толкование ислама. Сферы его научного интереса включают в себя философию науки и религии, а также персидскую суфийскую поэзию. Среди его многочисленных работ можно отметить следующие: «Проницательность, интеллектуальность и набожность» (1991); «Лекции по философии общественных наук: герменевтика в общественных науках» (1995); «Мир, которым мы живем»; «Повесть любви и рабства»; «Толерантность и власть» (1997); «Прямые пути, очерк о религиозном плюрализме» (1998); «Расширение пророческого опыта» (1999).

(1) Ценности бывают двух видов: ценности, ради которых мы живем (направляющие ценности) и ценности, которые существуют для жизни (обслуживающие ценности). Подобные направляющие ценности включают в себя доброту, справедливость и храбрость и стоят выше общественной жизни, национальности, истории: они – вечные. И наоборот, обслуживающие ценности являются вспомогательными устройствами жизни: они вплетены в ткань общественной жизни и развиваются по мере развития общества. Их функция заключается в том, чтобы сделать жизнь легче, более желанной и приятной. Все правила этикета, любезности и моральные нормы принадлежат к этой категории. Их примеры изобилуют: общительность, вежливость, умеренность, честность, посещение родственников, хранение секретов, уважение закона, и т.д. …

(2) «Развитие» в смысле культурного, индустриального, научного и экономического роста общества гнет и сгибает обслуживающие ценности с тем, чтобы они соответствовали логике социально-экономического развития. Эти важные изменения происходят в двух областях: во-первых, в первичных обслуживающих ценностях (те, что предшествуют социально-экономическому развитию); во-вторых, во вторичных обслуживающих ценностях (те, что исходят от социально-экономического развития).

Старые привычки и традиционное поведение должны измениться, прежде чем станут возможными социальное и экономическое развитие. Однажды установленная развитая социальная система находит другие возможности для создания новых ценностей. Полное вытеснение старой социальной системы новой является постепенным процессом. Нелегко точно указать порядок изменения элементов всей системы. Но изменение в ценностях предшествует социальным трансформациям или, по меньшей мере, примыкает к ним. Даже если они происходят одновременно, мы приписываем причину ценностям.

(3) В литературе, посвященной ценностям, предшествующим социальному

развитию, задаются три важных вопроса: Что они из себя представляют? Каким образом мы можем их обнаружить? Можно ли им обучить, можно ли их привить или навязать определенному обществу? Вопросы о ценностях, порожденных развитием, будут следующими: Каковы эти ценности? Можем ли мы отделить хорошие ценности от плохих, задав курс на «добродетельное» развитие, позволяющий избежать коррупции, которая сопровождает прогресс Запада? Если нет, тогда мы должны смириться с фактом, что данное разделение невозможно и что западное социально-экономическое развитие – это комплексная сделка: «Провидение сблизило эти противоречия/Придется поплатиться шеей, коль выбор мясника падет на ляжку».

Есть такие, кто считает ценности секуляризма (антиклерикализма) и либерализма неизбежными предпосылками развития и считают сопутствующими этим ценностям такие вещи, как порнография, неоколониализм и устаревший колониализм, биологическое и химическое оружие, разрушение окружающей среды. Подобное обозначение развития с отвратительными предпосылками и последствиями не может не заставить содрогнуться утомленных верующих, которые находятся на краю современного мира, дрожа перед этим таинственным прогрессом. На противоположном полюсе находятся те, кто не видят ничего, кроме как хорошее предшествующее или последующее развитие: любовь к знаниям, как предшествующую ценность, и демократию, как последующую ценность. Обсуждение взаимосвязи между развитием и ценностями исходит из этих противоречий. Чтобы отстоять свои доводы, эти оппоненты обращаются к чудесной и бурной истории Запада, где идея развития зародилась впервые. Обе стороны постулируют, что существуют только один (западный) путь развития и развитие является единственно возможным способом выживания в современном мире. Для одной стороны – выживание по тропе развития Запада является благом; для другой стороны – это движение к моральной катастрофе.

(4) Историки и социологи соглашаются в том, что ценности, которые предшествовали, послужили причиной и поддерживали развитие Запада, не являлись результатом осознанного проекта мировой истории своих авторов. Бэкон, Лютер, Макиавелли не намеревались создать современную цивилизацию Запада, не осознавали они своей важной роли архитекторов монументальных изменений в истории мира. Однако эмпирическая наука Бэкона, светская религия Лютера и аморальная политика Макиавелли в комбинации с другими существенными идеями и событиями создают систему взглядов современного мира.

Дилемма для развивающихся наций заключается в том, что они хотят проектировать и управлять подобным изменением осознанно. Таким образом, они упустили важные исторические возможности, потому что они спровоцировали формы сопротивления, которые не препятствуют Западу. Результатом является создание наполовину индустриальных, наполовину традиционных гибридных систем, которые не могут управлять собственными делами на культурной, политической аренах и на арене всемирной истории. По этой причине лучше рассматривать развитие как предубеждение элит, чем позволить ему превратиться в цепь, сковывающую движения масс.

Возможно самой важной трансформацией в области этики и ценностей, предшествующих западному развитию, которая высвободила модернистские и буржуазные идеи, являлась секуляризация этики. Этот процесс имел две отличительные черты, которые возникли одновременно с модернизмом и развивались вместе с ним: первая заключалась в выведении этики из небесного духовного

совершенства и загробной жизни и приведении ее к счастью и блаженству на земле в этом мире. Вторая предполагала укрощение традиционных «грехов», таких как: алчность, честолюбие, материализм, как топливо для двигателей прогресса. Бентам, основоположник утилитаризма и один из предшественников данной трансформации, превратил нравственность во внутренние исчисления; Мандевиль поставил этику повседневной жизни с ног на голову; также как Макиавелли перевернул основы политической этики…..

(7) Считается, что Бентам, Юм, Адам Смит и другие архитекторы современной эры находились под влиянием доктора Бернарда Мандевиля, голландского врача. Хотя он не известен широким массам, он являлся одним из основателей современного мира. Его книга «Басня о пчелах», впервые опубликованная в 1705 году и затем переизданная в двух томах в 1728 году, вызвала сильную бурю. Суть его основной мысли заключается в том, что общество состоит из двух групп, так же как пчелиный улей. С одной стороны находятся трудолюбивые, добродетельные, благородные и продуктивные члены. С другой стороны располагается напыщенная, праздная и пассивная знать, класс обжор и лжецов. В этой басне рассказывается о том, что однажды представители праздной знати решают стать истинно благородными, имитируя функции хороших работников, а это вызывает крушение общества. Искусство больше не находит поклонников, а артисты не находят покровителей. Мандевиль заключает, что существует связь между «частными пороками и общественным благом». Подзаголовок его книги гласит: «Изучение происхождения нравственной добродетели». Современный экономист Р. Хайек говорит, что Мандевиль непреднамеренно открыл спонтанную природу социального и экономического закона. Эти системы не нуждаются в проектировщиках и планировщиках. Мандевиль, несомненно, был наблюдателем, наделенным даром предвидения глубоких социальных трансформаций, которые поощряли черты, всегда осуждаемые духовными философами – эгоизм, жажду наживы, выставление напоказ и хвастовство. Согласно Мандевилю, эти частные пороки способствуют социальному равновесию … //….

(10) Современный мир – этическая противоположность старого мира. Древние апокалиптические пророчества исполнились: разум подчинен желаниям, внешнее управляет внутренним и пороки вытеснили добродетель. Требуется немало мужества, чтобы объявить, что современная жизнь движима традиционными пороками, а не добродетелями. Шкала порока и добродетели теперь перевернута вверх дном, потому что то, что раньше считалось пороками, теперь считается необходимым топливом для очага мира. Данная оценка является прямой противоположностью мнению Руми о том, что богатые являются носителями навоза, который следует сжечь в бане мира. ...

Секуляризация этики, рационалистическое обоснование счастья, центральное положение гуманизма, смещение пороков и добродетелей создают обслуживающие ценности, которые предшествовали зарождению социально-экономического

развития и продолжают двигать его вперед. Некоторые используют такие пугающие термины, как «эгоизм» (или «культ эгоизма») и «индивидуализм», при описании данных трансформаций. Но, несмотря на свой мрачный оттенок, эти термины не выражают центральные идеи современной эры. Лучше было бы охарактеризовать произошедшее как падение и реорганизацию системы ценностей.

(11) Давайте еще раз обратимся к Руми для описания ценностей, предшествовавших социальному и экономическому развитию:

Прежде всего, человек жаждет хлеба.
Так как пища – основная нить жизни.
Когда же, наконец, человек насыщается,
Он стремится к славе, восхвалению поэтами, скандальной известности.
С тем чтобы его великодушие превозносилось,
А его добродетелям рукоплескали с трибун.

Развитие влечет за собой свободное время и порой надменность, забвение, пренебрежение по отношению к традиционным ценностям. Но некоторые проигнорировали тот факт, что оно также предоставляет возможность культивировать духовные потребности более высокого порядка. Необходимость добывать ежедневно хлеб, кров, одежду вряд ли будет располагать к занятиям искусством, жажде приобретения знаний о земной жизни и мистическому гностицизму. Но когда человечество освободится от тяжелых и причиняющих беспокойство задач земного мира, оно может обзавестись крыльями и воспарить в сферу забот более высокого уровня. Когда удовлетворены потребности тела, душевный голод становится более очевидным.

Социально-экономическое развитие удовлетворяет самые насущные потребности, а не ценности более высокого порядка. Такие ценности как справедливость, свобода, мудрость и т.д. постоянны, но люди, все еще находящиеся в тисках физической нужды, не имеют возможности стремиться к ним. Богом тех, кто борется за питание и проживание, является Бог угнетенных, а не мистический бог. Это Бог, который побеждает угнетателей, способствует спасению, оплачивает долги, исполняет желания. Как только будет отодвинута завеса насущных потребностей, солнце божественной красоты отразится в зеркале духовных устремлений более высокого и утонченного порядка. Только затем претворяется в жизнь религия просто созерцания. Бог, наконец, сбрасывает одеяния спасителя и благодетеля, чтобы облачиться в одежду горячо любимого. …

Основательная научная, гуманистическая и философская критика развития, которые имеют место в настоящее время на Западе, является побочным продуктом материального развития. Технология и развитие прошли свой путь, раскрывая свою природу и приобретая формы более высокого порядка. Это позволило людям также испытывать и опережать технологические и социально-экономические ограничения, где они могут увидеть более высокие горизонты и освоить новые уроки. Наступление эпохи постмодернизма является наглядным примером …

(12) Существует множество ценностей, акцентов, убеждений, связанных с развитием в современном мире: толерантность, свобода слова, изобразительное искусство, больший порядок и стабильность в жизни и жизненный смысл, непременное единство религий, сопротивление технологическому господству, сохранение экосистемы, популярность науки и исследований, права женщин, занимательные и поучительные виды досуга, возросшее участие в политической жизни и т.д.

Наиболее яркой из этих ценностей является, однако, демократия с ее разноо-

бразными определениями и основами. Тем не менее, первостепенным условием реализации демократии является освобождение человеческих существ от элементарных нужд и заботы о предметах первой необходимости. Это действительно так, что люди всегда противостояли неравенству и требовали справедливости (демократия – это современное проявление данного непреходящего стремления человека), но справедливость может восторжествовать только там, где ее искатели не обременены бедностью и незащищенностью. Она доступна для тех, кто уже избежал других форм рабства. Демократия желанна всеми, но на практике она доступна не для всех. Она требует определенного уровня нормативного, политического и государственного развития, что возможно при экономическом развитии.

Только те, кто выковал новые человеческие взаимоотношения между собой, будут воспринимать демократию всерьез и настоятельно ее требовать. Сильнейшая диктатура возможна над бедностью и невежеством. В их тени тираническое правление растет и процветает, гася пламя свободы и справедливости в сердцах. Таким образом, процветание и безопасность определенного уровня не только являются преамбулами развития, они необходимы для продолжительного его существования. Только тогда они раскроют свое едва различимое и духовное очарование, завоевывая себе поклонников и почитателей повсюду.

Свобода слова желанна для тех, кому есть что сказать, для тех, кто располагает временем, возможностью и безопасностью для того, чтобы думать, узнавать, читать и расследовать. Все это становится возможным тогда, когда энергия людей не растрачивается на решение вопросов, связанных с насущными потребностями, и там, где семенам идей позволяют всходить в плодородной общей почве. …

В развитом обществе, где решительные действия скорее связаны с умственной деятельностью, чем с физическим трудом, и где инновация становится требованием прогресса, институты, которые культивируют инновационные умонастроения, получают больше власти и над ними становится все сложнее господствовать. Управление разумом не такое уж легкое занятие, как порабощение тел.

Тонкие и духовные ценности (такие как жажда свободы и знаний) больше превалируют в развитых обществах, потому как люди там меньше порабощены насущными потребностями. Тем не менее, идеология – инструмент интеллектуального порабощения, которая навязывает субъективные схемы для объективной реальности, - не утратила своего влияния на подобные общества. Следовательно, необходимо поддерживать роль и работу независимых СМИ. Демократизация распространения знаний и установление народного контроля над потоком информации (в дополнение к контролю богатых и власти) является одним из самых значительных двигателей и свойств демократии в развитых обществах. …

(13) Нет сомнения в том, что моральные нормы развития и процветания, которые, впрочем, не противоположны идеалам этики, отличаются от моральных норм аскетизма и мистицизма, которые предписывают отсутствие излишества

и отречение от мира. Что такое добродетель, если не должное поведение при определенной ситуации? Специалисты по этике говорили, к примеру, что должное восприятие богатства – это благодарность, так же как должное поведение при бедности – это терпение. … Следовательно, неразумно считать бедность лучше богатства.

Предпочтение бедности и лишений богатству и пиршествам – исполненное благих намерений и избитое суфийское [аскетическое] предписание для искупления грехов. …Два великих мыслителя шиитской и суннитской школы мыслителей – Аль-Газзали и Фейз Кашани – после продолжительных изысканий пришли к единому мнению по данному вопросу: «Всем нужно признать то, что бедность лучше и безопаснее, чем богатство, потому что бедные имеют меньше интересов в мирских делах и поэтому они будут больше склонны к молитвам и благочестивым размышлениям».

Эти великие мыслители признаются, что бедные и богатые ослеплены и пленены миром, только по-разному. …Перефразировав Руми, получим следующее изречение: «Бедность – лучшая защита для благочестивых». ...

Этот этический принцип высмеивает поглощенность земными заботами. Са'ди рассказывает нам о купце, который «одной ночью хвастался на острове Киш о своих торговых планах, в которых он собирался везти персидскую серу в Китай, китайскую керамику в Рим, римский шелк в Индию, индийскую сталь в Сирию, сирийские зеркала в Йемен, йеменские мечи в Персию, и . . .». Са'ди описал его с ядовитой насмешкой: «Узкие глаза человека земных страстей засорены либо расчетливостью или же могильной плесенью».

Все эти отношения основываются на ошибочном предположении, что бедность предпочтительнее богатства и что богатые удалены от спасения и больше подвержены множеству недостатков, начиная от алчности и скудости до пренебрежения и гордыни. Хафиз был одним из единичных голосов, кто смело подвергнул сомнению моральные принципы аскетизма ….

Вся эта риторика предназначалась в качестве ответа на предпочтение Аль-Газзали «терпеливых бедных благодарным богатым» и на его убеждение, что «при молитвах богатые никогда не достигнут такой эйфории и радости, как бедные».

(14) Наука, фактически существующая наука, исследующая природу вещей и оспаривающая эту природу, сегодня является осью, фокусом и двигателем развития. В тех случаях, когда общества владеют наукой, они являются обладателями прогресса и современности. Слабые и сильные стороны науки отражают слабые и сильные стороны развития. Другими словами, наука и развитие имеют одинаковую траекторию и судьбу. Другой вид науки, если возможно, даст другой мир, историю и социальное развитие. Открытия науки и достижения цивилизации делают невозможным возврат в прошлое. Данная точка зрения всегда имела определенных оппонентов. Самые важные и последние из таковых представлены в школах мысли, которые видят неразрывную связь между знанием и властью (Фуко) или находят неопровержимую связь между наукой и предубеждениями и интересами человека (Хабермас). Есть и другие, кто, признавая достоверность науки, считают, что она оказывается под влиянием социальных установок и сил (Эдинбургская школа, Барнс и Блур). Другие определяют науку как бессознательную идеологию сообщества практиков (Кун). В конце концов, существуют и такие (Фейерабенд), кто приравнивает науку к некоторому виду волшебства и суеверий. Таким образом, они все подвергают сомнению объективность и реализм науки и стремятся свести ее к некоему подобию социальной привычки или нормы, сопоставимой с

частными и коллективными вкусами. Комбинация подобных представлений привела к яростным нападкам постмодернизма на разум и науку. Хотя все эти идеи начинают демонстрировать признаки упадка, они все еще привлекательны для некоторых интеллектуалов-экстремалов. ...

Во-вторых, свержение науки с престола– это одно, а признание недействительной – это совсем другое. Постмодернизм, который вынес вердикт об относительности правды (что равнозначно ее отрицанию), теперь в соответствии с собственным вердиктом, лишенный правды или нет, несет заряд противоречия самому себе. В любом случае, ему не хватает решительности и сил действовать в качестве оружия против науки. Это правда, что наука больше не рассматривается как единственно возможная форма знаний и единственный действенным метод обнаружения истины. Но это только опровергает позитивистскую точку зрения о науке. Опровержение позитивизма – это не одно и то же, что опровержение науки. ….

Позитивизм своими корнями уходит в две доктрины: отрицание историчности науки и разума и вера в возможность непосредственного, т.е. не обремененного теорией и голого, наблюдения. Соответственно, все усилия антипозитивистских школ мысли сводились к демонстрации того, что наблюдение, предшествующее теории и незатронутое ею, будет химерой. Значение и таинство объективности науки для позитивистов было не чем иным как освобождением от предпосылок. Аналогично, опровержение объективности для мыслителей более позднего времени было не чем иным как опровержением позитивистских предпосылок. Если индукция и опорочена сегодня, это только из-за ее логической стерильности, а не как следствие принципа философской неопределенности. Скорее это произошло из-за открытия переполненного эмпирического мира, которое извлекло природу вещей из темных недр и выпустило в ослепляющую и ошеломляющую бурю сил и больших пространств. Получающееся в результате головокружительное слияние явлений преподносит задачу комплекса научной индукции как нечто ужасного.

В любом случае, постмодернизм, который не мог сделать нечто большее, чем развенчать позитивистское мышление, достиг точки, когда он должен был решить, поддерживать ли ему релятивизм или обратиться к другому методу непосредственного понимания истины. Позитивизм должен быть отвергнут, но не ценой свержения науки и разума….

Если мы согласимся с тем, что наука успешно справилась с задачей манипулирования природой, то как тогда мы можем интерпретировать данный успех рационально, кроме как согласившись с тем, что она отражает действительность? Разве не каждый шаг успеха с природой показатель шага в установлении реализма науки? …

Не следует преувеличивать критику науки. Антипозитивитские нападки на науку не должны быть истолкованы как нападки на рациональные ценности и значение науки по существу. Не должно человечество пренебрегать таким

чрезвычайно эффективным инструментом в понимании своей истории. Самое главное то, что необходимо остерегаться неправильного толкования важного слияния науки и развития, которое тем самым ставит под сомнение развитие, подвергая нападкам науку. Поиски истины влекут за собой поиски науки. Наука одновременно является хранилищем и путеводителем по тайнам природы. Люди – субъекты, склонные к размышлениям. Они действуют в радиусе своих знаний… Неприятие науки возвращает к узости кругозора, что заставляет вспомнить мрачное средневековье. …

Мы должны предоставить место для науки, потому что ценности, которые поощряют науку – те же самые ценности, которые поддерживают развитие…

(15) Теперь становится ясным, что принципы развития состоят из двух перечней принципов: этики науки и этики процветания. Моральные принципы современного времени впервые подчеркнули, одобрили и сформулировали эти добродетели. Таким образом, вчерашний гротескная тайна сегодня стала начищенной до блеска красотой. ...

На пути развития мы должны отталкиваться от наших традиций. Однако традиции могут оказаться как оковами, так и точками опоры. Временами к ним надо прибегать как к убежищу, а порой их следует избегать, как тюрем. Моральные принципы науки и процветания – это две группы полезных традиций, в которых мы нуждаемся больше, чем когда-либо.

ИСТОЧНИК: Reason, Freedom & Democracy in Islam: Essential Writtings of Abdolkarim Soroush. Mahmoud Sadri, Ahmad Sadri (Trans. Ed.). Oxford New York: Oxford University Press, 2000, стр. 39-53.
ПЕРЕВОД ПАХЧ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЙ:

1. Насколько реальны различия между направляющими и обслуживающими ценностями? Подкрепите свои аргументы фактами из личного жизненного опыта.
2. Что вы думаете на тот счет, что ложь во спасение предпочтительнее правды, приносящей вред? Вы согласны с этим утверждением?
3. Детально объясните три важных вопроса, касающихся ценностей, которые предшествуют социальному развитию. Почему автор уверен, что старые привычки и традиционное поведение должны измениться, прежде чем станут возможными социальное и экономическое развитие?
4. Как историки и социологи понимают ценности, которые предшествовали и поддерживали развитие Запада? Как вы понимаете частные пороки и общественное благо, представленные Мандевилем?
5. Считаете ли вы, что этические ценности можно изменить? Какова роль этических ценностей в мусульманской и других восточных цивилизациях?
6. Каким образом можно связать ценности с идеями развития в мусульманских странах, в том числе в Центральной Азии? Какова должна быть роль науки в данном процессе? Какие другие факторы нам необходимы для социально-экономического прогресса?

ОБЗОРНЫЕ ВОПРОСЫ:

- В чем сходство между взглядами Суруша по поводу взаимосвязи ценностей и развития и роли религиозной этики в экономике и идеями Макса Вебера и Фукуямы?
- Как вы считаете, должны ли быть понятия о развитии и демократии в развивающихся странах такими же, как в западных странах (подумайте над позицией Фукуямы)? Возможна ли азиатская альтернатива демократии?
- На ваш взгляд, почему справедливость важна для человека и общества? Что вы думаете насчет справедливости в исламских источниках и мусульманских обществах?
- Как вы принимаете или оцениваете понятие о справедливости в Европе и на Западе, представленное Сорокиным? Напишите эссе на тему социальной справедливости и социального равенства, основываясь на предложенных текстах и личным опытом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Reason, Freedom, and Democracy in Islam: www.questia.com/library/book/reason-freedom-and-democracy-in-islam-essential-writings-of-abdolkarim-sorou...
- Ideas, Islam & Iran, Abdolkarim Soroush, www.iranian.com/Opinion/Oct98/Soroush/index.html - 59k
- Abdolkarim Soroush, books and speeches, www.drsoroush.com
- Abdolkarim Soroush, www.en.wikipedia.org/wiki/Abdolkarm_Soroush -49k

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ

Поэты, больше чем кто бы то ни было, превозносили ценность Справедливости. Они слагали пеаны и даже создали метафору: поэтическая справедливость. От Гомера до Роберта Фроста либеральное использование поэтами этой метафоры для комментирования иронии жизни выступает в качестве исполнения желаний, к которому стремимся все мы. В этой главе вниманию читателя предлагаются три уникальных стихотворения, в которых излагаются различные точки зрения на социальную справедливость.

Первый текст выбран из коллекции стихов, являющейся частью советского наследия (XXв. Дагестан, Россия), В стихотворении рассматривается сложная проблема, касающаяся образа жизни людей, которые задумываются над своими каждодневными поступками. Автор желает донести до читателя то, что иногда люди должны остановиться и задуматься о смысле прожитого дня (как это было принято в Древней Греции во времена Пифагора), о поступках, которые они совершили, о словах, которыми они хвалили или упрекали других людей. Он также говорит о том, что лучше остановиться и подумать, нежели поспешить и сотворить ошибку. Чтобы добиться справедливости, люди сами должны контролировать свои мысли, слова и действия.

Во втором стихотворении рассматривается вопрос о непреодолимых различиях между природой народов Запада и Востока. Читатель может поразмышлять о том, как поэт стирает различия между Востоком и Западом в противостоянии между иноземцами, сведенном к простому равенству встречи одной индивидуальности с другой индивидуальностью. Это общая основа между афганским «мародером» (вором) и британским солдатом достигается через признание и уважение ими таких ценностей как доблесть и открытость. Здесь справедливость кажется обычной в сравнении с храбростью и способностью уважать другого. Десятилетиями первая строфа этого стихотворения захватывала воображение всех тех, кто искал общее между собой и другим. Но в нём также звучит тема танца смерти и разума. Эти условия со всей настойчивостью также приводят человеческую природу к общей основе.

Третье стихотворение выходит за узкие рамки националистических программ навстречу общечеловеческим целям: свободе от страха, свободным знаниям, широте мысли, глубине правды, борьбе за совершенство, победе здравого смысла над силой привычки и мысли, ведущей к действию. Это стихотворение-молитва предлагает нам взгляд на несправедливость, увековеченную в принятом слепо национализме, и ищет пути выхода из него. Может ли разум быть по-настоящему свободным от страха, а мир – от стесняющих стен? На самом ли деле человечеству необходим

такой свободный мир? Почему тогда оно ставит всяческие границы, в особенности, в отношении нуждающихся? Существует множество правил, не допускающих нуждающихся к тому, в чем они нуждаются, будь то законы о частной собственности, наследовании, постановления об использовании общественной собственности, положения о рынке и конкуренции или законы об эмиграции. Почему же тогда это стихотворение затрагивает сокровенные струны нашего сердца?

Четвертое стихотворение подталкивает нас к исследованию территории справедливости, которая находится где-то между гнетущим существованием и волшебной надеждой. Но стихотворение прославляет не чудо, а бедствующих крестьян. Их жизнестойкость, несмотря на бедность, притягивает наше внимание. Их страдание, свободное выражение и обычные занятия кажутся добродетельными и подкупающими.

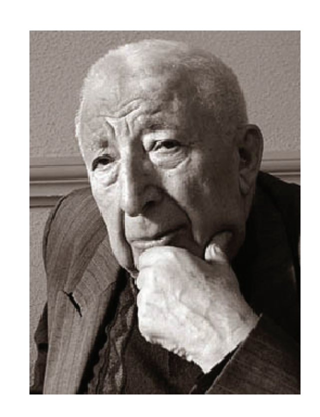
Последнее стихотворение ставит вопрос об установлении справедливости в вечности, о наказаниях за человеческие грехи на том свете. Понятно, что, согласно религиозным учениям, верующие - те, кто совершили добрые дела, - попадают в рай. Но автор ставит вопрос об иноверце, или о человеке, который верит во что-то другое. Будет ли он наказан? Если да, за что? И будет ли это справедливо?

Главные герои всех этих произведений относятся к различным классам и группам общества: солдат и вор, интеллигент и неисправимо оптимистичный крестьянин, верующие и неверующие. Мы узнаем в каждом из этих героев себя. Или нет?



КАРИКАТУРА НА СЕСИЛА ДЖОНА РОДЕСА ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ИМ ПЛАНОВ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ТЕЛЕГРАФНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ КЕЙПТАУНОМ И КАИРОМ.
Эдвард Линли Самбурн. 10 декабря 1892 г.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ. НЕ ТОРОПИСЬ



Расул Гамзатов (1923 – 2003) - известный поэт из Дагестана (Россия), писавший на своем родном аварском языке. Является лауреатом Ленинской премии, которую он получил за сборник стихов «Высокие звезды» (1962), также Гамзатов был удостоен звания Народного поэта Дагестана. В период с 1950 года по 2003 год занимал должность председателя Союза Писателей Дагестана. Среди ряда публикаций Расула Гамзатова можно особенно отметить сборник стихов «Пламенная любовь и жгучая ненависть» (1943), сборники стихов и поэм «Год моего рождения» (1950) и «Колесо жизни» (1987). Творчество этого выдающегося писателя и поэта было чрезвычайно плодотворным.

Ты, на заре проснувшись, сделай милость,
Еще хоть миг с собой наедине
Побудь и вспомни все, что ночью снилось:
Смеялся или плакал ты во сне!

И глянь в окно: какая там погода,
Туманна ли округа иль светла?
Метет ли снег до края небосвода
Иль катятся дождинки вдоль стекла?

И если в этот час не бьет тревога,
Вдали обвалом сакли не снесло,
Не торопись и дьяволом с порога
Не прыгай, милый, в горское седло.

Не торопись, как деды завещали,
И всякий раз, с обычаем в ладу,
До каменной околицы вначале
Веди коня лихого в поводу.

Как часто мы, куда-то путь направив,
Брать скакунов не любим под уздцы
И, шпорами бока им окровавив,
Летим быстрей, чем царские гонцы.

У нас рубахи выцвели от соли
И капли пота льются на виски.
Позабываем спешиться мы в поле,
Остановиться около реки.

Ценить не научились мы поныне
Высоких слов и запросто порой,
Что произносят тихо на вершине,
Выкрикиваем громко под горой.

Нам осадить коней бы по старинке
Перед аулом, мудрыми слывя,
Чтоб разузнать, в нем свадьба иль поминки,
А мы влетаем голову сломя.

Герои оклеветанные пали
Не на дуэлях в наши времена,
Чьи в запоздалой, но святой печали
Воскрешены бесстрашно имена.

Не выносите спешных приговоров,
Не присуждайте наскоро наград,
Чтоб не краснеть, чтоб избежать укоров,
Когда в пути оглянетесь назад.

И мужество должно владеть собою!
Кто тороплив, кто ветреней молвы,
Тот без коня вернется с поля боя
Или верхом без глупой головы.

Я не зову к покою или спячке,
Я сам люблю дыхание грозы,
Но жизнь есть жизнь, а не бега, не скачки,
И в жизни добывают не призы.

Учи, поэт, суровые уроки
И не бери без боя города,
Чтоб наскоро написанные строки
Не рвать потом, сгорая от стыда.

Ты сел в седло, веселый иль угрюмый,
Не торопись, уму не прекословь,
На полпути остановись, подумай,
И оглянись, и путь продолжи вновь!

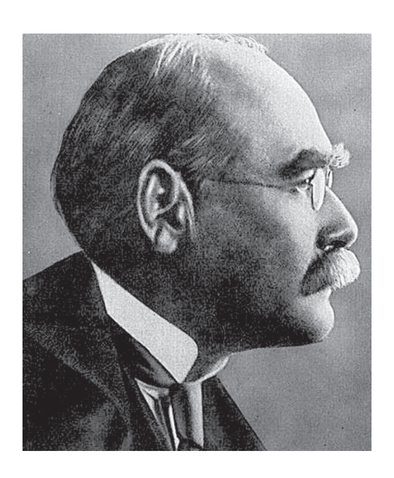
ИСТОЧНИК: Расул Гамзатов. Избранные стихотворения. - М.: Издательство «Радуга», 1974.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. К чему призывает автор читателя? Призывает ли он людей к почтительности? Как он предлагает исключить из своей жизни спешку?
2. Почему самоанализ важен для людей и самого автора? Как человек должен поступать, чтобы иметь чистую совесть? Какое место занимает совесть в индивидуальности человека и в общественной жизни?
3. Зачем нам заниматься поиском себя?
4. Почему бывает сложно принимать общественные решения?
5. Почему, делая суждения о чем-либо, мы не должны торопиться?
6. Насколько важны разум и размышления для установления справедливости?
7. В какой мере поэт и поэзия могут содействовать установлению социальной справедливости? Как могут они побуждать людей избегать греховных действий (бояться быть осужденными и пристыженными) и использовать общественное мнение как средство общественного контроля?
8. Какие средства используют поэты, чтобы оказывать позитивное или негативное воздействие на общественное сознание? Какую роль играют слова и символы в человеческой истории?
9. Насколько отличается поэзия от прозы своим воздействием? Чем они отличаются от религиозных, политических и научных механизмов воздействия на человеческое поведение?
10. Может ли поэзия (поэт) несправедливое превратить в справедливое?

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ. БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ (THE BALLAD OF EAST AND WEST)

Редьярд Киплинг (1865-1936) – английский писатель, поэт, родившийся в Индии и прославившийся своими книгами для детей, среди которых наиболее известными являются «Книга джунглей» (1894) и «Вторая книга джунглей» (1895). Его роман «Ким» (1901), стихотворения «Мандалей» (1890) и «Гунга Дин» (1890) развертывают перед нами уникальный взгляд на Британский империализм. В 1907 году Редьярд Киплинг стал Лауреатом Нобелевской премии по литературе (1907).



О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Когда сильный с сильным лицом к лицу у края земли встаёт?
Камал бежал с двадцатью людьми на границу мятежных племён,
И кобылу полковника, гордость его, угнал у полковника он.
Из самой конюшни её он угнал на исходе ночных часов,
Шипы на подковах у ней повернул, вскочил и был таков.
Но вышел и молвил полковничий сын, что разведчиков водит отряд:
“Неужели никто из моих молодцов не укажет, где конокрад?”
И Мохаммед Хан, риссальдара сын, вышел вперёд и сказал:
“Кто знает ночного тумана путь, тот знает его привал.
Проскачет он в сумерки Абазай, в Бонаире он встретит рассвет
И должен проехать близ форта Букло, другого пути ему нет.
И если помчишься ты в форт Букло летящей птицы быстрей,
То с помощью божьей нагонишь его до входа в ущелье Джагей.
Но если он минул ущелье Джагей, скорей поверни назад:
Опасна там каждая пядь земли, там Камала люди кишат.
Там справа скала и слева скала, терновник и груды песка...
Услышишь, как щёлкнет затвор ружья, но нигде не увидишь стрелка”.
И взял полковничий сын коня, вороного коня своего:
Словно колокол рот, ад в груди его бьёт, крепче виселиц шея его.
Полковничий сын примчался в форт, там зовут его на обед,
Но кто вора с границы задумал догнать, тому отдыхать не след.
Скорей на коня - и от форта прочь, летящей птицы быстрей,
Пока не завидел кобылы отца у входа в ущелье Джагей,
Пока не завидел кобылы отца, и Камал на ней скакал...
И чуть различил ее глаз белок, он взвел курок и нажал.
Он выстрелил раз, и выстрелил два, и свистнула пуля в кусты...
“По-солдатски стреляешь, - Камал сказал, - покажи, как ездишь ты”.
Из конца в конец по ущелью Джагей стая демонов пыли взвилась,
Вороной летел как юный олень, но кобыла как серна неслась.

Вороной закусил зубами мундштук, вороной дышал тяжелей,
Но кобыла играла легкой уздой, как красотка перчаткой своей.
Вот справа скала и слева скала, терновник и груды песка...
И трижды щёлкнул затвор ружья, но нигде он не видел стрелка.
Юный месяц они прогнали с небес, зорю выстукал стук копыт,
Вороной несётся как раненый бык, а кобыла как лань летит.
Вороной споткнулся о груду камней и скатился в горный поток,
А Камал кобылу сдержал свою и наезднику встать помог.
И он вышиб из рук у него пистолет: здесь не место было борьбе.
“Слишком долго, - он крикнул,- ты ехал за мной, слишком милостив был я к тебе.
Здесь на двадцать миль не сыскать скалы, ты здесь пня бы найти не сумел,
Где, припав на колено, тебя бы не ждал стрелок с ружьем на прицел.
Если б руку с поводьями поднял я, если б я опустил ее вдруг,
Быстроногих шакалов сегодня в ночь пировал бы весёлый круг.
Если б голову я захотел поднять и её наклонил чуть-чуть,
Этот коршун несытый наелся бы так, что не мог бы крылом взмахнуть”.
Легко ответил полковничий сын: “Добро кормить зверей,
Но ты рассчитай, что стоит обед, прежде чем звать гостей.
И если тысяча сабель придут, чтоб взять мои кости назад.
Пожалуй, цены за шакалий обед не сможет платить конокрад;
Их кони вытопчут хлеб на корню, зерно солдатам пойдёт,
Сначала вспыхнет соломенный кров, а после вырежут скот.
Что ж, если тебе нипочем цена, а братьям на жратву спрос -
Шакал и собака отродье одно, - зови же шакалов, пёс.
Но если цена для тебя высока - людьми, и зерном, и скотом, -
Верни мне сперва кобылу отца, дорогу мы сыщем потом”.
Камал вцепился в него рукой и посмотрел в упор.
“Ни слова о псах, - промолвил он, - здесь волка с волком спор.
Пусть будет тогда мне падаль еда, коль причиню тебе вред,
И самую смерть перешутишь ты, тебе преграды нет”.
Легко ответил полковничий сын: “Честь рода я храню.
Отец мой дарит кобылу тебе - ездок под стать коню”.
Кобыла уткнулась хозяину в грудь и тихо ласкалась к нему.
“Нас двое могучих,- Камал сказал, - но она верна одному...
Так пусть конокрада уносит дар, поводья мои с бирюзой,
И стремя мое в серебре, и седло, и чепрак узорчатый мой”.
Полковничий сын схватил пистолет и Камалу подал вдруг:
“Ты отнял один у врага, - он сказал, - вот этот дает тебе друг”.
Камал ответил: “Дар за дар и кровь за кровь возьму,
Отец твой сына за мной послал, я сына отдам ему”.
И свистом сыну он подал знак, и вот, как олень со скал,
Сбежал его сын на вереск долин и, стройный, рядом встал.
“Вот твой хозяин, - Камал сказал, - он разведчиков водит отряд,
По правую руку его ты встань и будь ему щит и брат.
Покуда я или смерть твоя не снимем этих уз,
В дому и в бою, как жизнь свою, храни ты с ним союз.
И хлеб королевы ты будешь есть, и помнить, кто ей враг,
И для спокойствия страны ты мой разоришь очаг.
И верным солдатом будешь ты, найдешь дорогу свою,
И, может быть, чин дадут тебе, а мне дадут петлю”.

Друг другу в глаза поглядели они, и был им неведом страх,
И братскую клятву они принесли на соли и кислых хлебах,
И братскую клятву они принесли, сделав в дёрне широкий надрез,
На клинке, и на черенке ножа, и на имени Бога чудес.
И Камалов мальчик вскочил на коня, взял кобылу полковничий сын,
И двое вернулись в форт Букло, откуда приехал один.
Но чуть подскакали к казармам они, двадцать сабель блеснуло в упор,
И каждый был рад обагрить клинок кровью жителя гор...
“Назад, - закричал полковничий сын, - назад и оружие прочь!
Я прошлою ночью за вором гнался, я друга привел в эту ночь”.
О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Когда сильный с сильным лицом к лицу у края земли встаёт?

(Перевод Е. Полонской)

ИСТОЧНИК: http://dev.ice.ru/tanda_private/111045/tnd_article_t?PRINT_VIEW=YES

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Так ли уж Запад отличается от Востока? Почему да? Почему нет?
2. Делает ли поэт, по вашему мнению, различия на основании веры, деяний или расы?
3. Какие ценности, на ваш взгляд, являются наиболее важными в этой балладе?
4. Имеют ли солдаты и вооруженные люди другую систему ценностей? Каковы их общественные и частные кодексы поведения, по вашему мнению?
5. В чем сходство и отличие Камала от сына полковника?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Существует ли различие в том, как Запад и Азия воспринимают справедливость и ее роль в государстве и обществе?
2. Как мы можем навести мосты между Востоком и Западом, собой и другими, мужчинами и женщинами?
3. Чем, по-вашему, отличаются схватки между афганскими и британскими солдатами сегодня от того времени, когда писал Киплинг (конец 19 в.)? Что изменилось с тех пор?
4. Имеет ли эта история универсальное значение? Другими словами, могло ли подобное произойти в другой культуре, в другом уголке мира?

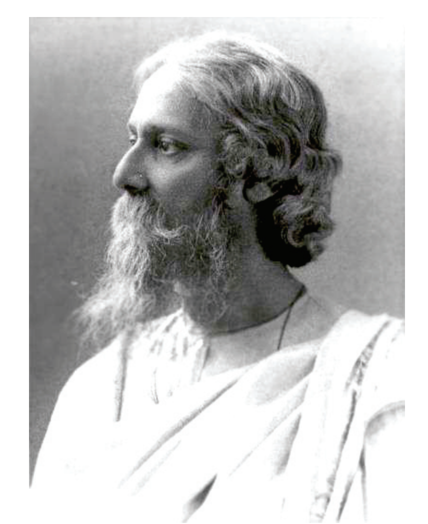
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- The Ballad of East and West by Rudyard Kipling, www.bartleby.com/246/1129.html
- Complete collection of poems by Rudyard Kipling, www.poetryloverspage.com/poets/kipling/kipling_ind.html
- Biography of the author, www.en.wikipedia.org/wiki/Rudyard_Kipling
- Rudyard Kipling – Biography and Works, www.online-literature.com/kipling/



Томас Коул. Плавание в жизнь: юность. 1842

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. ГИТАНДЖАЛИ (ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ)



Рабиндранат Тагор (1861-1941) – индийский поэт, философ, писатель, художник и общественный деятель, первый из выходцев из Азии получивший Нобелевскую премию в области литературы (1913). Написал множество поэтических и прозаических произведений, в том числе «Гитанджали» (1912), «Гора» (1910), «Гхаре-байре» (1916).
Тагор - единственный поэт в мире, стихи которого стали национальным гимном двух стран – Индии и Бангладеш («Джана Гана Мана» и «Сонар бангла»).

ГИТАНДЖАЛИ (ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ)

Где мысль бесстрашна и чело гордо поднято;
Где знание свободно;
Где мир не разбит на клетки перегородками;
Где слова исходят из глубин истины;
Где неустанное стремление простирает руки к совершенству;
Где светлый поток разума не блуждает в бесплодной и мертвой пустыне песков;
Где разум направлен к высоким помыслам и деяниям, –
В этих небесах свободы, отец мой, да пробудится страна моя!

(Перевод Н. А. Пушешникова)

ИСТОЧНИК: http://abovo.net.ru/book/81205

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Отличаются ли ценности, о которых говорится в «Гитанджали», от ценностей, о которых говорит Киплинг? Являются ли они универсальными?
2. Почему складывается ощущение, что главные герои стихотворений Тагора и Киплинга – это личности с высоко развитым чувством самоуважения и достоинства? Являются ли самоуважение и чувство собственного достоинства необходимыми условиями для равенства и социальной справедливости?
3. Являются ли, кроме того, эти герои примерами храбрости и чести? По-вашему, храбрость важнее справедливости?
4. Обнаруживаете ли вы местнические (ограниченные) ценности в этих двух поэмах, которые отделяют восточные ценности от западных?
5. Какие ценности необходимы для поддержания социальной справедливости?



В.И. Суриков. Утро стрелецкой казни. 1881

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ. КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878) – русский поэт, издатель журнала «Современник». Детство Некрасова проходило в имении на берегу реки Волга, где он наблюдал тяжелый труд рабочих и условия жизни российского крестьянства, что и нашло отражение в его сочинениях. Он написал множество произведений, среди которых сборник стихов «Мечты и звуки», романы «Три страны света», «Мертвое озеро», поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины». Самой известной его работой остаётся поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1873-1876), в которой рассказывается о семи крестьянах, пустившихся в путешествие по России в поисках счастья и свободы. Гениальный русский писатель Федор Михайлович Достоевский (1821-1888) отмечал, что Некрасов был величайшим поэтом после Пушкина и Лермонтова.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году - рассчитывай,
В какой земле - угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дыряева,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова -
Неурожайка тож,
Сошлися - и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому!-
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь -
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие -
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою -
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале - то скорей.
Идут - перекоряются!
Кричат - не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли - куда не ведая,



В.М. Васнецов. С квартиры на квартиру. 1876

Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: "Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?.."
Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...
"Куда?.."- Переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные,
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени, тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать - обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел - умом раскидывал
И молвил наконец:

"Ну! Леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться -
Устали, не дойдем.
Присядем,- делать нечего,
До солнца отдохнем!.."

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка -
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели - и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому,-
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди - уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего,-
И всяк свое кричит!
Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю!- направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! Попу! Попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,-
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка.
Где птенчик?- не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом -

Не будешь куковать!
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса -
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка -
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела - а живет оно,
Без языка - кричит!

Сова - замоскворецкая
Княгиня - тут же мечется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...



И.П. Аргунов. Портрет неизвестной крестьянки в русском костюме. 1784

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
“И черт их не поймет!”
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили -
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: “Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну - с ладони скатишься,
Чихну - в огонь укатишься,
Щелкну - мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Попросим - и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?”

"Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день,-
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!"-
Сказал угрюмый Пров.

"Да по ведру бы водочки",-
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

"Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку",-
Шутили мужики.

"А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску".

"А вечером по чайничку
Горячего чайку..."

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

"Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой".
- А что ты дашь?
- Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!

"А где, пичуга малая,-
Спросили братья Губины,-
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?"
"Найти - найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти".
- Скажи!
- Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее,-
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
"Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!"
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь - пустите птенчика!

"Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю,-
Ответил ей Пахом.-
Ты, вижу, птица умная,
Уважь - одежу старую
На нас заворожи!"

"Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися!" -
Потребовал Роман.
"Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися",-
Потребовал Демьян.

"Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася",-
Потребовал Лука.

"Не прели бы онученьки..."-
Потребовали Губины...
А птичка им в ответ:
"Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет...Ну, пусти..."

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил - и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженьки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
"Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба - то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два - исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!"

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли!- Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку -
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли - и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
"Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!"

Глядь - скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.

- А что же нет огурчиков?
- Что нет чайку горячего?
- Что нет кваску холодного?
Всё появилось вдруг...



Г. Седов. Иоанн Грозный у смертного одра своей супруги Василисы. 1875

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести -
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

ИСТОЧНИК: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0030.shtml#03

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Почему, по-вашему, счастье и свобода так важны для крестьян, что они устроили такой горячий спор?
2. Почему их стремление найти человека, который счастлив и свободен в России, гораздо важнее, чем стремление найти работу, заработать денег или просто отдохнуть?
3. Почему они решили обратиться к попу, чиновнику, торговцу и царю как к тем, кто, по их мнению, скоре всего, счастлив и свободен? Что общего между всеми этими людьми?
4. Какова роль природы в этом стихотворении?
5. Часто ли крестьяне были разочарованы, несчастливы и подавлены? Почему да? Почему нет?
6. Когда с ними случается чудо, что пожелали крестьяне? Почему они не попросили золота, драгоценных камней или дворцов?



А.П. Рябушкин. Московская улица 17 века в праздничный день

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

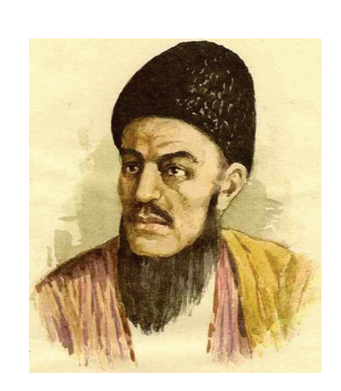
1. Как это стихотворение связано с другими?
2. Существуют ли общие черты у солдат, воров, интеллигентов и крестьян?
3. Как поэты понимают справедливость? Представляет ли она собой особую важность или не представляет никакой? Можете ли вы обосновать свой ответ?
4. Позволяет ли нам поэзия увидеть вопросы в ином свете, чем проза? Почему да? Почему нет?

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Who can by Happy and Free in Russia? By Nicholas Nekrassov, www.fullbooks.com/Who-Can-Be-Happy-And-Free-In-Russia-7.html
- Poetry by Nikolay Nekrasov, www.ftp.cerias.purdue.edu/pub/project_gutenberg/ACCESS/GTNLETNO.HTM
- Russian Literature and history, www.samizdat.stores.yahoo.net/soviet.html
- Poems by Nicholas Nekrassov, www.bookshop.blackwell.co.uk/jsp/id/Poems_by_Nicholas_Nekrassov/9780842017817

МАХТУМКУЛИ ПИРАГИ. В ТОТ ДЕНЬ, ДРУЗЬЯ

Махтумкули Пираги (Махтумкули Фраги) (1733–1783) –духовный лидер туркмен, поэт, восхваляющий нравственность и писавший философские стихи, приложил значительные усилия для развития образования в обществе. Махтумкули пытался поучать правящий класс, добиться независимости для своего народа. Поэзия была его главным инструментом в деле осуществления своей просветительской миссии. Он также являлся благочестивым суфием, путешествовал по разным странам, изучал жизнь людей - в том числе жизнь туркменского народа - обучал их и молился за их спасение. Махтумкули пропагандировал идею, что люди должны придерживаться священного пути, а также идею о том, что необходимо сохранять единство и целостность всех народов. Махтумкули является автором многочисленных стихов и афоризмов.



К иному миру устремляйся, сердце,
А в этом мире прочных нет услад.
Власть божья всюду. Только в иноверце
Нет веры правой в горний вечный град.
Кого бы здесь могла не взять могила?
Смерть усмирить ужели будет сила?
Иса с Мехти умрут, и Израфила
Прольется голос — громовой раскат.
Так погляди в лицо чудес грядущих!
Исчезнет жизнь во всех степях и пущах:
У всех людей, зверей, у птиц поющих
В ту пору душу с телом разлучат.
А Израфил ударит на шайтана,
И тот бежит, и рухнет бездыханно
На остров Серендиб средь океана,
И там издохнет, ужасом объят.
Назавтра будет день назначен Судный;
Совьется небо над землей безлюдной;
В одежде гнева выйдет огонь подспудный;
Моря, иссохнув, глуби обнажат.
И потекут, свинцом расплавясь, горы,
Круша дворцов устои и опоры,
И черная луна взойдет в просторы,
Померкнет солнце, хлынет звездопад.
И вновь потоп, как страсть, пройдет по суше,-
Да внемлет всякий, у кого есть уши!
Тут Израфил вернет из плена души

И ангелы в тела их поместят.
Разбужена трубою Израфила,
Останки плоти возвратит могила —
Вокруг скелета обовьется жила,
И всё срастется с головы до пят.
И пред Судом воскресшие предстанут,
На жизнь свою, на зло и благо взглянут,
Весы господни их дела потянут —
И будет рдеть, добычи алча, ад.
В свидетели законы призовутся,
Все семьдесят два племени сойдутся,
Все верные в двенадцать толп сольются,
Но каждую в иной поставят ряд.
И рук предстанут сеятели злобы;
Примчатся свиньи, грязны, низколобы —
Те, кто презрел намаз; вползут в утробы
Фаланги к тем, кто не вносил зекят.
Всё вскроется, что было сокровенным;
Клеветникам и сплетникам презренным
Рты разорвут и огненным поленом
Затылки обдерут и заклеймят.
Ослепнут все властители-злодеи;
У скрытников во рту склубятся змеи;
У любодеев перекрутит шеи:
Вниз головой пойдут за свой разврат.
Ростовщики узнают силу гнева:
Кишки у них потянутся из чрева;
Все кинутся направо и налево,
Не вынеся от них идущий смрад.
Все жадные скупцы и себялюбы,
Все, кто с народом были злы и грубы,
Все, кто в сирот свои впускали зубы, —
Всем вычернит их лица адский чад.
Глаза пьянчуг повиснут вне орбиты,
Зубами ноздри будут их пробиты,
И языки до корня будут вскрыты,
И всё их пойло вытечет назад.
Кто причинял родителям страданья,
Те из огня получат одеянья
И, корчась, поползут на посмеянье;
Воды попросят — поднесут им яд.
В двенадцатом ряду — с иным уделом:
То праведники; на верблюде белом
В рай въедет каждый с просветленным телом,
И как луна их просияет взгляд...
Словам Корана следовал я строго;
К могиле наша пролегла дорога;
Махтумкули страшит немилость бога:
В тот день, друзья, что с нами сотворят?!

ИСТОЧНИК:.МАХТУМКУЛИ. В тот день, друзья. // Махтумкули. Стихотворения. Перевод с туркм. Г. Шенгели, сост. М. Овезгельдыева, Л. : Сов. Писатель, 1984. - С. 251-253.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Махтумкули. Избранное. Составитель Б. А. Каррыев. / Пер. с туркм. А. Тарковского, Г. Шенгели. - Ашхабад: «Ылым», 1979. - 267 с.
2. Махтум-Кули. Избранное. / Перевод с туркменского. Составитель Б. А. Каррыев. - М.: Художественная литература, 1960. - 559 с.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

Что вы думаете об описании Судного дня? Чем уникальна интерпретация Судного дня Махтумкули? Отлична ли она от традиционной религиозной интерпретации?

Как вы думаете, что происходит с людьми, которые, не являясь верующими, творят добрые дела и примерно ведут себя в обществе? Будут ли они гореть в аду, во что многие верят, или же они попадут в рай? Что думают по этому поводу верующие? Что неверующие могут ответить на данное высказывание?

Находите ли вы концепцию «Судного дня» важной для мусульман? Как мы можем связать данную идею с концепцией справедливости?

Как вы считаете, является ли страх главным инструментом для воспитания, для выработки хорошего поведения, улучшения морально-нравственных отношений?

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБЗОРА:

1. Сравните, пожалуйста, концепции «Судного дня», присущие различным религиям: что общего и что различного между ними? Как работает в них концепция человеческого совершенства?
2. Какие еще существуют методы для того, чтобы научить людей совершать хорошие поступки, чтобы установить справедливость не на словах, а на деле? Сравните, пожалуйста, концепции справедливости в стихотворениях Киплинга, Тагора, Некрасова и Махтумкули: в чем заключаются различия между ними?
3. Как поэзия помогает людям бороться с несправедливостью в обществе и бросать вызов правящему классу, и каким образом она побуждает людей больше задумываться о жизненных ценностях? Попытайтесь, пожалуйста, написать эссе или исследовательскую работу на тему поэзии и справедливости.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

www.ru.wikipedia.org
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Serment_du_jeu_de_paume.jpg
http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:Ex%C3%A9cution_de_Marie_Antoinette_le_16_octobre_1793.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Skulls_from_the_killing_fields.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Repin_17October.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Leo_Tolstoy
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Napoleons_retreat_from_moscow.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Kutuzovborodino.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Emile_Zola_2.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Degradation_alfred_dreyfus.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Massacre_saint_barthelemy.jpg

ГЛАВА ПЯТАЯ

http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Max_Weber_1894.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Francis_Fukuyama_1.jpg
http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/87/Pugachev1879.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:ChartistRiot.jpg
http://commons.wikimedia.org/wiki/Image:Blind_Justice.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Soroush

ГЛАВА ШЕСТАЯ

http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Kiplingcropped.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Cole_Thomas_The_Voyage_of_Life_Youth_1842.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Tagore3.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Surikov_streltsi.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Vanetsov_Moving_House.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Argunov_pt_neizv_krest.jpg
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Ryabushkin_17centMoscow.JPG
http://en.wikipedia.org/wiki/Image:Sedov1875.jpg

ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Редактор: Хайруддинова Неля, Фаррух Ашрапов

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
Проект Ага Хана “Человековедение“
734013 Душанбе, Таджикистан,
пр. Дружбы народов 47А
Тел. (++992-372) 245823
Факс (++992-372) 510128
Эл. почта: akhp.dushanbe@ucentralasia.org
http://www.ucentralasia.org


ISBN 978-99947-806-8-6